

ОЛЕГ
ФИЛИМОНОВ

ЗЛОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

ШЕВЕЛИТСЯ – СТРЕЛЯЙ!
ЗЕЛЕНое – РУБИ!

УХОДЯ, ГАСИТЕ ВСЕХ
ЗЛОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Олег Анатольевич Филимонов

Злой среди чужих: Шевелится – стреляй! Зеленое – руби! Уходя, гасите всех! Злой среди чужих

Серия «БФ-коллекция»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43598128

*Олег Филимонов. Злой среди чужих: Шевелится – стреляй! Зеленое – руби! Уходя, гасите всех! Злой среди чужих (сборник): Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-117738-6*

Аннотация

Оказавшемуся на Сиде Олегу Звереву предстоит множество испытаний. Для начала надо просто выжить, не имея не только оружия, но даже одежды, а потом – отыскать дорогу к людям, найти ответы на свои вопросы...

Как это сделать, если за тобой идет настоящая охота, и даже боги – твои враги, а на пути ждут схватки с хищниками, представителями враждебных рас и небольшая война?! Но надо справиться, ведь ты – специалист по выживанию!..

Спортсмен-пятиборец и бывший десантник Игорь Брасов становится обладателем браслета, наделяющего своего владельца

необычными способностями... С этого момента жизнь героя круто меняется. Игорю предстоит выжить на границе миров в заповеднике нечисти, сразиться с колдунами из сопредельного мира и частной армией высокопоставленной персоны...

Размеренную жизнь Сергея Вадбольского, профессионала, устраивающего зубодробительные сафари охотникам-экстремалам, нарушает очередная африканская революция. Герой вынужден сменить место проживания, но неожиданно для себя оказывается в покорителях дикой планеты – полном загадок и опасностей неисследованном мире.

Жизнь и свобода невольных переселенцев в руках чужаков, а окружающие реалии жестоки и не прощают ошибок. Это агрессивный, первобытный мир – земля фронта, где правит закон револьвера!

Содержание

Предисловие автора	6
Шевелится – стреляй! Зеленое – руби!	8
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	64
Глава 5	85
Глава 6	102
Глава 7	121
Глава 8	139
Глава 9	164
Глава 10	182
Глава 11	200
Глава 12	221
Глава 13	247
Глава 14	276
Глава 15	299
Глава 16	319
Глава 17	334
Конец ознакомительного фрагмента.	343

Олег Филимонов
Злой среди чужих:
Шевелится – стреляй!
Зеленое – руби! Уходя,
гасите всех! Злой
среди чужих (сборник)

© Олег Филимонов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Предисловие автора

Изначально этот роман задумывался чуть ли не как пособие по выживанию, написанное в доступной, легкоусвояемой форме и стилизованное под фантастику. И призвано было это произведение дать конкретное представление о том, что и как нужно делать, попади вы в беду. Проведя часть жизни в экспедициях, основная масса которых пришлась на 90-е годы, поневоле станешь специалистом в подобных вопросах (выживания, в смысле).

Но потом все пошло наперекосяк... Поместив героя в мир с палеолитической фауной, я быстро понял: обыкновенному человеку там делать нечего – просто не выжить! А если он случайно и уцелеет, то будет обречен влачить жалкое существование. Пришлось срочно наращивать герою мускулы и всячески его накручивать (не выходя, однако, за рамки человеческих возможностей). В результате герой получился гремучей помесью Тарзана, Робинзона и Сайреса Смита, мощностью в три Шварценеггера.

Но тут я угодил в другую крайность: большинство хитростей, предназначенных помочь человеку уцелеть в экстремальной обстановке, оказались моему герою просто не нужны, разве что для комфорта! Пришлось выкручиваться, создавая персонажу достойные его проблемы. Придумывать, куда приложить немереную силищу героя. (Но все же хочу

отметить, что большинство совершаемых героем подвигов человеку по силам: и медведей заламывали, и быкам шеи сворачивали... и самолеты зубами таскают.)

Дальше – больше... Подробное описание процесса выживания входило в противоречие с художественными достоинствами произведения. Пришлось выбирать...

Чтобы не получилось очередной «Борьбы за огонь», добавил фэнтезийного колорита. В результате пособие по выживанию превратилось в полноценный фантастический роман с саблезубыми тиграми, пещерными медведями, драконами, эльфами, гномами и прочей живностью. И пошло-поехало... И все это в ущерб подробному описанию изготовления необходимых робинзону вещей. В результате получилось совершенно не то, что предполагалось вначале. Но надеюсь, читать стало интереснее. Хотя об этом судить читателю...

Шевелится – стреляй! Зеленое – руби!

Дьявол в аду – образ положительный.
С. Е. Лец

Глава 1

*О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их,
потому что слишком многое препятствует такому
знанию – и вопрос темен, и людская жизнь коротка.*
Протагор

Родись я лет на сто раньше и следуй принятым тогда литературным канонам, эта повесть началась бы примерно так: с той поры прошло немало лет, но я до сих пор отчетливо помню те страшные дни в мельчайших подробностях...

Но, к сожалению, на дворе век двадцать первый, и большинство подобных историй начинается следующим образом: упал, потерял сознание, очнулся – гипс... или что-то в этом роде. И мне, пожалуй, придется соответствовать современным стандартам. Тем более что все примерно так и случилось...

Похоже, влип! Это нехитрое умозаключение посетило ме-

ня сразу после того, как вернулось сознание. Едва очнувшись и даже не успев осмотреться, я уже чувствовал изрядный дискомфорт. Неудивительно! Я лежал на голой земле, в спину впивались острые камни, а ног от холода так и вовсе уже не чувствовал.

Отложив на потом размышления о причинах подобного положения дел, я открыл глаза и резко сел, готовясь к решительным действиям в случае такой нужды. Предшествующий, прямо скажем, непростой жизненный опыт приучил меня сначала адекватно реагировать на непонятную ситуацию, а уж потом рефлексировать. Однако никого, с кем надо было немедленно биться или же от кого поспешно спастись, поблизости не оказалось. И то ладно. Быстро оглядев доступные взору окрестности и убедившись, что в ближайшее время неприятности мне не грозят, я перешел к осмотру собственного тела.

Похоже, все на месте – удачно! Лишнего тоже ничего нет... даже одежды! Но это нормально, так и планировалось. Самочувствие вполне приличное, хотя ощущается легкое недомогание, слегка кружится голова и закладывает уши. От лежания на камнях побаливает спина: видимо, без сознания я пробыл не меньше получаса – а это уже непорядок, хорошо хоть не съели! Ноги же ломит оттого, что они до сих пор находятся в воде, но это дело поправимое. Отодвинувшись от воды, я встал и осмотрелся по сторонам... Мать!!! А вот этого в плане не было! Увиденное мне совершенно не понрави-

лось. Определенно я попал не совсем туда, куда было задумано, – скорее, совершенно не туда. По крайней мере окружающий пейзаж ничуть не походил на тот, что я наблюдал в рамке контура перед переходом. Должна была быть лесная поляна, а тут...

Я находился на маленьком горном плато, километра три в длину и два в поперечнике, на каменистом берегу небольшой речки, наискось пересекающей плато и метрах в двадцати от меня обрывающейся в пропасть. С одной стороны плато ограничивал обрыв, с остальных – отвесные скалы, за которыми далеко ввысь поднимались увенчанные коронами ледников горы. Неровную, заросшую кустарником поверхность хаотично загромождали скатившиеся сверху обломки камней. Кое-где между ними скудно росли небольшие деревья: в основном кривые сосенки да можжевельник.

Подойдя к обрыву, я глянул вниз. Взгляду предстала зажатая со всех сторон горами, поросшая лесом долина с синим пятном озера почти точно в центре. Навскидку прикинуть размеры долины не получалось – явно не маленькая, очертания гор напротив меня терялись в дымке. Красота! Лепота! Едри ее в корень! Теперь по крайней мере понятны причины головокружения и прочих радостей – перепад давления. Итак, я в горах! На высоте порядка от полутора... до трех километров, точнее сказать сложно, все зависит от широты – на экваторе я или за полярным кругом. Хотя это крайности, судя по... общим впечатлениям, скорее, нечто среднее.

Автоматически разминая затекшие мышцы, я сделал несколько резких движений, а потом уселся на край обрыва и крепко задумался. По всему выходит, у меня большие неприятности! Начнем рассуждать по порядку. Прежде всего, оказался я не там, где рассчитывал. Неизвестно даже, то ли это место, куда меня собирались отправить?.. То есть теперь известно – место не то! А вот мир, интересно, хотя бы тот?.. Судить об этом пока рано, слишком мало набралось данных. Будем ждать...

Пойдем дальше. Во время перехода я потерял сознание. Не должно было этого случиться. По крайней мере с крысами, которых запускали в контур до меня, ничего подобного не происходило. Хотя кто его знает – может, с людьми при перемещении все обстоит по-другому. Материала для анализа нет, или я о нем ничего не знаю. Насколько мне известно, я прошел первым. Последнее, что я помню, – это кусочек другого мира, ограниченный рамкой перемещающего контура, и шаг в него. Дальше провал. Потом берег горной реки. Да-а... Все это, конечно, неприятно, но ни о чем не говорит.

И, наконец, главное! Где точка перехода?! Как выглядит контур с другой стороны, до сих пор никто, конечно, не знал. Но то, что оттуда, то есть для меня теперь отсюда, что-то определенно видно, было известно. Об этом недвусмысленно свидетельствовало поведение как лабораторных животных, так и местной фауны. Это «что-то» договорились условно называть проекцией контура, а в моем случае и точкой пе-

рехода. И вот этой самой точки, или, если хотите, проекции, поблизости не наблюдалось. И хотя перебросить кого-то сюда или, наоборот, забрать в ближайший месяц было нельзя, но в режиме наблюдения контур должен был работать постоянно, и я, соответственно, должен был его видеть! Но, черт возьми, не видел!

Что следовало из всего вышеперечисленного? Все пошло вразнос, и я крепко влип. И не важно, наши ли умники что-то намудрили, произошел ли сбой по независящим ни от кого причинам или вмешалось еще что-то, итог один – полная задница! Ясно то, что из этого дерьма надо как-то выбираться! Ну что ж, значит, будем выкарабкиваться в меру сил и способностей. Силой я не обижен, ну а насчет способностей... В конце концов не даром же сюда отправили именно меня!

Для начала следовало выработать план действий. Таковой у меня, как ни странно, уже был. Хороший план на все случаи жизни.

Пункт первый. Выжить.

Пункт второй. Выбраться.

Пункт третий. Оторвать головы виновным.

Оставалось только подогнать его к местным реалиям и слегка детализировать.

Итак... Сидеть и тупо ждать, уповая, что контур все-таки себя проявит, явно не стоит. Тем более что открывался он всегда в одном и том же вполне определенном месте, и место

это не здесь! Все же дадим им там... скажем, месяц. Если за это время ничего не изменится, то не изменится никогда. За месяц можно отгрохать новый контур, если этот, допустим, сторел... или что там могло с ним случиться. Пойдем дальше. Логично предположить, что если точка перехода где-то и существует, то именно там, где ей и следует быть. На поляне, у кромки дремучего первобытного леса, который я видел собственными глазами. И никаких гор!

Удивительно, сколько можно выудить информации, наблюдая чужой мир через небольшое окошко контура. Тем более что забросить туда любые приборы оказалось невозможно. Контур по неизвестным причинам пропускал только живую органику. Да и то: до сегодняшнего дня на другой стороне побывали только животные не крупнее кролика. С билетом в один конец! Вечная слава! Институтские умники, обложившись аппаратурой, денно и ночью фиксировали, измеряли и исследовали все, что можно было исследовать на той стороне. Потом данные обрабатывались, и часть полученных результатов доводилась до меня, обычно как руководство к действию. Хотя информации набиралось и немало, но реально полезной было – кот наплакал, да и та в основном в виде неудобоваримых расчетов, графиков и диаграмм.

Все же кое-что о месте предполагаемой дислокации я знал. Состав атмосферы, продолжительность суток, размер планеты, климат, немного о фауне, чуть-чуть о флоре, ну и т. д. и т. п. Среди прочего я был знаком с рисунком созвез-

дий, наблюдаемым через контур ночью, и в случае нужды мог сориентироваться по звездам. Так что дождемся ночи, и, если она будет звездная и... Возможно, я смогу понять, куда попал. Глядишь, и определюсь, куда направляться потом. А там и будем разбираться, как дальше жить. Такие дела...

Пока же следует подумать о проблемах насущных. В любом случае на какое-то время я здесь застрял. А возможно, и очень надолго. Поэтому стоит озаботиться вопросами непосредственно выживания. И первым делом обзавестись каким-то оружием, после можно будет подумать и об остальном. Пропитанием я себя обеспечу в любом раскладе, а потом наступит черед одежды. Разгуливать без штанов, конечно, неприятно, но для меня не смертельно, тем более что погода довольно теплая. Для начала мне нужен нож, без сомнения, самый универсальный и многофункциональный инструмент, придуманный человечеством: имея его, можно сделать и все остальное. Оставьте меня с одним ножом на необитаемом острове – проживу, забросьте в джунгли – выберусь. Собственно, чем-то подобным я дома и занимался, потому, наверное, и оказался здесь... Вообще-то ножа можно и не давать. Сделаю! То есть собираюсь сделать прямо сейчас.

Пружинисто поднявшись с камня, я подошел к речке и спрыгнул в воду. Речка была неглубокой, а перепад высот на плато небольшой, поэтому и течение несильное, такое с ног не собьет. Перейдя на другой, более пологий берег, я побрел

вдоль него вверх по руслу, высматривая кое-что очень мне нужное. В геологии я не то чтобы силен, но необходимым минимумом владею, когда-то, среди прочего, даже закончил геофак, правда заочно, и ни дня геологом не работал...

Приблизительно через час поисков, прошерстив около километра берега, я обнаружил искомый предмет. Река здесь делала изгиб, образуя небольшую отмель. Место показалось довольно перспективным, и я решил исследовать его поподробнее. За что и был вознагражден.

Этот неказистый рыжевато-черный камень привлек мое внимание не сразу. Вообще-то искал я кремень или на худой конец кварц, но дареному коню... Если я не ошибся, то получится несколько не хуже. Подняв камень, я взвесил его в руке и, присев на корточки, осторожно тюкнул по нему подобранным рядом булыжником. Так и есть! Разбитый на две неровные части, невзрачный с виду камень сверкнул на солнце. Обсидиан – вулканическое стекло! Можно сказать, повезло: насколько мне известно, своей твердостью и остротой режущей кромки он превосходит даже металл. Кажется, в середине прошлого века обсидиан собирались использовать для изготовления бритв и хирургических инструментов, однако способа добиться не только острой, но и ровной кромки найдено не было, и дело заглохло.

Как известно, труд сделал из обезьяны кого? Правильно: уставшую обезьяну! Но мне деваться некуда, так что начнем... помолясь. Не откладывая дела в долгий ящик, я рас-

положился здесь же на отмени и принялся за работу.

В прошлом мне приходилось заниматься подобными вещами, правда, не в силу суровой необходимости, а скорее ради забавы, но некоторый навык имелся.

Аккуратно постукивая камнем по куску обсидиана, я отколол от него несколько острых пластин. Выбрав из них наиболее приглянувшиеся, подобрал камешек поменьше и тщательно взялся за доработку изделий. Не самая привычная работа, да и материал попался незнакомый – раньше я имел дело с кремнем или просто бутылочным стеклом. В результате часть заготовок я загубил. Ничего – зато приобрел необходимую сноровку.

Надо отметить, что, несмотря на массу достоинств, обсидиан все-таки довольно хрупкий минерал, так что делать из него крупные орудия вроде топора нерационально, на них предпочтительнее использовать кремень, нефрит или яшму, но на что-то большое я пока и не замахивался.

Вволю поизмывавшись над хрупкими осколками и несколько наловчившись, я перешел к другим. Дальше дело пошло легче, и через некоторое время я смог наконец оценить плоды своих усилий. Передо мной лежали вполне приличный двусторонний клинок, средних размеров ножа с хвостовиком для крепления рукояти и еще парочка ножевидных изделий. Еще несколько осколков могли послужить вполне сносным оружием или инструментом и без дополнительной обработки: их острые, как бритва, грани не особо нуждались

в усовершенствовании. Отобрав один из валявшихся на отмели камней и несколькими ударами обколов его, я сделал грубое ручное рубило, или, правильнее будет сказать, чоп-пер, поскольку, по мнению авторитетных специалистов, рубилом можно называть только орудие строго определенной формы, совершенное в своем роде и являющееся вершиной палеолитической индустрии. Меня, однако, такие тонкости заботили мало: если орудие должно рубить, то пусть рубилом и называется. Изготовление рукояти для ножа я решил отложить на потом, благо для моих ближайших целей хватало и этого.

Распрямив затекшую от сидячей работы спину, я поднялся на ноги и потянулся, осматриваясь. В окружающем пейзаже ничего не изменилось: все та же река, те же скалы. Хотя, судя по солнцу, да и по моим ощущениям тоже, времени прошло изрядно. Очнулся я ранним утром, а сейчас, судя по всему, уже далеко за полдень. Так что, если мне суждено добыть себе что-нибудь на ужин, стоит поторопиться.

Оставалось, правда, еще одно незаконченное дело. Но тут уж ничего не попишешь – если я не хочу таскать все свое имущество в руках, придется что-то изобретать. Тем более что останавливаться на достигнутом я не собираюсь, надеясь и дальше обрывать необходимыми в хозяйстве вещами.

Придумывать что-то вовсе уж изощренное не пришлось. Подойдя к растущим по краю берега кустам, я просто нарезал молодых побегов, заодно испытав остроту ножа. Каче-

ство инструмента меня вполне устроило, впрочем, как и материал для будущего изделия. Не ротанг или ивовая лоза, конечно, но сойдет. Решив, что прутьев достаточно, я быстро сплел из них некое подобие сумки с одной лямкой и сложил в нее свой нехитрый скарб: обсидиановые орудия и наиболее выдающиеся осколки. Потом, пройдясь по отмели, насобирал подходящей для метания округлой гальки. Положив все, что приглянулось, в сумку, я повесил ее на плечо и, расправив плечи, окинул себя мысленным взором. Хорош, ничего не скажешь! Здоровенный голый мужик с плетеной авоськой через плечо, каменным ножом в одной руке и примитивным рубилом в другой. Однако для законченности образа махрового троглодита чего-то не хватало – небольшого штришка.

Подумав, я решил восполнить недостающую деталь экипировки и направился к одиноко стоящему неподалеку можжевельнику подходящих, на мой взгляд, пропорций. Подложив с одной стороны ствола плоский булыжник, я пригнул деревце так, чтобы оно легло на него, как на плаху, и перерубил, нанеся несколько ударов рубилом, а затем приступил к дальнейшей обработке. Пришлось приложить немало усилий, чтобы пружинящий под ударами камня ствол дерева превратился в узловатую дубину, да и времени ушло порядком. В результате на охоту я отправился позже, чем планировал. Неизвестно, какую дичь можно найти на этом почти голом плато, разве что какую птицу, но попытаться все же стоило, да и провести разведку на местности всегда полезно.

Напившись из реки, кое-где обходя скальные выступы или перепрыгивая с камня на камень, я отправился вверх по течению к виднеющейся вдали группе утесов, по дороге внимательно изучая окрестности на предмет потенциальной добычи. Глухо! Совершенно безжизненная местность!

Между тем облюбованные мной скалы приближались, и что-то в их облике настораживало, что-то было в них необычное, неестественное. Слишком правильные очертания, слишком прямые, ровные линии. Желая разглядеть их лучше, я прибавил шаг.

Так и есть! Терявшиеся раньше на фоне ограничивающей плато каменной гряды утесы представляли собой несомненное творение рук человеческих. Более того, творение необычное, несколько пугающее и в то же время завораживающее красотой. Подойдя ближе, я смог наконец оценить замысел неизвестных скульпторов. Кисть руки, сжимающая невидимый шар! Или не руки, а, скорее, лапы?! На эту мысль наводили несоразмерно длинные пальцы-скалы с острыми когтями вместо ногтей. И на каждом из когтей был высечен неизвестный мне символ, не похожий ни на что, виденное мной до сегодняшнего дня. Прихотливые пересечения линий полностью уцелели лишь на двух пальцах: указательном и мизинце, на остальных они были покороблены то ли временем, то ли чьими-то целенаправленными усилиями. Коготь же большого пальца был, насколько я мог судить, и во все оплавлен неведомой силой. Дальше, за утесами, рушился

вниз со скал красивейший водопад. Скапливаясь в углублении каменной ладони, вода образовывала небольшое озерцо, а затем, прорываясь между утесами-пальцами, вновь соединялась в одно русло. В основании гигантской ладони возвышался треугольный уступ, с одной стороны отрезанный водопадом, а двумя другими вклинивающийся в озерцо. Над всем этим клубились брызги и водяная пыль.

Пробравшись между колоннами пальцев великанской руки, я очутился на краю примостившегося в каменной ладони озерца, тело мгновенно покрылось каплями воды, а от грохота ревущего потока заложило уши.

Не знаю, что меня подтолкнуло, но я без раздумий прыгнул в воду и, не обращая внимания на обжигающий холод, поплыл к уступу. Расстояние было небольшое; после нескольких мощных гребков я коснулся руками мокрого камня и, вскарабкавшись наверх, оказался на треугольной площадке с очень ровной поверхностью. Определенно, тут поработали руки, а не природа. Пройдя по скале, я на миг остановился перед водной стеной, а потом, задержав дыхание, нырнул под ледяные струи водопада. Три шага под тяжестью потока, и завеса воды расступилась, открывая взгляду скрытый за водопадом грот. Не задерживаясь, я пересек его и углубился в вырубленный в скале коридор, настолько узкий, что плечи задевали за стены. Вскоре проход закончился, и я очутился на пороге большого зала. Сквозь находившиеся где-то наверху отверстия пробивались лучи солн-

ца, но большая часть пещеры терялась во мраке.

Наваждение схлынуло. За каким дьяволом меня сюда понесло? И как, скажите на милость, я догадался о проходе за водопадом, под который полез, рискуя свернуть себе шею? Почему пер напролом без единой мысли в голове? Обычно я не склонен к подобным поступкам. Временное помутнение рассудка? Это не ответ! Что-то словно вело меня, туманя сознание, и я очертя голову ломился бог знает куда – черт знает зачем! Творящиеся странности изрядно напрягали, но толком разобраться в ситуации я не успел.

Неожиданно что-то в окружающем пространстве изменилось, и я явственно ощутил направленный в спину взгляд. Готов поклясться, что еще мгновение назад там никого не было. Как правило, я очень хорошо чувствую подобные вещи – помогает остаться в живых, знаете ли. Резко разворачиваясь, я одновременно отпрыгнул в сторону, уходя с линии возможной атаки и готовя к бою оружие. Правая рука посноровистей перехватила палицу, а левая уже выхватывала из сумки нож. Завершив пируэт и оставаясь при этом целым и невредимым, я получил возможность разглядеть противника. Он стоял шагах в пяти от меня, в расслабленной позе, без оружия и вроде бы не помышляя о нападении. Но не это главное. Это был не человек!

«Эльф, мать твою!» – первое, что пронеслось у меня в голове, но секундой позже пришло осознание ошибки. Действительно, на хрестоматийный образ эльфа, знакомый по

книгам и фильмам, находящееся передо мной существо походило мало. Имелись некоторые общие черты, но не более того. Прежде всего притягивали внимание его заостренные уши, торчащие из-под свободно спадающих на плечи снежно-белых волос. Большие, вытянутые к вискам глаза цвета серебра казались слепыми из-за полного отсутствия белков. Бледное, заостренное книзу, с тонкими чертами лицо пересекал широкий тонкогубый рот. Ростом почти с меня, а это немало! Существо было одето во что-то вроде хитона или туники серого цвета, облегающее фигуру свободными складками. Нечто знакомое почудилось мне в очертаниях его рук с длинными, заканчивающимися когтями пальцами. И было во всем его облике, пусть необычном, но не совсем уж из ряда вон, нечто потустороннее, необъяснимое, внушающее трепет.

– Я ждал тебя, человек, – прервал молчание незнакомец, неторопливо направляя в мою сторону правую руку с хищно растопыренными пальцами.

И все во мне буквально завопило от предчувствия опасности. Игнорировать обострившуюся интуицию и ждать продолжения я не стал. Еще не смолкло эхо от его голоса, еще только поднималась его рука, а я уже летел в прыжке вслед за брошенным без замаха ножом, готовясь нанести удары дубиной в голову и ногой в пах. Нож скользнул по шее существа, не причинив вреда и не оставив даже следа, но удивляться этому уже не было времени. Палица пошла вниз, и

враг просто не мог успеть уклониться, но произошло неожиданное. Удар в голову противник отразил, просто подставив левую руку, и по всем законам ее должно было снести вместе с черепом. Но результат получился иной: такой же, как если бы рука была закрыта мощным наручем¹ или щитом. Никаких тебе крови, сломанных костей и разmozженного черепа. Коварный пинок в промежность, похоже, почти прошел, но оценить результат и добавить пальцами левой руки по глазам я не успел. Какая-то сила подняла меня в воздух и, с маху впечатав в землю, почти лишила подвижности. По телу разлилось непонятное онемение, я понял, что совсем скоро не смогу шевельнуть даже пальцем! Мать! Как все запущено!..

Надо мною склонилась голова этого непостижимого создания. Рот приоткрылся, и между губ сверкнул ряд мелких острых зубов.

– А ты ловок, смертный, – зазвучал у меня в ушах ровный, невозмутимый голос. На лице существа не отражалось ровным счетом никаких эмоций.

– Прими мою печать! – с пафосом продекламировал вражина.

Еле уловимым движением взметнулась рука и, вычертив в воздухе замысловатый знак, метнулась ко мне, метя когтями в лицо. Содрогнувшись от напряжения всем телом, я дернул головой, пытаясь увести из-под удара глаза. Стремительным росчерком когти мазнули по лицу, пробороzдив лоб и щеку,

¹ *Наруч* – защита руки от локтя до кисти.

и быстро отдернулись. Рана моментально вспыхнула адской болью, как будто когти были смазаны ядом или кислотой, кровь моментально залила левую глазницу, но глаз, я надеялся, уцелел. Хотя тело почти не подчинялось, чувствительности я не терял. Остроухий ублюдок поднес кисть ко рту и, слизнув с пальцев красные капли, задумчиво кивнул как будто собственным мыслям.

– Все правильно. Ты тот, кто мне нужен, – промолвил он.

Сидя рядом на корточках, ушастый внимательно таращился на меня своими серебристыми бельмами. Чувствуя неумолимо охватывающее тело оцепенение и изо всех сил пытаясь этому противостоять, я заскреб еще сохраняющими подвижность кистями рук по земле. Потом с усилием повернул к нему голову не задетым глазом и, не очень надеясь на ответ, прохрипел:

– Кто ты?

К моему удивлению, он ответил:

– Валар.

– И что это должно значить?

– В этом мире нас называют богами, – отозвался он.

«Понятно – манией величия не страдал, хотя временами и мучился», – пронеслась в голове шальная мысль.

Еле ворочая ставшим непослушным языком, я продолжал задавать вопросы. Моей целью было не столько разговорить его и утолить неуместное в данной ситуации любопытство, сколько отвлечь внимание от елозящих по полу пещеры рук.

Рядом со мной лежала слетевшая с плеча сумка с частично высыпавшимися из нее осколками обсидиана. Один из них мне удалось, подцепив кончиками пальцев, незаметно подтянуть к себе и сжать в кулаке.

– Ну а что тебе нужно конкретно от меня? – поинтересовался я.

– Твоя жизнь, – спокойно просветил меня Валар. Исчерпывающая информация. Спрашивать «Для чего?» я не стал. Если до сих пор жив – значит, зачем-то ему нужен, а это – шанс!

Не дрогнув лицом, последним усилием немеющих пальцев я вогнал острый осколок обсидиана себе в бедро...

Глава 2

*Волк остался бы жив, если бы не заговорил
в темном лесу с незнакомой девочкой в красной
шапочке!*

К. Мелихан

Мою жизнь никак нельзя было назвать пресной и скучной, отнюдь! Но временами я чувствовал, что принадлежу другой эпохе, остро завидуя героям Хаггарда, Буссенара и Майн Рида, для которых на земле оставалось достаточно белых пятен. И наконец жизнь расставила все по местам, предоставив мне шанс применить свои способности на всю катушку, и даже сверх того!

Для меня вся эта история началась чуть больше месяца назад в не самый светлый день жизни звонком из прошлого. В другой раз я, может быть, и послал бы всех лесом, но тогда не сподобился, а потом стало поздно – все закрутилось и понеслось. Впрочем, по порядку.

В тот знаменательный день я сидел дома, пил глинтвейн, хмуро глядя на законную слякоть, и пытался свыкнуться с питерскими реалиями. Погодка не радовала совершенно, наводила хандру и к излишним телодвижениям не располагала. Такая мерзопакость на улице любого может ввести в депрессию. Что уж говорить о человеке, только что вернувшемся в родные пенаты из теплых далеких стран, у которого

по квартире до сих пор разбросаны нераспакованные чемоданы, а в памяти еще не потускнели сочные краски африканской саванны. А тут на тебе... В общем, контраст разительный. Одним словом, обстановка как нельзя лучше располагала к унынию и самобичеванию, которым я, собственно, и предавался.

Черт бы все подрал! Мне сорок пять лет, а занимаюсь бог знает чем. Жены нет, детей вроде тоже, работы нормальной – и то нет. Мотаюсь туда-сюда по белу свету, развлекаюсь. Эти метания имели бы смысл и приносили реальную пользу, родись я хотя бы лет сто назад, а в наше время мои эскапады служат только остренькой темой для СМИ на потребу жаждущей экстрима и экзотики публике. Какой, спрашивается, толк в том, что я делаю? Зачем продираюсь сквозь джунгли, покоряю вершины, сплавливаюсь по горным рекам? Для чего охочусь с масаями на львов, ныряю с ножом к акулам, хожу с рогатиной на медведя? Проще было бы с голой попой на ежа: и острых ощущений навалом, и не надо забираться в такую даль. А может, пересечь Атлантику в коробке из-под апельсин? Или еще чего глобального совершить – оставить, так сказать, след в истории?!

Размышляя в подобном ключе, я все глубже погружался в трясину апатии. Собственно, в этике стоиков апатия – это свобода от страстей, идеал нравственности и состояние, к которому надо стремиться. Но поскольку стоиком я себя не числил, то и в подобном состоянии удовольствия не находил.

Мои терзания о смысле жизни прервал телефонный звонок. Все еще пребывая в задумчивости, я рассеянно протянул руку и поднял трубку. Этот голос я узнал сразу, хотя не слышал его лет семь. Все переживания сразу как рукой сняло – звонил генерал Панин.

– Здравствуй, Волх. Узнал? – прозвучало в трубке.

– Здравствуйте, Всеслав Игоревич.

– Вижу, помнишь. Это хорошо! Видел тут тебя по телевизору. Ты знаешь, впечатлен! Молодец, формы не теряешь! – Панин многозначительно умолк, предлагая мне вставить положенную фразу.

– Это вы о чем? – не стал отмалчиваться я.

– Ну как же, – живо подхватил генерал, – как ты там эту гориллу! Голыми руками! В бараний рог! Лихо! Прямо Тарзан! – продолжал ерничать он.

– Компьютер и комбинированные съемки, к тому же горилла была ручная, – заявил я.

– Да ладно, не прибедняйся – я тебя знаю! Скажи еще: с каскадерами снимали. Сознаться, все честно было?

– Честно, честно. Вы только это и хотели узнать, товарищ генерал?

Как будто зная о моих недавних невеселых раздумьях, Панин продолжал развивать тему:

– Да нет, не только это. Ты сам-то как? Паутиной еще не зарос, плесенью не покрылся?

– Нас деградацией личности не запугаешь! – гордо ото-

звался я.

– Ну-ну... – протянул генерал. – А о настоящем деле не думал?

Я промолчал, и, немного погодя, Панин продолжил, уже сменив тон:

– Ладно, шутики в сторону. Для тебя есть работа, как раз по твоей специальности.

Как ни странно, но в этом я и не сомневался: стал бы Панин названивать просто так, почесать языком! Интересно другое: почему вдруг обо мне вспомнили, через столько-то лет?

– Если как в последний раз, то благодарю покорно, я пас. Извините за высокий стиль, само вырвалось, – едко добавил я.

Панина, похоже, проняло, он немного помолчал, переваривая мою сентенцию, и осторожно продолжил:

– Прости, я, наверно, неправильно выразился. Я предлагаю тебе *постоянную* работу по твоей *нынешней* специальности. Мой тебе совет: плюнь на все и приезжай! Этот проект как под тебя и задуман! О деньгах тоже можешь не беспокоиться: сколько запросишь – столько и заплатим, без вопросов. Короче, гарантирую – не пожалеешь.

Тут он сумел здорово меня удивить. Во-первых, что собой представляет моя так называемая нынешняя специальность, я затрудняюсь сказать и сам. Самое близкое по смыслу – эксперт по выживанию. Во-вторых, я уже имел удовольствие ра-

ботать в панинском ведомстве, точнее служить, и впрягаться обратно не собирался ни за какие коврижки. Генерал об этом прекрасно знал. В-третьих, что означает фраза: «Гарантирую – не пожалеешь»? Врать Панин не будет, но скажите на милость, как он может что-то гарантировать, когда я сам не знаю, чего хочу? И, наконец, последнее: для моей бывшей конторы такой подход к вопросу оплаты труда – это нонсенс, из ряда вон и ни в какие ворота... Все эти непонятности требовали прояснения.

– Хотелось бы поподробнее. Что все это значит, и что от меня требуется на этот раз?

– Это не телефонный разговор, – отрезал Панин. – Подробности узнаешь при личной встрече. Адресок, надеюсь, не забыл?

– Мудрено забыть.

– Ну и отлично, вылетай завтра в одиннадцать, билет тебе забронирован.

– Всеслав Игоревич, давайте не так быстро, тут думать надо...

– Вот и подумай. До завтра время есть. Ну, все, Волх, бывай, у меня еще куча дел. В общем, жду! – скомкал разговор генерал.

Ответить я не успел – трубка уже пищала короткими гудками.

Содержательная получилась беседа, ничего не скажешь. Озадачили по полной программе. Положив трубку, я отки-

нулся в кресле, прокручивая в голове состоявшийся разговор. Надо признать, Панин хорошо меня зацепил, после такого предложения усидеть на месте будет трудно. Тем более с моим теперешним кризисом жанра... или среднего возраста? Кому как больше нравится. Что же это за работа такая небывалая? Черт ее дери!

Постепенно от проблем насущных мои мысли переключались к событиям давнего прошлого, к ведомству генерала Панина – моей альма-матер.

Контора наша существовала как один из отделов засекреченного «по самое некуда» НИИ, бьющегося над проблемами оружия завтрашнего дня. Занимался отдел так называемыми аномальными явлениями, или, проще говоря, откровенной чертовщиной и иже с ней, с гипотетическим прицелом на военные нужды. Названия, по сути, не имел, только номер – девятый. Курировался непосредственно ГРУ ГШ, что, в общем, не странно, поскольку его сотрудники значительную часть своего времени проводили за железным занавесом, занимаясь делами темными и зловещими, вырывая тайны у природы или коллег из-за бугра. В некотором роде аналог Аненербе². Заправлял всем этим генерал-майор Все-слав Игоревич Панин.

Карьера моя в епархии Панина начиналась непрезентабельно: с роли подопытного кролика и объекта исследова-

² *Аненербе* («Наследие предков») – нацистская оккультная организация, НИИ и спецслужба СС одновременно.

ний. Так что составить некоторое представление о произошедших со мной событиях я смог только гораздо позже, со слов сослуживцев.

Случилось так, что в нежном возрасте четырнадцати лет я оказался единственным уцелевшим после авиакатастрофы. Кроме многочисленных ран и переломов я получил тяжелейшую черепно-мозговую травму, приведшую к полной потере памяти. До уровня овоща не дошло, но амнезия превратила мой мозг в чистый лист, я забыл даже родной язык. Однако суть не в том, при травмах головного мозга все это не редкость. Что сместилось у меня в голове, не ясно, но это привело к неожиданным последствиям. Кроме того, что мои раны, к удивлению врачей, заживали поразительно быстро, я и сам начал расти, прибавляя чуть не по сантиметру в день. Так что за месяц, проведенный в больнице, я не только полностью поправился, но и вымахал почти до двух метров. И продолжал расти дальше, правда, уже не с такой скоростью. Наряду с этим мой организм приобрел и другие интересные возможности! Например, я мог регулировать температуру тела (в определенных пределах, естественно); по желанию убыстрять или замедлять сердцебиение – вплоть до полной остановки сердца; задерживать дыхание на пятнадцать минут, ну и еще кое-что. Некоторые новые способности, как, к примеру, чувство направления и времени, я осознал гораздо позже. Зрение, слух и обоняние тоже претерпели изменения в лучшую сторону. А скорость реакции, мышечная сила, коор-

динация движений и выносливость оказались далеко за рамками возможностей обычных людей. Хуже дело обстояло с памятью – я так ничего и не вспомнил. Представлений об окружающем мире у меня имелось не больше, чем у новорожденного ребенка. Всему пришлось учиться заново, правда, новую информацию я впитывал, как губка, да и, как выяснилось, обладал фотографической памятью. Несмотря на это, даже сейчас о том промежутке времени я имею весьма смутное представление – примерно так человек помнит первые годы своей жизни.

Так или иначе, но вскоре информация о феномене просочилась куда следует, и мной заинтересовались будущие коллеги. К тому времени стало понятно, что личность мою установить, скорее всего, не удастся. Сам я ничего не помнил, документы после аварии не уцелели, а родственники не спешили заявить о пропаже. Это обстоятельство изрядно облегчило жизнь панинским архаровцам, изъявшим меня из больницы без шума и пыли и доставившим по месту назначения. Там за меня вплотную взялись умельцы девятого отдела. Скоро, правда, выяснилось, что никакими паранормальными способностями, интересными конторе, я не обладаю, а все новоприобретенные свойства организма давно известны и по отдельности встречаются у многих людей в большей или меньшей степени.

«Тут у нас все в комплексе, такое практически не встречается, плюс спонтанный прорыв... Механизм явления, ко-

нечно, не ясен... В общем, случай интересный, но это не наш профиль», – таков был окончательный вердикт. Интерес к моей персоне постепенно угасал. Иногда кто-то придумывал новый тест или еще какую проверку на вшивость, но энтузиазм явно иссяк. Примерно к этому времени я окончательно пришел в себя, осознав окружающую действительность в полной мере. До этого момента мои воспоминания отрывочны и туманны, и все, что на сегодняшний день мне известно о своем появлении в конторе, собрано по кусочкам. Тогда и встал вопрос: что со мной делать дальше? Отдавать на сторону – жалко, оставить себе – хлопотно. Решили все же оставить, подучить и приставить к делу.

– Будешь сыном полка, – пошутил Панин. Он же и стал «крестным отцом», осчастливив меня именем Волх, что в сочетании с отчеством Всеславич показалось ему вполне уместным³, а потом надолго оставил в покое. Остальным сотрудникам, как людям, по роду деятельности имеющим некоторое отношение к фольклору, идея понравилась, и меня совместными усилиями наградили подходящей, с их точки зрения, фамилией – Зверев. В дальнейшем меня чаще называли Олегом, чтоб не ломать язык. И в документах прописали так же – людям моей профессии лишнее внимание ни к чему. Только Панин неизменно обращался – Волх.

³ *Волх* (Волк) – предположительно бог охоты у славян. Волх Всеславич (Вольга Святославич) – былинный богатырь, сын змея, оборотень. Иногда отождествляется с князем Олегом.

Образование я получил «домашнее». Правда, с учетом специфики заведения, несколько неординарное, потому как натаскивали меня попеременно светила советской науки и зубры разведывательно-диверсионного спецназа. В таком деле, как наше, отправлять на задание откровенных костоломов бессмысленно, а тащить с собой «ботаников» – чревато. Поэтому все офицеры девятого отдела кроме обязательной спецназовской подготовки были отличными специалистами по меньшей мере еще в одной-двух областях человеческого знания. И мне надо было соответствовать...

Факультет спецназа Рязанского высшего воздушно-десантного училища я заканчивал экстерном и практически заочно! С такими наставниками, какие были у меня, это совсем и не странно, другое дело, что такая форма обучения там напрочь не предусмотрена, но Панин нажал на какие-то свои рычаги и кнопки, и это вопиющее безобразие спокойно прокатило.

Подобным же образом я обзавелся дипломами исторического и геологического факультетов университета. Но профанацией это не было. Предметом я владел на отлично. Кроме того, что это было необходимо по работе, так еще и служило неплохим прикрытием. В развивающихся странах, где в основном и лежали интересы нашей конторы, такие специалисты всегда в цене.

К двадцати одному году, получив звание лейтенанта, я уже давно и плотно пахал на оперативной работе, в поте лица

добывая для советской науки крохи тех самых оккультных знаний, бескомпромиссно отвергаемых ею с позиции материализма. А с учетом того, что моя внешность и габариты везде вызвали повышенный интерес, большую часть времени я проводил в самых недоступных уголках планеты. К этому моменту я наконец перестал расти, остановившись на отметке в два метра пятнадцать сантиметров и набрав около двухсот килограммов веса – тренированного, жилистого мяса. Кроме того, от обычных людей меня отличали чрезвычайно массивные кости черепа и скелета. На них могло крепиться большее количество мускулатуры, в том числе и той, которая обычно плохо развита у современных людей. Из всего вида *Homo sapiens* подобным строением костяка и удлиненными пропорциями тела могли похвастаться лишь кроманьонцы!⁴ И только среди них я не выглядел бы переростком. Ну, еще в команде баскетболистов... Видимо, травма пробудила во мне какие-то спящие гены, заставив выглядеть похожим на далеких предков.

Как уже сказано, внешность моя довольно примечательна... Это трудно объяснить: она не космополитическая, а наоборот. То есть, с одной стороны, я – безусловно, четко выраженный европеоид, а с другой – представитель любой европейской нации сразу распознает во мне чужака, спинным мозгом почувствует. Проверено! Темные волосы, зеле-

⁴ Кроманьонцы – люди современного типа, обитавшие на просторах Европы 10–40 тыс. лет назад. Отличались высоким ростом и мощным телосложением.

ные глаза, чуть смугловатая кожа, черты лица крупные, грубые. Не красавец, но и уродом, конечно, не назвать... Казалось бы, этакий усредненный тип – ан нет! Паршивое качество для шпиона... Хотя плевать – я-то диверсант! От науки...

Куда пристроить здоровенного бугая с силой медведя и ловкостью леопарда? Правильно, туда его... к этим самым крокодилам и тиграм, в тайгу, джунгли, горы, льды, пески и саванны. Так и покатилося. Шастал я за тридевять земель по лесам и болотам, добывая «то, чаво на белом свете ваабче не может быть». Если же, не дай бог, это самое уже надыбали и спрятали за семью замками конкуренты, требовалось все это выкрасть... желательно вместе с замками и еще чем-нибудь полезным!.. Ну а если и выкрасть нельзя, то хотя бы разнести все вдребезги и пополам, чтоб неповадно было... Такая вот непыльная работенка.

Закончилась моя служба, как и у многих других, в начале девяностых годов прошлого века. Все разваливалось, этой участи не избежал и секретный НИИ, а с ним и наша контора. Новое, насквозь демократическое правительство страны со страшной силой и самоотдачей внушало населению немудреную мысль о том, что патриотизм – цитируя классиков, «разрушительная, психопатическая форма идиотизма», и своего, кажется, добилось. Так что в звании капитана я ушел в отставку, подался на вольные хлеба, с дюжиной дырок в шкуре, неплохой коллекцией орденов и медалей и с

полным недоумением, как жить дальше...

Уходить в охрану беречь толстопузых толстосумов совершенно не тянуло. На фоне последних событий в стране скорее хотелось «мочить их в сортире». Да и обучен я был другому: нападению, а не защите. В большом спорте мне тоже ничего не светило: там своя специфика и нюансы, и что из того, что я не знаю человека, который мог бы выстоять против меня хотя бы несколько минут, будь то бокс, борьба или что еще. Моя базовая подготовка построена на довольно специфической системе рукопашного боя, где после проведения приема по всем канонам и инструкциям требуется «противника пристрелить или добить ногами» или же уделать как-то еще! Другие боевые стили, которыми я владею, тоже совершенно не пригодны для «честной» спортивной борьбы, а предназначены сугубо для того, чтобы просто и незамысловато уничтожить врага, стерев того в порошок, максимально эффективно и с минимумом усилий. Ну и скажите на милость, куда мне с такими навыками на ринг или татами?!

Кончилось тем, что я от безысходности махнул «диким гусем» в жаркие страны. Оттуда не так давно убрались белые угнетатели-колонизаторы. Чем сразу воспользовалось местное население, моментально взбравшееся обратно на свои пальмы, правда, на этот раз прихватив с собой автоматы. Принимать участие в дележе кокосов я не собирался, как и следовать по стопам Конго Мюллера и Боба Денара – времена уже не те.

Подняв старые связи и обзаведясь новыми, провернув несколько впечатляющих операций и сформировав соответствующую репутацию, я отвоевал себе местечко под жарким африканским солнцем. Моей спецификой стало проведение акций устрашения, направленных против некоторых зачастую в прямом смысле людоедских режимов. Или же, напротив, контрпартизанские рейды по душе укрывшейся в джунглях не менее каннибальской оппозиции. То есть физическое уничтожение зарвавшихся вождей, политиков и разномастных команданте, и не по-тихому, а со всей возможной помпой – в воспитательных целях! По принципу: впереди все горит – позади все рыдает! В общем, честно нес «бремя белых». А что вы хотите? Если других методов не понимают!

Понасмотревшись на то, что творили с людьми иные деятели, я без зазрения совести мог порезать таких на куски или, действуя с выдумкой и огоньком, придумать чего похлеще – на страх агрессору. Примитивным скармливанием крокодилам местных не запугаешь – это у них в порядке вещей. Безумно хотелось провернуть нечто подобное у себя на родине, но, увы, приходилось довольствоваться местными «слугами народа».

Кроме того, я не упускал возможности подгадить америкосам с их великой кадаврианской мечтой, идеологией сытого брюха и демократией толстожопых, в меру сил стараясь надавать по загребущим лапкам. Заказчиком подобных мероприятий, напрямую или через посредников, обычно вы-

ступало дышащее на ладан российское ГРУ ГШ в лице своего восьмого управления. В общем-то все спецслужбы используют наемников в своих целях, взять того же Боба Денара. Так что исключением я не стал, а возможные альтернативы были куда неприятнее. По крайней мере я имел возможность выбирать и брался только за то, что отвечало моим принципам и соответствовало понятиям о справедливости. Хотя бы в первом приближении...

Надо сказать, что в определенных кругах я заработал соответствующий авторитет. Не знаю, пугали моим именем детей или нет, но известие о том, что в их краях появился Белый Дьявол, вызывало у заинтересованных лиц неконтролируемое расслабление сфинктера. Такую реакцию я всячески приветствовал и поощрял, а со временем, для создания нужного настроения перед проведением акции, стал отсылать объектам влияния упаковки подгузников. Чем в конце концов породил народную африканскую примету: если с гуманитарной помощью пришли подгузники – жди беды! Постепенно, поддерживая нужный имидж, я стал для негров тем, кем был для бандерлогов Каа. И отнюдь не желтым земляным червяком! Что меня вполне устраивало – до сих пор приятно вспомнить.

Но ничто не может длиться вечно... В один прекрасный день меня крупно подставили, втавив в довольно паскудную историю, так что я лишь чудом сумел выбраться живым и не замараться при этом по уши. Черный континент пришлось

покидать, теряя тапочки, чуть ли не под огнем танков и вертолетов. Кстати, наших советских танков и вертолетов, подаренных бандерлогам, наверное, для того, чтобы они могли поделить кокосы честно и по справедливости. Увы... они не умели считать! На том моя африканская эпопея и закончилась.

В общем, помыкавшись солдатом удачи, я решил завязывать и, пораскинув мозгами, отыскал-таки свою уютную экологическую нишу, позволяющую оставаться вольным стрелком. Занятие я себе нашел нетривиальное, в достаточной степени отвечающее моим способностям и желаниям: этакая гремучая смесь из экстремального туризма, экстремального спорта и такой же охоты. В своем роде бестиарий⁵ наших дней. Плевались и шипели, правда, многочисленные общества защиты животных, но мне до этого было глубоко параллельно, благо разрешениями и лицензиями я укомплектовался под завязку. Так что я преспокойно рвал пасти тиграм и крокодилам голыми руками, вместо того чтобы гуманно пристрелить их из-за угла.

Все это время Панин продолжал барахтаться в своей стихии и, по всей видимости, успешно. Связи мы не теряли. В Африке я несколько раз выполнял его поручения, уже в качестве наемника. Потом приключилась та нехорошая история, и Панин оказался каким-то боком замешан. Генерал, конечно, сумел отбрехаться, хотя, может, и правда не знал

⁵ *Бестиарий* – гладиатор, сражающийся со зверями.

подробностей, и расстались мы мирно, но я ясно дал ему понять, что с такими делами завязал навсегда. И он, казалось, это понял хорошо... А теперь вот этот звонок...

Еще не успев повесить пищащую трубку, я уже знал, что приму предложение Панина. И плевать, что он толком ничего не сказал, – я просто спинным мозгом чувствовал: наклеивается что-то необычное, а раз так, надо в этом поучаствовать. Хандра и уныние куда-то бесследно испарились. Я бодро вскочил из кресла и, осматриваясь, прошелся по квартире. Почему-то казалось, что опять попаду я сюда не скоро. Так что баулы полностью можно не распаковывать, просто что-то вынуть, что-то добавить. Этим и займемся, времени до вылета остается не так много. А мне хотелось напоследок немного расслабиться: допить глинтвейн, почитать хорошую книгу... Когда еще получится?

На следующий день я вылетел в Архангельск, где меня сразу встретили чуть ли не у трапа самолета. Черная 31-я «Волга» с немногословным шофером за баранкой мигом доставила меня на военный аэродром. Там я пересел в вертолет и уже через час был на объекте.

Надо сказать, Панин не обманул ни в едином слове! Работа оказалась как раз по мне и по специальности. Узнав подробности предстоящего дела, я понял – теперь меня отсюда и за уши не оттащишь! Похоже, у меня появился реальный шанс реализовать свои способности в настоящем деле, стать первопроходцем! Да, черт возьми! Это было именно то, о

чем я мечтал!

Не знаю, чего изначально хотели добиться панинские умники; являлись ли плоды очередного эксперимента следствием незапланированного сбоя или заранее ожидаемым результатом, – скорее, первое. Как бы то ни было, открытие случилось эпохальное, и перспективы просматривались впечатляющие!

Достоверно известно одно: усилиями не известных широкой общественности гениев удалось прорубить окно в другой мир! Да что там окно – дверь! (Правильнее было бы сказать – дверцу, ну да ладно.) Что это за мир и где он находится, было неясно. Гипотезы звучали разные. Планета в чужой галактике? Параллельная реальность? Другое время? В пользу той или иной версии свидетельствовали различные факторы, истина же, как обычно, ускользала.

Особенности функционирования окна, портала или, как его начали называть позже, контура тоже вызывали немало вопросов. Открытый один раз, проем в неведомое продолжал существовать сам по себе, не требуя никакого вмешательства со стороны. Большую часть времени квадратный размером три на три метра контур позволял только любоваться пейзажами чужого мира. Однако один раз в лунный месяц, а именно в последний день полнолуния, грань между мирами размывалась, давая возможность переправить на ту сторону или доставить оттуда материальный объект. Правда, только туда или только обратно и только живую органи-

ку весом до трех килограммов... Насчет последнего пункта меня клятвенно заверили, что над этим работают и решение проблемы веса объекта не за горами, в остальном — извините... А пока исследователи занимались обработкой визуальной информации да баловались, запуская в контур кроликов, крыс и мышей на радость хищной фауне иноземелья.

В общих чертах наблюдения и эксперименты выявили примерно следующее: диаметр, сила тяжести, время обращения вокруг светила и собственной оси у неизвестной планеты приблизительно соответствуют земным, небольшой разницей можно пренебречь. Рисунок созвездий в ночном небе совершенно другой. Луна в наличии имеется, но большего, по сравнению с нашей, размера. Климат, видимо, ровнее земного, что обусловлено меньшим наклоном оси планеты. Флора, в принципе, почти идентична земной. Фауна, насколько можно судить, имеет много общего с палеолитической фауной нашего мира. По поводу разумной жизни ничего определенного сказать пока было нельзя.

Мне в намечающемся проекте отводилась роль лазутчика на вражеской территории. Нужен был человек, способный голым и босым продержаться месяц в чужом первобытном мире, и я по всем статьям подходил для этого как нельзя лучше. Как меня проинформировали, подготовка к переходу объекта моих габаритов близится к завершению, до победы около месяца, а старт будет дан в последний день полной луны. Так что оставшееся время в преддверии возложенной на

меня миссии я должен был провести, усиленно тренируясь и выслушивая наставления маститых ученых.

Собственно, вся подготовка оказалась сплошной профанацией, потому как отыскать инструкторов по «выживанию где бы то ни было» лучше меня представлялось попросту нереальным. Говорю об этом без ложной скромности, потому как знаю это доподлинно. В обычной жизни я человек уравновешенный и сдержанный, но вот в острых ситуациях легкий налет цивилизации мгновенно улетучивается, оставляя под собой дикого зверя, – это люди так говорят. Я же считаю, что веду себя единственно правильным образом! Это качество, помноженное на некоторые специфические знания и умения, а также количество разнообразных способов смертоубийства, которыми я владею, как правило, давало хороший результат, позволяя уцелеть там, где выжить, считай, невозможно.

Это все так, к слову, чтоб было понятно, почему взор наемателей обратился именно на меня, уже давно миновавшего пик формы и призывной возраст. В общем, я сомневаюсь, что могла появиться лучшая кандидатура.

Про теоретическую часть подготовки могу сказать следующее: лекции на тему палеолита, мезолита, неолита и иже с ними поражали редкостной обтекаемостью формулировок и полным отсутствием любой полезной информации. Короче, слово в слово по максиме: историк – это специалист, способный рассказать о том, чего не видел, на основании того, в чем

сам сомневается. Несколько лучше дело обстояло с палеонтологией, хотя тоже не фонтан... Реконструкция подлинного облика животного по осколку челюсти или кусочку зуба представлялась мне делом весьма сомнительным.

В общем, в оставшееся до дня X время я просто поддерживал физическую форму, созерцал ландшафты по ту сторону прозрачной преграды да пролистывал научно-популярную литературу по теме, нахально игнорируя спецсеминары.

А потом был шаг в контур, и все тщательно выверенные планы полетели псу под хвост...

Глава 3

*Когда враг потирает руки – твой час! Давай
волю своим!*

С. Е. Лец

Пол в пещере был неровный. Острые камни впивались мне в спину, угрожая, казалось, продавить тело насквозь. Полностью обездвиженный, я лежал на том же месте, куда швырнул меня клятый Валар, и лежал довольно давно. Да я просто ненавидел этот чертов пол! Однако все эти неудобства были далеко не самой главной неприятностью в моем нынешнем положении...

– Тебе лучше согласиться с моим предложением. Так, по крайней мере, умрешь быстро, а своим упрямством ты ничего не добьешься, только продлишь и несказанно усугубишь свои мучения. Поверь, я еще не принимался за тебя всерьез, – увещевал склонившийся надо мной Валар.

– Лучше бы, конечно, помучиться, – процитировал я.

– Это ты шутишь? Зря! Тебе стоит отнестись к моим словам серьезно, у меня мало времени. Обряд надо провести в полночь, но оставшихся часов мне вполне хватит, чтобы полностью сломить твою волю. Мне кажется, пора продемонстрировать, чем чревата твоя несговорчивость.

– То, что вам только кажется, нам давно мерещится, – пробормотал я.

Сознание мутилось, мысли ворочались с трудом. Собравшись, я поймал ускользающую мысль и спросил:

– Ответь мне еще на один вопрос. Как мы разговариваем друг с другом? Допустим, ты знаешь русский, но почему я понимаю тебя? – Я прекрасно отдавал себе отчет, что звуки речи Валара совершенно мне не знакомы, и вместе с тем улавливал даже малейшие смысловые нюансы. В свою очередь сам я продолжал говорить по-русски, и Валар, по-видимому, тоже не испытывал никаких затруднений.

– Ты пытаешься тянуть время? Хорошо, я отвечу. Язык один! И если подправить кое-что здесь, – Валар ткнул пальцем мне куда-то в область виска, – проблема коммуникации снимается, – просветил он меня.

– То есть теперь я буду понимать любой язык?

– К сожалению, недолго. Времени попрактиковаться у тебя не будет, – ответила эта падла. За все время нашего с ним общения я так и не понял, умеет ли он шутить или говорит всегда серьезно.

– К сожалению? Тебе что, действительно жаль, или это просто фигура речи?

Валар ненадолго задумался, а потом все же снизошел до ответа:

– Удовольствия я не получаю, но все это необходимо.

– Что же это за крайняя нужда такая? Пытать человека, а потом принести его в жертву незнакомому кому? Просвети, будь другом, может, и я проникнусь твоими идеями?

Валар посмотрел на меня с нескрываемым сомнением, но объяснить попытался:

– Пытать тебя я еще не начинал, а если ты проявишь благоразумие, то этого делать и не придется...

– Что же тогда ты делаешь сейчас? – перебил его я.

Вопрос не лишний, если учесть, что я лежал в луже собственной крови, а Валар тщательно выводил по моему телу замысловатые узоры, пользуясь вместо кисточки своим острым когтем!

– Я готовлю тебя к ритуалу, – невозмутимо продолжил он. – Что касается остального... – Валар склонился ближе ко мне и повысил голос: – Жертва нужна мне! Ты человек из другого мира, и все взятое у тебя понадобится мне там... за гранью. После ритуала мои способности в полной мере останутся со мной и в твоём мире, а ты в любом случае умрешь! Но жертва, принесенная добровольно, стоит дороже...

– Даже если согласие вырвано под пыткой?

– Даже так! Обманом, пыткой, шантажом – неважно... Тебя ждет пытка.

– А твоя ворожба? Ты же притащил меня сюда, чего тебе стоит получить мое добровольное согласие?

– Магия здесь не годится, это не будет твоим собственным решением, чем бы оно ни было продиктовано. К тому же во время ритуала действие любого заклятья прервется.

За предыдущие пару часов я сумел почерпнуть для себя некоторое количество полезных сведений. Валар, с самого

начала пояснивший, что от меня требуется всего лишь безропотно и добровольно умереть на алтаре, охотно отвечал на вопросы и иногда спрашивал сам. Не забывая попутно разукрашивать мое тело прихотливой вязью замысловатых символов, процарапывая линии когтем. Подобная словоохотливость меня не удивляла: совмещая болевое воздействие с задушевной беседой, можно добиться того, что жертва начнет воспринимать своего мучителя чуть ли не как близкого друга, и, похоже, Валару был знаком этот прием. По крайней мере разговором он не пренебрегал. Что-то, я чувствовал, он утаивает, где-то не договаривает, но мне нужны были любые крохи информации о происходящем. Обездвиженный враждебными чарами, я терпел и спрашивал – он терзал и отвечал!

Вкратце картина вырисовывалась следующая: сбой контура и все из этого вытекающее – дело рук самого Валара. Да и вообще все, связанное с работой контура и перемещениями из одного мира в другой, – его непосредственная заслуга. С его слов выходило, что именно он инициировал окно в нашем мире и дожидался только удобного для себя момента, чтобы осуществить перенос подходящего объекта, то есть меня! (Чем, скажите, ему не угодили другие постоянно толкущиеся возле контура люди?) И этот час пробил!

Насколько я понял, переход в наш мир не составлял для ушасто-когтистой сволочи проблемы. Но вот для того чтобы в полном объеме сохранять там свою эпически-магическую

силу, требовалась специальная, отвечающая определенным условиям жертва, принесенная в нужное время в нужном месте. Вот такие пирожки с котятами. По-моему, Валар темнил, но вывести его на чистую воду в моей ситуации не представлялось возможным.

Что касается места, где я очутился, то мир этот называется Сид, и здесь правят балом чародейство, магия и колдовство – одним словом, сплошная парафизика! Само наличие в этом мире магии как таковой меня не удивляло. Слава богу, большую часть сознательной жизни я провел, пытаясь обнаружить ее следы у себя дома. Интересно другое – учитывая способность этих уродов без проблем шляться туда-назад, следов этих у нас находилось на удивление мало.

Населяет Сид кроме людей еще без малого пара дюжин разумных рас, и некоторые из них поразительно напоминают волшебные народы наших сказок и преданий: гномов, эльфов, троллей... Эта новость тоже не вызвала у меня недоумения – навряд ли мифы и легенды родной земли возникли на пустом месте. Все эти племена, народы и расы находятся между собой в весьма запутанных отношениях, варясь в котле непрерывных свар и междоусобиц.

Раса валаров отстоит как-то на отшибе и, насколько я понял, претендует на роль богов этого мира, как мне показалось, не всегда успешно. Кроме того, существуют еще какие-то высшие силы, но что они собой представляют, я прояснить так и не смог.

Если говорить о том, где находится Сид... Это как бы продолжение Земли, другая сторона медали, кривое зеркало. Представляя с Землей одно целое, он с другой стороны уравнивает ее, так что некие глобальные процессы, происходящие у меня на родине, так или иначе обязательно находят свое отражение и здесь. И наоборот. Мне эта космогония показалась весьма туманной и маловразумительной, но как раз с этим ничего не поделаешь.

В то же время, если на Земле почти не работает магия, то здесь трудно заставить функционировать что-то сложнее парового двигателя. Вся фишка в том, что вместо привычного для меня электричества его роль здесь выполняет магическая энергия, доступная, правда, не всем, а лишь ограниченному кругу избранных. Возможности местных магов остались для меня загадкой. Учитывая, что и на родине с электричеством до сих пор не все ясно, что уж говорить о законах магии, используемой здесь.

В общих чертах, это было практически все, что мне удалось выяснить. Не то чтобы много, но в сложившейся ситуации и немало. Кроме того, все это время я лихорадочно прокручивал в голове различные варианты дальнейшего развития событий, судорожно отыскивая лазейку в намертво захлопнувшейся ловушке. Хиленький план, дающий малюсенький шанс на успех, был набросан только в первом приближении, но другого у меня не было, а время, отведенное Валаром для диалога, вышло.

– Я ответил на все твои вопросы?

– Что тебе нужно у нас, Валар?

– Тебя это не должно волновать, – отрезал он.

Все вопросы о том, что он позабыл на Земле, Валар почему-то предпочел обойти молчанием, невзирая на мое безвыходное положение. Оставалось только строить предположения. Но, по всей вероятности, никому ничего хорошего от этой экскурсии ждать не приходилось.

– Итак, спрашиваю еще раз: ты согласен принять свою судьбу?

– Нет! – выплюнул я ему в лицо.

– Тогда ты познаешь боль! – с пафосом провозгласил остроухий ублюдок. Безжалостный удар когтями поставил точку в разговоре и начисто вымыл из головы все мысли. Все десять его когтистых пальцев погрузились в мое тело, отыскивая нервные узлы и болевые точки. Сознание затопила вспышка чудовищной боли!

Существует множество методик преодоления боли, но когда за дело берется специалист, по-настоящему не действует ни одна, и сейчас мне приходилось убеждаться в этом на собственной шкуре! Валар оказался неплохим палачом, ему были прекрасно известны все уязвимые места человеческого тела. Его увенчанные когтями пальцы порхали по моему телу, как по клавишам рояля, не нанося серьезных увечий, но причиняя невыносимые страдания. Время для меня остановилось, нескончаемая мука чередовалась с краткими момен-

тами передышки, и тогда Валар снова задавал свой вопрос...

Последующие несколько часов я запомнил плохо. Человеческий мозг имеет свойство вычеркивать из памяти особенно неприятные моменты жизни, наверное, это к лучшему. Не знаю даже, кричал ли я, или и на это не оставалось сил. Терять сознание Валар мне не позволял. Несколько раз я пытался остановить сердце, я умею это делать, но он не оставил мне даже такого выхода. Виновата ли здесь магия или великолепное знание Валаром человеческой анатомии, но умереть мне не дали...

Валар не бросал слов на ветер! Не помню точно, как это случилось, но, измученный нескончаемой пыткой, я в конце концов прохрипел: «Да!» Полностью обессиленный, сломленный и равнодушный ко всему, я желал только одного – скорейшего прекращения мучений! И только где-то в глубине души тлели, тщательно скрытые до поры, искры дикой ненависти и сжатая до предела пружина отчаянной ярости!

Испытующе посмотрев мне, казалось, в самую душу, Валар произнес:

– Время подходит. – И, легко подхватив меня на руки, направился к выходу из пещеры. Там, где я продирался по подземному проходу, царапая плечи, Валар со мной на руках шагал свободно. Стены, такое впечатление, расступались, пропуская его. Мой рост больше семи футов, а вес около двух центнеров, он же шел, как будто вовсе не замечая тяжести. Пройдя под смывшим с меня кровь водопадом, Валар

вышел на клином врезающийся в озерцо уступ и возложил мое неподвижное тело на небольшое возвышение в вершине треугольника. Я находился посередине заполненной лунным светом сферы, на импровизированном алтаре, готовый к заклинанию! По всему выходило, что церемония вот-вот начнется...

Безучастный ко всему, я лежал на залитом лунным светом утесе, в основании каменной ладони. Грохотал в ушах водопад, водяная пыль со всех сторон окутывала мое тело, холодные брызги попадали на лицо, и я жадно хватал их пересохшими губами. Падая с неба, лунный свет удивительным образом преломлялся в клубящемся над водопадом водяном пару, являя взору невероятную картину: каменные пальцы, бережно сжимающие сотканную из призрачного света сферу! Но мне не было дела до красот...

Стоя надо мной, Валар простер перед собой руку ладонью вверх. Свел немного пальцы, и между ними проявился налитый лунным светом шар. Такой же, как и сияющая вокруг нас сфера, только гораздо меньше размером. Осторожно накрыв его другой рукой, Валар опустил подлеч меня на колени и торжественно провозгласил:

– Перед лицом Сил спрашиваю: ты готов к Ритуалу?!

Рев близкого водопада словно куда-то отодвинулся, и я отчетливо слышал каждое его слово, хотя мгновение назад это казалось невозможным. Мне было известно, что следует, ответ я отказом. Валар реалистично живописал мне

медленную и мучительную смерть здесь же на алтаре вместо быстрой и почти безболезненной.

Я видел, как пульсируют, наливаясь силой, странные руны на сжимающих сферу когтях Валара. Три на одной руке и две на другой. Точно такие же, я вспомнил, были высечены и на каменных утесах-пальцах!

– Готов, – обреченно прошептал я.

Руки Валара резко рванулись вниз, разбивая лунную сферу о мою грудь. Сполохи серебристо-синих молний рванулись от меня во все стороны, ударились о границу внешней сферы и, не найдя выхода, закружились внутри нее, рисуя фантастические узоры.

– Ты услышан! – оценил результат Валар.

В ту же секунду я почувствовал, что много часов сковывающее мое тело онемение бесследно исчезло! Однако что в этом толку – после пыток и многочасовой неподвижности тело мне почти не повиновалось, к тому же я только что подтвердил свою готовность умереть.

Валар поднял к небу свои, словно залитые расплавленным серебром глаза. Кисти его рук чертили в воздухе замысловатые пассы, оставляя за собой фосфоресцирующий след. Все понижаясь, голос его сливался с грохотом водопада, а с губ падали рокошующие слова, резонируя во всем моем теле. Хотя теперь, не без помощи этого ублюдка, мои способности к языкам неизмеримо возросли, но сейчас смысл его завываний ускользал от моего понимания. Читаемое на неизвест-

ном языке заклинание не было предназначено для уха человека. И тут я увидел, как над нами начинает формироваться пронизанная молниями воронка смерча, нацеливаясь своим хоботом прямо мне в грудь! Я понял – истекают последние мгновения моей жизни! Ну что ж... исправить уже ничего нельзя, но окончательно испортить – еще можно!

Не отрывая глаз от нарождающегося смерча, Валар дочитал заклинание и обратился уже ко мне:

– Повторяй за мной! – скатываясь на инфразвук, прогремел в моей голове его голос.

«Если не сейчас, то все – конец! Другого шанса уже не будет. Хотя какой шанс?! Его и так, считай, нет», – пронеслись в мозгу сбивчивые мысли. Сердце ускорило свое бие-ние, мощными толчками прогоняя по жилам застоявшуюся кровь, в которую выплеснулись огромные порции адреналина. Затекавшие мышцы набухали, обретая подвижность и силу.

– Отдаю жизнь свою! – продекламировал вступление к последнему акту драмы Валар.

– Отдаю жизнь свою! – эхом отозвался я. В это же время, подчиняясь моему приказу, организм спешно мобилизовал все доступные резервы.

– Отдаю душу свою! – низкий голос Валара заставлял вибрировать каждый нерв.

– Отдаю душу свою! – сохраняя полную неподвижность и отрешенное выражение лица, вторил я, одновременно вгоня себя в состояние боевого транса.

– Отдаю силу свою! – Слова Валара становились тягучими, время для меня замедляло свой бег.

– Отдаю силу свою! – Я позволил тщательно копившейся в глубине души ненависти затопить сознание. Скоро мне понадобится все, на что я способен.

– Отдаю плоть свою! – продолжал Валар.

– Отдаю плоть свою! – Багровая пелена уже застилала разум, и я еле сдерживал себя, чтобы она не выплеснулась наружу раньше времени. Нащупав в ране на правом бедре скользкий осколок обсидианового лезвия, я крепко ухватил его пальцами и потянул наружу, раздирая живое мясо.

– Отдаю кровь свою! – тянул свою песню Остроухий.

Да! Вот оно! Теперь это только его песня! Оплочал Валар – его промах! И даже неважно, каким будет исход, но теперь игра пойдет по моим правилам. Такой поворот событий просто не мог прийти ему на ум. Идя на жертвоприношение, я всего лишь давал согласие на проведение ритуала, а вот кто будет жертвой – решится сейчас, промелькнуло у меня в голове.

– Беру!!! – с ревом выдохнул я, позволяя наконец до предела скрученной внутри меня пружине распрямиться. Все свои силы, всю ярость – все я вложил в один-единственный удар острейшим лезвием Валару в горло!

Время для меня почти остановилось, все вокруг замерло, в тягучем, ставшем вдруг упругим воздухе двигалась только моя рука, метнувшаяся к пульсирующей на шее Вала-

ра артерии. Целиком поглощенный ритуалом Валар даже не успел отреагировать на мой бросок, в то время как каменное острие вошло ему в горло! Он еще только подносил руки к раненой шее, когда я, продолжая движение, оттолкнулся всем телом от земли и, ударив головой в лицо, навалился на него, опрокидывая навзничь. Однако надо отдать ему должное, сдаваться без боя Остроухий не собирался. Зажимая одной рукой рану на шее, растопыренными когтями другой он нанес удар, метя мне в голову. Я почти физически чувствовал, как утекают отпущенные для схватки мгновения. Ввязываясь в борьбу, очень просто было упустить единственный шанс на победу. Опомившись, Валар покончит со мной немедленно. Блокировать его удар я не стал, а, пригнув голову, просто подставил под когти плечо – разбираться с травмами будем после, если повезет... Вцепившись когтями в мое плечо, Остроухий оторвал от горла другую руку и, опершись на нее, начал привставать мне навстречу. С ним надо заканчивать, еще чуть-чуть – и будет поздно. Двинув приподымающегося с земли Валара коленом в промежность так, что его выгнуло от боли, левой рукой я схватил его за волосы, с размаху ударяя головой о выступающий позади него острый камень. Что-то хрустнуло. А потом с силой опустил кулак другой руки на горло, сминая гортань и вбивая застрявший в ней осколок камня до самого хребта! Валар подо мной забился, из его рта и горла хлестала кровь, если это и был ихор – кровь богов, то по цвету он ничем не

отличался от простой человеческой крови. Содрогающийся в конвульсиях Валар полосовал меня когтями, но это была уже агония. Хотя если она продлится еще какое-то время, он способен просто разодрать меня на куски. Продолжая колотить его башкой о камни, я, выбрав подходящий момент, напряг пальцы на правой руке и молниеносным движением ударил Остроухого в лицо, выбивая глаз. Его руки рефлексивно метнулись к пораженному месту, а я перехватил их и придавил всем весом, пытаясь не дать им снова вцепиться мне в тело.

Что подтолкнуло меня к последующему поступку, я не знаю до сих пор, хотя такой неистовой ненависти мне не приходилось испытывать никогда раньше. Возможно, причиной тому послужил рисунок церемонии, ведь я обещал взять его кровь, возможно, виновато боевое безумие, когда одержавший победу воин съедает горячую печень еще живого врага. А может быть, я просто использовал последнее оставшееся в моем распоряжении оружие. Скорее всего, все вместе...

По телу Валара пробежали судороги, он хрипел, однако жизнь не желала покидать его тело. Мне стоило гигантских усилий сдерживать его руки, лишая возможности творить волшебство. Говорить он уже не мог, но я инстинктивно чувствовал, что и взмах руки колдуна способен натворить немало дел. Любой человек на его месте был бы уже трупом: перерезанное да вдобавок раздавленное горло, перебитый хребет, пробитая голова – но, видимо, Валару и этого было мало.

От неимоверного напряжения все человеческое окончательно покинуло меня, оскалившись, я зубами вцепился ему в горло, рвя и терзая плоть.

– Беру кровь твою, Валар, забираю до капли! – в бешенстве хрипел я, захлебываясь потоком хлещущей из перерезанных артерий крови. Горячая соленая волна прокатилась по пищеводу и взорвалась в желудке вспышкой нестерпимого жара, мгновенно затопившего все тело до кончиков пальцев. В голове вспыхнул ослепительный свет, вымывая из сознания муть. Сравнить с чем-либо трудно. Ну-у... Возможно, хлопнутый залпом стакан спирта даст отдаленное представление... Право, не знаю.

И тут все кончилось. Тело Валара содрогнулось в последний раз и, наконец, обмякло. Я победил!!! Еще не веря в произошедшее, я сполз с трупа и обессиленно откинулся на спину, приходя в себя. Потом, повернув голову, посмотрел на залитое кровью тело Валара, а его голова уставилась на меня пустой глазницей.

– Вот так, падаль! Глаз за глаз! – Я прикоснулся рукой к тройному рубцу, наискось пересекающему лоб и левую скулу. У меня, правда, глаз уцелел, но заслуги Валара в том не было. – Печать, говоришь, а как тебе моя роспись с росчерком по горлу? – все еще не отойдя от пережитого напряжения, прохрипел я.

Постепенно успокаиваясь, я отвел взгляд от трупа и посмотрел в ночное небо. Нет, закончилось еще не все! Надо

мной, извиваясь, висел вызванный Валаром смерч, а его хобот рыскал из стороны в сторону, словно принюхиваясь. Я замер, боясь пошевелиться: доверия этот объект не вызывал. Наконец, видимо, определившись с целью, хобот потянулся к телу Валара, на мгновение замер над ним, а затем бесшумно всосал в себя! На том месте, где только что лежал покойник, не осталось ровным счетом ничего, кроме голого камня! Для бестолково снующих под куполом лунной сферы молний это, похоже, послужило сигналом к действию: как по команде они метнулись ко мне, ударив в грудь! Да, пожалуй, это напоминало удар током, и меня основательно встряхнуло, ненадолго лишив сознания.

Очнувшись от кратковременного затмения, я сразу же осознал, а скорее, даже почувствовал: вот теперь точно все! Эта неприятная страница моей жизни закончилась, можно приниматься за следующую. Я лежал спиной на камне и смотрел в небо, в ушах снова в полную мощь грохотал водопад, а туча, скрывшая луну, погасила наконец охваченный великанскими пальцами фантастический радужный шар.

Я опять выжил, победил! А враги умылись кровью! Я вынес пытки, протянув время и усыпляя подозрения Валара, убедил его, что полностью сломлен. Дал согласие на жертвоприношение, но вывернул его наизнанку. А потом, дождавшись момента, того единственного мига, когда можно было нарушить ритуал, я его сломал, обернув слова Валара против него самого. У меня был только микроскопический шанс,

тень шанса, но я сумел им воспользоваться в безнадежной, казалось, ситуации... и выиграл! Мысли в голове скакали и путались, но, несмотря на предельную усталость, все во мне пело и ликovalo от ощущения победы!

Если верить Валару, получается, что путь домой мне в любом случае заказан. Но это мы еще посмотрим, были в его рассказе кое-какие подозрительные моменты. Осталось немало вопросов, на которые я бы хотел получить ответы. Хотя я еще плохо представляю, кому их задать. Но побарахтаемся...

Глава 4

*Охотник – человек, отстаивающий свою любовь
к природе с оружием в руках.
Неизвестный*

Немного отлежавшись, я нехотя поднялся с каменного ложа и направился к водопаду – надо забрать в пещере свои вещи (в моем положении дорога любая мелочь) и отправляться на поиски людей. В этом мире они существуют, теперь мне это известно доподлинно, так что время терять незачем.

Ледяные струи водопада ударили по израненным плечам, пригибая к земле, и эйфория, накатившая на меня после боя, наконец схлынула. Грядущее уже не выглядело настолько безоблачным, как несколькими минутами раньше, и я задумался о суровой правде жизни. Все мое тело было покрыто кровоточащими ранами и ссадинами, часть из которых Валар нанес мне еще в пещере, остальные же я заработал во время схватки. Больше всего беспокоили рваные раны на плечах и груди, из которых все еще сочилась кровь, но тут сделать я мог немного. Промыв их водой, я решил больше об этом не беспокоиться, предоставив остальное организму. Все равно зашить, перевязать или дезинфицировать их совершенно нечем. К тому же на мне все заживает очень быстро, что в свое время приводило в изумление врачей, да и сепсиса бояться, пожалуй, не стоит. Валар, конечно, тварь

когтистая, но вряд ли у него под этими когтями оставались куски гнилого мяса, как у некоторых из тех хищников, с которыми мне приходилось пересекаться в жизни.

— Ерунда, моржи не болеют, пока не околеют, — подбодрил я себя.

Покончив таким образом с самолечением, я прошел в пещеру и, собрав валявшиеся там плетеную сумку, дубину и куски обсидиана, отправился обратно. Больше здесь делать было совершенно нечего, к тому же я хотел побыстрее покинуть это проклятое плато. Несколько удивило меня только одно обстоятельство: я и раньше неплохо видел в темноте, но сейчас в крошечном мраке пещеры ориентировался как при свете дня. На поверхности я списывал это на полнолуние и светлую ночь, но под землей такое объяснение не годилось. Однако сейчас ломать себе голову я не стал — оно и к лучшему, проще будет ползать по скалам, спускаясь с плато. Откладывать спуск в долину на утро, судя по всему, не стоит, слишком много неприятных вещей произошло со мной здесь.

Выбравшись из пещеры и переплыв озерцо, я направился вниз по речке к тому месту, где оставил обломки обсидиана. Материал это ценный, неизвестно, отыщется ли что-то подобное в другом месте, так что стоит все прибрать про запас. Отыскав свое богатство, я сложил его в сумку, предварительно выкинув оттуда часть голышей — таких можно набрать где угодно. Импровизированное рубило тоже не взял

— лишняя тяжесть, и сделать его элементарно, подобными пользовались еще син-, палео- и прочие антропы.

Добравшись до конца плато, я подошел к краю обрыва и посмотрел вниз на скрывающуюся в пелене долину. Может, тут мне повезет больше. По крайней мере там наверняка водится какая-нибудь живность, и, следовательно, я буду одет, обут и сыт. Пристроив с помощью лозы палицу за спину и закрепив поудобнее сумку, я подошел к обрыву и полез вниз...

Сам по себе процесс спуска особой проблемы не составлял, за свою жизнь я вдоволь полазал по всякого рода скалам, как с альпинистской снарягой, так и без оной. Свободное соло меня привлекало даже больше, тем более что при моей профессии нужного снаряжения под рукой зачастую не оказывалось. И раненым ползать по горам тоже было не впервой. Однако сейчас я был весьма сильно покарябан Валаром и ослабел от потери крови, так что задача передо мной стояла непростая. Но отступать было нельзя. Я полз по стене вниз, выкинув из головы ненужные мысли и все же горько жалея о том, что не уродился гекконом. Сосредоточившись только на неровностях скальной поверхности и всецело положившись на силу пальцев, переставляя руки и ноги на автомате, без всякого участия сознания, я отыскивал в камне мельчайшие трещинки, медленно продвигаясь к цели. Мышцы сводило от напряжения, левое, наиболее пострадавшее в схватке плечо от каждого движения стегало болью, из открывшихся ран снова потекла кровь, но расслабляться я себе

не позволял. Время для меня перестало существовать, моя жизнь теперь измерялась в количестве оставшихся до земли метров и имеющихся в запасе сил! Можно сказать, висела на кончиках пальцев.

Наконец ноги коснулись ровной поверхности. Отцепившись от стены, я рухнул на землю, переводя дыхание. Эта долбаная скала чуть меня не доконала, еще немного – и она доделала бы работу за Валара! Распластавшись на траве, я потихоньку приходил в себя. Расслабляться долго и качественно я позволить себе не мог. Если я хочу выжить, придется еще напрячься и отыскать для отдыха другое место.

Немного отдышавшись, я заставил себя подняться и осмотрелся по сторонам. А потом, отцепив на всякий случай со спины дубину и взяв в другую руку камень, отправился исследовать окрестности. Ограниченный отвесной стеной, с многочисленными каменными осыпями, край долины был не лучшей площадкой для прогулки, но забираться сейчас в лес смысла не имело. Я был крайне измотан и нуждался в надежном укрытии, где удалось бы спокойно отлежаться, не опасаясь быть сожранным местным зверьем, а чего-то лучше пещеры или грота на данный момент измыслить было сложно.

Двигаясь вдоль скальной стенки, я выискивал подходящее убежище и настороженно сканировал обстановку, когда с громким хлопком крыльев прямо у меня из-под ног вспорхнула крупная птица. Мгновенно отреагировав, я швырнул

камень, сбивший пернатую прямо на взлете. Быстро подхватив трепещущую добычу, я свернул ей шею и принялся ощипывать. Птица оказалась неизвестной мне породы, но вроде из отряда тетеревиных, что-то среднее между тетеревом и куропаткой, размером с хорошую курицу. Впрочем, проблемы ее классификации и идентификации меня сейчас волновали мало – хорошо, не ворона! Хотя сейчас я бы с удовольствием сожрал и ворону. Наскоро выпотрошив ощипанную тушку, я с жадностью накинулся на сырое мясо. Перенесший тяжелейшие испытания и большую потерю крови организм требовал немедленного восполнения сил.

Подходящую пещеру я обнаружил только под утро. Вероятно, раньше она служила логовом какому-то зверю. К этому моменту я был уже совершенно вымотан и еле держался на ногах, продолжая двигаться только усилием воли – укатали сивку крутые горки. Кроме того, у меня явственно подскочила температура, тело сотрясал озноб, бросая то в жар, то в холод. Как бы инфекция какая не завелась!

В дальнем углу небольшой пещерки в беспорядке были навалены сухие листья, ветки и хворост. Сами они сюда попасть не могли, так что, скорее всего, весь этот мусор сюда натащило неизвестное животное, устраивая себе уютное лежбище. Ну что ж, сгодится такое убежище и мне. Утро было весьма прохладное, а тут какая-никакая защита от холода, что очень кстати, да и лежать мягче. Хоть сейчас и середина лета, но вокруг горы, и холодных ночей будет достаточно,

а я к тому же до сих пор гол как сокол... В известных пределах я умею регулировать температуру тела и при желании смогу повторить фокус тибетских лам: сидя на леднике, высушить на себе вымоченные в горном ручье простыни, – но проблемы это не решало. На длительный многодневный срок такая практика не рассчитана, да и внутренних ресурсов требует немало, а в моем потрепанном состоянии это непозволительная роскошь. Так что пойдем простым, не требующим лишних энергозатрат путем и с завтрашнего дня подумаем насчет одежды. А если сюда явится хозяин берлоги, то пусть пеняет на себя. В общем, будем решать проблемы по мере их поступления. Вот так.

– Наша постель – попона боевого коня, – хмыкнул я и полез устраиваться.

Разворошив кучу древесного мусора, я закопался в нее целиком.

– Нет, наша постель – нора лесного зверья! – поправил я себя, уже засыпая.

Проснулся от голода. Сон мой никто не потревожил, и я уже сильно об этом жалел. Попадись мне этот «кто-то» сейчас (кем бы он ни был!) – задавил бы голыми руками. И съел! Сожрал бы с костями и шкурой! Пожалуй, такого всепоглощающего приступа голода я до сих пор не испытывал. Никогда! Да я и не подозревал, что голод может быть настолько силен, хотя доводилось голодать по несколько недель! Челюсти сводило судорогой, а живот, казалось, прилип к позво-

ночнику.

Выбравшись из своей импровизированной постели, я вышел из пещеры на вольный воздух. Судя по солнцу, да и по моим внутренним часам тоже, спал я часов десять — день был в самом разгаре. Не самое лучшее время для охоты, но дожидаться сумерек не будем. Волка ноги кормят. Тут я обратил внимание на то, что больше не испытываю так досаждавших мне вчера болезненных ощущений. Осмотрев свое тело, я обнаружил, что все раны, считай, исчезли, оставив после себя только неровные красные рубцы. Неглубокие царапины и вовсе пропали бесследно, о них едва напоминали белые полосы на загорелой коже. Неудивительно, что так хочется есть: мой организм за несколько часов проделал работу, на которую у обычного человека уходит по меньшей мере пара-тройка недель. На мне и раньше все заживало как на собаке, но не настолько же быстро! Подобные сюрпризы настораживали. Если прибавить к этому новоприобретенную способность видеть в полной темноте, получалось и во все интересно. Оставалось посмотреть, что последует дальше, какие еще новые фокусы выкинет разбушевавшийся организм? Утешало и даже радовало одно: новые возможности мне очень пригодятся, тут жаловаться грех, но откуда все это взялось? Собственно, несколько предположений у меня имелось. Все эти изменения могли быть последствием ритуала. А могли появиться и после перехода через контур, ведь никому не известно, как он влияет на человека. Однако не ис-

ключен вариант, что тут виновата кровушка Валара, которой я так неосторожно хлебнул. Как ни крути, однозначного ответа сейчас дать нельзя, потому следует отложить проблему до лучших дней и заняться другими, действительно жизненно важными вопросами. Не откладывая дела в долгий ящик, я наскоро собрался, благо не был перегружен вещами, и отправился на поиски зазевавшейся дичины.

Углубившись в чащу, я прошел около километра в сторону центра долины, а потом немного изменил направление и начал забирать левее, стараясь держаться против ветра. Маневр нехитрый, а шансов незаметно подобраться поближе к какому-нибудь неосторожному зверю все же побольше. Бесшумно скользя между деревьями, я внимательно сканировал окрестности, стараясь первым почувствовать присутствие дичи или, по крайней мере, моментально среагировать на любое подозрительное движение. Такая тактика, конечно, не слишком надежна, поскольку рассчитана на случай и большую плотность зверья. Но особого выбора у меня не было. Из метательного оружия я располагал только камнями, а уложить любого достаточно крупного зверя, просто швырнув в него булыжником, представлялось проблематичным. Оставалось попытаться подкрасться вплотную и ввязаться в рукопашную. В том случае, если животное окажется хитрее и обнаружит меня раньше, можно попробовать его догнать. На короткой дистанции я вполне на это способен. Тропить, скрадывать-выслеживать дичь, устанавливать ловушки или

устраивать засады я не собирался – это дело не быстрое. Вызванный ускоренной регенерацией голод грыз меня с каждой минутой все сильнее, и если в ближайшее время его не утолить, то последствия могут быть самыми печальными. Я наверняка сильно ослабну, а этого в моей ситуации допускать никак нельзя – мало ли какие еще сюрпризы подкинет этот мир.

Лес вокруг сильно напоминал нашу дальневосточную тайгу. Деревья в основном хвойные: все больше ели, сосны да кедры; изредка попадались и обыкновенные березы. Не слишком густой подлесок, под ногами – мох, трава, папоротник, кусты брусники и черники. Пользуясь терминологией геоботаники: сосняк-брусничник, переходящий в ельник-хвощатник, – где-то так. Встречались и незнакомые породы деревьев, но уверенно сказать, что такие неизвестны на Земле, я не мог – все же не ботаник. В свободных от травы и растений местах земля пестрела следами. Это внушало надежду. В основном, конечно, натоптало мелкое зверье, но следы оленей и кабанов тоже встречались часто. Свежих отпечатков мне пока не попадалось, но это и понятно – утром зверь ушел на лежку и днем без особой нужды шляться не будет, а вот ближе к вечеру непременно потянется на кормежку. Давя ногами спелую чернику, я направлялся в сторону увиденного мной еще с края плато озера. Может, подстерегу кого на водопое? Ягоды, в изобилии растущие вокруг, я собирать и не думал, толку с них ноль, а вот время поте-

ряешь. Хотя иногда, пытаюсь обмануть голод, прямо на ходу нагибался и срывал по несколько штук, сразу же закидывая в рот.

На эту прогалину я выбрался уже в сумерках. К этому моменту спазмы в животе стали просто нестерпимыми, и я боялся, что его урчание распугает всю живность на километр в округе. Не собираясь выбирать на открытое пространство, я стал обходить поляну по окружности, когда заметил невдалеке движение. Мгновенно замерев, я впился глазами в промелькнувшие между деревьями силуэты. Семейство кабанов, наискось пересекая прогалину, торопилось куда-то по своим поросычьим делам. Я насчитал их девять штук. Впереди шел огромный кабан, за ним – свинья и пара подсвинков. Сзади трусили полосатые, уже немного подросшие поросята. Рот сразу наполнился слюной, а рука сама потянулась в сумку, нащупывая камень. Расстояние до стада было приличное, поэтому, как ни жалко, от мысли подбить камнем подсвинка стоило отказаться. На такой дистанции серьезно ему не повредишь. Я выбрал своей жертвой пару поросят, семенящих последними, и один за другим метнул два голыша. Бросок вышел удачным. Первый камень пришелся замыкающему свинтусу точно в голову, и тот, убитый наповал, без звука покатился по траве. По второму я тоже не промазал. Сбитый ударом, он забился на земле, оглашая окрестности истошным визгом. Не теряя времени, я выскочил на поляну и кинулся к добыче, нимало не заботясь об остатках улепеты-

вающего семейства. Однако, к моему удивлению, место трагедии покинули не все – кабан остался. Обычно в таких случаях, если оставлена дорога к отступлению, звери стараются уйти. Но то земные звери, приученные опасаться вооруженного огнестрельным оружием охотника. Я забыл, что нахожусь в другом мире, и повадки животных здесь могут быть совершенно иными. Наглядным подтверждением чему служил стоявший напротив меня изготовившийся к атаке кабан. Кстати, дома такие со стадом не ходят. За те мгновения перед броском, что он подслеповато разглядывал противника, я тоже успел хорошо его рассмотреть. До сего момента я много раз встречался с кабанами, но такое животное видел впервые. Его размеры просто поражали. Домашних хряков, бывает, откармливают до гигантских объемов, но они становятся просто куском жира, а здесь одни сплошные мышцы. Чудище размером с быка и весом в полтонны! Такого зверя, наверное, и называли вепрем, если, конечно, такие вообще когда-нибудь водились на Земле. По крайней мере, клыков такого размера я не встречал ни в музеях, ни среди трофеев знакомых охотников.

Ко всему прочему это был секач. Если кто не знает, секачом называют молодого кабана пяти-шести лет. В этом возрасте клыки его еще почти прямые и способны наносить страшные раны. Со временем клыки растут и загибаются назад, и хотя кабан может становиться еще больше и сильнее, он все-таки не так опасен. У моего зверя из нижней челюсти

росли просто бивни, за которые любой любитель трофейной охоты наверняка продал был душу.

Мгновения, что мы оценивали друг друга, истекли, и вебрь ринулся в бой. Ухмыльнувшись, я поудобней перехватил в руке палицу. Атакующий кабан набрал скорость, опустив голову и целясь клыками мне в живот. Знакомая картина. Если бы у меня в руках была рогатина, я бы оставался на месте и принял бы на нее зверя, но моим оружием была палица, и это диктовало другие условия схватки. Дождавшись, пока кабан приблизится почти вплотную, я слегка отступил в сторону, уходя с траектории атаки, и взмахнул палицей, опуская ее вниз и вправо так, что инерцией меня развернуло боком к нападающему зверю. Продолжив рукой движение, я круговым замахом вскинул набравшую скорость дубину над головой и, обхватив ее второй рукой, с силой обрушил оружие на шею проносящегося мимо вепря, в место, где голова переходила в мускулистый загривок. Что-то хрустнуло, и в первый момент мне показалось, что сломалась палица. В этот удар я вложил силу, достаточную, чтобы свалить средних размеров дерево. Шея кабана не выдержала – его пригнуло к земле, и он кубарем, как подстреленный на бегу заяц, покатился по земле, ломая заросли. Расчет был правильный, я приложил дубиной в самое уязвимое место практически любого зверя, тут или шейные позвонки не выдержат, или проломится основание черепа, где кости слабее. Я перевел дыхание. Кончено! Если бы я не свалил его первым уда-

ром, пришлось бы повозиться. В следующий раз переть на рожон он бы точно не стал и вполне мог достать меня клыками. Пришлось бы спастись на дереве.

После короткой, но напряженной схватки меня просто скрутило от голода, волной накатила противная слабость. Вытащив из сумки обсидиановый клинок, я подошел к подрагивающей туше и, одним движением перехватив горло, припал к ране, жадно глотая соленую кровь и мысленно усмехаясь – похоже, это входит в привычку. Напившись, я вспорол кабану брюхо, вырезал сердце, и немедленно съел прямо сырым. Потом, почувствовав себя гораздо лучше, отправился подбирать подбитых ранее поросят. Сначала я собирался сожрать одного из них прямо сырьем, но теперь решил, что недолго можно и потерпеть, чтобы попробовать сострять горячий ужин.

Добыть огонь можно десятками способов, но все они требуют больших затрат времени и сил. Долго возиться мне совсем не улыбалось, поэтому я пошел по наиболее короткому пути, надеясь, что все выйдет, как надо. Еще по дороге в лесу я подобрал старое птичье гнездо – это отличный трут. Для моих целей больше подошла бы вата, но где ее тут возьмешь! Стоило попробовать с тем, что нашлось под рукой. Побродив вокруг поляны, я отыскал сухой березовый сук подходящего диаметра. Обломал его так, чтобы осталось сантиметров тридцать длины, и, удовлетворенный получившимся результатом, отправился обратно на поляну, подобрав по до-

роге подвернувшуюся корягу. Необходимые ингредиенты в наличии, и можно было приступать к работе. Используя кусочки обсидиана как клинья и осторожно постукивая по ним корягой, я расколол сук вдоль, получив два полешка с почти ровной поверхностью на сколе. Изделие следовало доработать. Пользуясь острыми осколками и шероховатым камнем, я принялся старательно строгать, скрести и тереть дерево, добиваясь ровной плоскости на обоих кусках. Хрупкие обсидиановые пластины часто ломались, но в конце концов я получил то, что хотел: два ровных, плотно прилегающих друг к другу куска дерева. Можно было приступать к следующему этапу – непосредственному разведению костра. Запасшись хворостом и сухими ветками, я подготовил растопку из бересты и оставшихся стружек. Затем из внутренней части птичьего гнезда скатал небольшой рулончик, добавив в него берестяных пленок, и вложил его между дощечками. Наступил самый ответственный момент: двигая дощечками вперед-назад, я принялся раскатывать между ними рулончик трута, постепенно увеличивая скорость движения и усиливая нажим. Через пару минут запахло паленым, отбросив дощечки, я выхватил потемневший рулончик и, разорвав пополам, помахал им в воздухе. Получилось! В месте разрыва теплился маленький уголек. Осторожно поднеся тлеющий трут к растопке, я дыхнул на него, раздувая искры, и увидел, как бересту лизнул крохотный язычок пламени. Растопка занялась, а через минуту костер пылал уже вовсю.

Разделава одного из поросят и насадив на ветку, я приспособил его над огнем, поворачивая из стороны в сторону. Прожаривать его до готовности я не стал, а минут через двадцать, рассудив, что горячее не может быть сырым, снял его с огня и, впиваясь зубами в полусырое, истекающее соком и кровью мясо, приступил к трапезе. Поросятка я съел целиком.

Некоторое время спустя, полулежа у костра, раздувший-ся, как удав, я лениво обдумывал свои дальнейшие действия. Над чащей сгустилась ночь, чуть разгоняемая отблесками за-тухающего костра. Но темнота мне теперь не помеха, я и сейчас видел не хуже, чем днем, разве что в зеленоватом свете и куда-то пропали яркие краски. Примерно так выглядит окружающий мир в окуляр хорошего ночного прицела. Отправляться куда-то на ночь глядя с полным животом не очень хотелось, но и оставаться на поляне с кучей свежего мяса не стоило. Еще днем, пробираясь через чащобу, я не раз замечал характерные отпечатки волчьих и рысьих лап, кроме того, без сомнения, здесь водятся и другие хищники, готовые составить мне конкуренцию. Вопреки распространенному заблуждению, большинство крупных хищников не слишком боятся огня, а выяснять с ними отношения из-за добычи я сейчас был совершенно не расположен. В общем, надо возвращаться в облюбованную пещеру – так оно будет надежнее.

Вздыхнув, я поднялся с земли и принялся за неприятную,

но необходимую работу. Ободрать тушу вепря с помощью обсидианового ножа непросто, но я справился – извозившись, правда, по уши. Шкура мне понадобится очень скоро. Потом тщательно вынул мозг и отделил сухожилия со спины и ног. Мясо такого чудища будет жестким, как подошва, но мало ли что – сейчас не до изысков. Отрезав несколько приглянувшихся кусков, я сложил все это на шкуру и, бросив сверху оставшегося поросенка, тщательно завернул. Выбитые камнем кабаньи клыки положил в сумку. Вот вроде бы и все.

Взвалив сверток с добычей на плечо, я подхватил с земли палицу и двинулся по направлению к пещере. Поначалу идти было тяжеловато, но вскоре съеденное немного утряслось, и я зашагал бодрее.

Ветер сменился и снова дул в лицо, под ногами мягко пружинил мох, до цели оставалось рукой подать. Великан-лось поднялся из зарослей буквально в двух шагах от меня и, ломая кусты, прыгнул в сторону. Я находился с подветренной стороны, шел практически бесшумно, и чуткий зверь до последнего мгновения не подозревал об опасности. А может, он хрустел чем-то так, что за ушами пищало, и поэтому прозевал мое появление. Неважно...

Несмотря на то что эта встреча и для меня стала сюрпризом, терять время, стоя с открытым ртом, я не стал. Шкура с упакованной в нее добычей полетела в сторону, а я в три прыжка нагнал зверя и повис на нем, ухватив за рога с пра-

вой стороны головы. Нашаривать в сумке нож не было времени, да и особой необходимости. Лось взревел, мотая головой, и ударил копытом, пытаясь стряхнуть меня на землю и растоптать. Увернувшись от копыта, я навалился сильнее, что есть мочи выкручивая ему голову влево. Началось противостояние. Наконец, не выдержав напряжения, сохатый повалился на колени, мучительно выгибая шею. Вздувшиеся на ней жгуты мышц, казалось, готовы были лопнуть, уступая моему напору. Лось зашатался, собираясь повалиться на землю, но переводить борьбу в партер я не собирался. Внезапно ослабив нажим, я перехватил зверя за другой рог и, пользуясь им как рычагом, рванул голову животного в другую сторону. Усилия почти и не потребовалось, напряженные мышцы лося помогали мне сами. Завершая движение, я повернул голову зверя, и хруст позвонков неприятно отдался в ладонях, поверженный великан медленно завалился на бок. Отпустив рога, я позволил ему упасть, а потом, достав нож, перерезал горло, спуская кровь.

Способ, которым я расправился с лосем, не был моим изобретением, так ломают шею быкам: скручивая голову сначала в одну сторону, а затем резко в другую. Правда, я никогда не слышал, чтобы так поступали с лосями или другими оленями. Хотя северных оленей похожим образом укладывают на землю для клеймения, но шею при этом, конечно, не ломают.

Напрягши свои полузабытые познания в палеонтологии

и осмотрев убитого зверя, я с большой долей вероятности определил, что моей добычей стал ныне вымерший на Земле широколобый лось. Весил зверь, наверное, около тонны и почти на треть превосходил размером все встречавшиеся мне до этого экземпляры этих животных.

Дождавшись, когда туша немного остынет и с нее уберутся паразиты, я освежевал и разделал добычу, а затем в три захода перетащил ее в пещеру, благо оставалось недалеко – с полкилометра. Переложив мясо крапивой для сохранности, я сложил его в дальний угол, про запас.

Лосятину, особенно такую мускулистую, хорошо пускать исключительно на котлеты, ну да ничего – перебедем, зубы не сотрутся. Зато мясом я был обеспечен надолго. Теперь можно задуматься об изготовлении необходимой экипировки. Но все это завтра, утро вечера мудренее. Замочив кабанью и лосиную шкуры в ручье, протекавшем шагах в двадцати от моего убежища, я вернулся в пещеру и, зарывшись в сухие листья, начал готовиться ко сну.

После столь бурно проведенного дня можно было подвести итог: дичи здесь немерено и умереть с голоду мне не грозит. Надо только опасаться, чтобы кто-нибудь не пообедал и мной! Здесь обязательно должен водиться кто-то, стоящий на вершине пищевой цепочки. Хотелось, чтобы это оказался я, но такое везение вряд ли возможно.

Проснувшись, я сходил на ручей умыться и собрал дров, а потом озаботился костром. Дощечки и трут не подвели и

на сей раз. Скоро в глубине пещеры пылал костер, а над ним доходил до готовности поросенок. Дым стелился по потолку и, ничуть мне не мешая, уходил наружу. А вот если бы огонь был разведен у входа, в пещерке было бы не продохнуть. Все бы ничего, но опять ужасно хотелось есть! Да что ж я за проглот такой?! Если так пойдет дальше, мне придется убивать все свободное время только на заботу о пропитании. «Убивать время или убивать все время? Интересно. Ладно, оставим...» Раньше такие приступы голода меня не беспокоили, и я мог неделями существовать на очень скудном рационе или вовсе без того, не теряя работоспособности. Оставалось надеяться, что всему виной ускоренная регенерация тканей и со временем все вернется на круги своя.

С такими приправами, как зверский голод и свежий воздух, мясо показалось мне удивительно вкусным, но вот соли не хватало. Позже об этом придется подумать серьезно – человеку соль просто необходима, и не только как вкусовая добавка. Травоядные животные отыскивают соль на солонцах, хищники получают ее с мясом и кровью жертв. Но не могу же я питаться кровью и сырым мясом – или могу? Я отнюдь не возражаю против сырого мяса, но у животных могут водиться паразиты, и мне совсем не улыбается подцепить каких-нибудь глистов. Все равно соль придется поискать...

Осмотрев на себе места, где раньше были раны, я отметил, что они исчезли совершенно, даже рубцы практически рассосались. Тело просто бурлило энергией, хотелось взять да

взлететь. Давненько я не чувствовал себя настолько великолепно – скинул, казалось, лет двадцать, тянуло на подвиги! Слегка саднил только шрам на лице. Проведя по нему пальцами, я нащупал три глубоких борозды, наискось пересекающие лоб и левую щеку – они-то пропадать и не собирались. Печать, однако! В памяти сами собой всплыли недавние события. В глубине души зародилось смутное предчувствие, что история с Валаром далеко не окончена и в покое меня не оставят. В то, что Валар действовал один и его исчезновения никто не заметит, верилось с трудом. Какой-никакой, а бог! Впрочем, кто его знает? Ну да будем решать проблемы по мере их поступления, а сейчас вернемся к первоочередным задачам.

Обгладывая косточки поросенка, я задумался о своих дальнейших планах. Раньше было просто некогда, а тут выдалось время разложить все по полочкам. Итак, если принимать на веру слова Валара, что вся эпопея с моим перемещением на Сид – его рук дело, тогда получается, контура больше не существует? Если же он сгустил краски, то все равно отыскать точку перехода будет очень и очень непросто! Нужно, конечно, попытаться, координаты мне известны, а приблизительно определить широту и долготу места, где нахожусь, худо-бедно сумею. Еще ночью сориентировавшись по звездам, я прикинул направление движения. Получалось на юго-запад. Но сердце вещует: не врал Валар. Однако выбора все равно нет – о географии Сиды, что физической, что по-

литической, мне ровным счетом ничего не известно. Так что любое другое направление подходит еще меньше, а тут есть хоть какая-то надежда. Ну а не получится отыскать контур, попробую найти людей (или кого-то на людей похожего) – участь робинзона меня совершенно не устраивает. С этим все ясно, пойдем дальше...

Сейчас у нас середина лета, поэтому со сборами мешкать не стоит, путешествовать по горам глубокой осенью или тем паче зимой мне не улыбается. В то же время к дороге надо хорошо подготовиться, потом будет не до того. А из этого следует, что задержаться все же придется. Сейчас у меня нет почти ничего, а понадобятся хорошая крепкая одежда, надежное оружие... Да, черт возьми, много чего понадобится! Значит, придется все это как-то изваять в сжатые сроки! Так что приступаем немедленно и не сходя с места. Начну с одежды и оружия, в промежутках – все остальное, а вот благоустраивать жилье смысла просто нет.

Глава 5

Принимаясь за дело, соберись с духом.
К. Прутков

Подойдя к ручью, я напился, а потом извлек из него отмокшие за ночь шкуры. Бросив их на толстый ствол поваленного дерева, я сел рядом и крепко задумался, перебирая в голове этапы обработки кожи и прикидывая, как это можно повернуть в моей ситуации. Перво-наперво *отмока* и *мездрение*, то есть удаление остатков мяса и жира – ну это придется сделать в любом случае. Затем *золение* и *дернение*, то есть удаление подкожной клетчатки и волоса – тут необходима известь. Ну, скажем, пережгу известняк... Дальше *обеззоливание* – нет проблем, просто промыть в воде, потом *мягчение* — для него потребуются птичий помет. Ха, нет ничего проще. Следующая стадия – собственно *дубление*, на этом этапе лучше всего использовать ивовую кору. Ну и, наконец, *жирование* – нужны сало или деготь. Вроде бы все... Ах да, еще сушка!

Мда-а... Это ж надо, какой геморрой. А сколько времени займет! И где взять емкости для растворов? Что теперь, устраивать тут кожевенное производство? Нет, мы пойдем другим путем! Кожу будем делать сыромятную.

Поплевав на ладони, я взялся за работу... На гладком

бревне, пользуясь заточенным лосиным ребром как скребком, я сначала соскоблил мездру, а потом, перевернув шкуры, согнал волос. Работенка еще та! По уму делается несколько иначе, но меня поджимало время. Растянув шкуры колышками, я оставил их сушиться, отрезав предварительно полосу кожи на пращу. Эту полосу я как следует прокоптил над костром, а затем, вооружившись ножом, вырезал из кожи ремень, придав ему требуемую форму. В середине ремень расширялся, образуя гнездо для камня, а один из концов заканчивался петлей, накидывающейся на кисть руки. Праща была готова! Не бог весть что, но на первое время сгодится. Принцип стрельбы из пращи достаточно прост. Ремень сгибается пополам, конец с петлей надевается на кисть, а другой зажимается в кулаке, в середину ремня вкладывается метательный снаряд. Затем праща раскручивается в вертикальной или горизонтальной плоскости, как кому удобнее, а конец, удерживаемый в кулаке, отпускается... Кто не спрятался!.. В общем, снаряд усвистывает куда бог пошлет! Прицелься из пращи нереально, нужный результат достигается только многочисленными тренировками, нарабатывающими необходимый навык, который у меня, к счастью, имелся. Существуют и иные типы пращей: один выглядит просто как большая ложка, а другой – палка с расщепом на конце, куда вкладывается камень, действующие по принципу увеличения рычага руки, но КПД у них ниже. Собственно, к этому типу пращей можно отнести и копьеметалку. Устроена она

тоже достаточно просто: палка с желобом, куда вкладывается дротик, на одном конце снизу, рукоятка – на другом сверху, упор для древка. Кстати, из нее можно запульнуть и камнем – австралийские аборигены так и поступали, швыряя что ни попадя во все, что шевелится. Не окажись у меня кожи, я бы, наверное, изобразил что-то в этом роде.

Неотложных дел в пещере у меня пока не нашлось, а стало быть, можно отправиться исследовать долину, пройтись вдоль реки, добраться наконец до озера. Так и поступим.

С прогулки я вернулся только поздно вечером в прекрасном расположении духа, обремененный изрядной добычей. С одного плеча свешивалась антилопа неизвестной породы, подбитая мной у озера. На другом плече болталась полная кремня сумка – на него я наткнулся, пошарив по берегам реки. В руке я держал глухаря и связку битой утки. В общем, жизнь удалась, а праща зарекомендовала себя отлично. Огорчало только одно – до смерти надоело ходить голым. Хотя я подметил одну любопытную деталь – мной совершенно перестали интересоваться кровососущие насекомые, просто облетали стороной. Немалое, надо отметить, достижение!

Достав подсохшие шкуры, я тщательно втер в них лосиные печень и мозг, а потом, свернув, отложил в дальний угол пещеры до тех пор, пока не исчезнет клейкость, а это еще пара дней. Придется потерпеть. Шкуру антилопы я, напротив, положил отмокать. Потом, поужинав запеченными в углях

утками и застелив постель еловым лапником – для пушего удобства, завалился спать.

Следующие несколько дней я корпел над изготовлением каменных орудий, почти не отвлекаясь. Разложив перед собой остатки обсидиана и кремль, я вдумчиво изучал каждый обломок камня, а затем старался придать ему нужную форму. Обсидиан можно обрабатывать двумя способами. Первый: нагреть камень на огне, капнуть на него водой – отскочит кусочек. Хитрость в том, что заготовку надо держать, наклонив так, чтобы капля стекала по линии будущего скола. В этом случае необходима изрядная сноровка, которой у меня, к сожалению, не было. Другой метод, знакомый мне гораздо лучше, был аналогичен способу обработки кремня. Тут тоже возможны варианты. От исходного материала (нуклеоса) отбиваются отщепы, и в орудие превращается ядро камня. То ли, наоборот, инструмент изготавливается из сколотых пластин. Я действовал и так и этак. Пластины пускал на мелкие предметы, скребки и заготовки наконечников стрел, предполагая обзавестись луком в ближайшее время. А в технике двусторонней обработки отделявал орудия по-серьезней. Покончив с черновой обработкой изделия, отжилом и ретушью (скалыванием мелких чешуек по грани) доводил его до ума, добиваясь потребных кондиций. В качестве рабочих инструментов я, не мудрствуя, использовал все, что подвернется под руку: обломок рога, твердую палочку, подходящий кусочек камня...

Увлечшись творческим процессом и набив руку, я, перепрыгнув через ступеньку, скакнул из палеолита прямо в неолит, понаделав геометрически правильных пластин в технике микролитов. Для этого камень раскалывается на аккуратные, квадратные или треугольные в сечении, столбики, которые в свою очередь расщепляются поперек на одинаковые по форме фрагменты, толщиной около миллиметра. Вклеенные в рукоятку, они образуют практически ровное лезвие, а утерянный фрагмент легко заменить.

Надо заметить, современные первобытные племена утратили знания предков и зачастую используют в быту гораздо менее совершенные орудия, чем существовали в палеолите (не говоря о неолите), а уж над поделками тасманийцев угорал бы и питекантроп. Реэволюция, мля... деградация... И это не только и не столько о дикарях речь. Существует такая теория, что человечество не эволюционирует, а напротив, скатывается обратно. Доказательств достаточно, за примерами далеко ходить не надо. Взять тех же кроманьонцев: и здоровее современных людей будут, и объем мозга побольше, и кариеса не знали – куда все делось?! Стоит задуматься! А что первобытные племена деградируют, неудивительно – ни тебе саблезубых тигров, ни пещерных медведей, одни кокосы да бананы или змеи да ящерицы, а то и пиявки да личинки – приспособленцы... С другой стороны, кондовые дикари хоть и выродились, но приспособились использовать попадающие им в руки отходы цивилизации: гвозди, стекло,

обрывки сетей, полиэтилен и тому подобное... Так, например, в свое время аборигены оставили пол-Австралии без связи, посшибав с телеграфных столбов фарфоровые изоляторы и употребив их на свои изделия.

С гордостью я обозрел плоды своих усилий: микролиты, наконечники стрел, несколько ножей разного размера, пара больших листовидных наконечников для рогатины⁶ и два топора, напоминающих по форме колун. Несмотря на более-менее привычную форму, топоры задумывались не для колки дров или валки леса — овчинка выделки не стоит, — а предназначались исключительно для проламывания черепов и нанесения прочих увечий. Да и вообще, каменный топор, в отличие от стального, всегда был не многофункциональным инструментом, а только оружием, по характеру воздействия на противника подобным чекану.

В трудовом порыве я пустил на дело и лосиные рога, из них получились вполне симпатичные гарпун и острога. Теперь оставалось только закрепить все это на рукоятях. В углу пещеры подсыхали, дожидаясь своего часа, подготовленные загодя березовые заготовки для рукояток ножей и кленовые для топорщища и древка рогатины. Я, конечно, предпочел бы бук и ясень, но этих деревьев в здешнем лесу мне пока не встретилось. Можно было и приступить, но существовала одна загвоздка: чем крепить?! Смолой и сырой кожей

⁶ *Рогатина, рожон* — тяжелое копье, зачастую (но не обязательно) с перекрестьем.

ненадежно – отсыреет и развалится. Так что куда ни кинь... все равно придется варить клей! А для этого нужна посуда, для которой понадобится глина, и подходящую еще придется хорошенько поискать. Зато потом можно будет внести разнообразие в меню и еду – варить, что существенно полезней для организма, чем трескать только жареное мясо. Но сначала надо закончить еще одно очень важное дело...

Достав доходящие до кондиции шкуры, я промыл их, натер жиром и принялся с остервенением мять, тереть и скрести, периодически смазывая горячим салом. Через несколько часов такой работы в моих руках наконец оказались два больших куска сыромятной кожи. Можно было приступать к раскройке. Вот тут я помучался вволю, но терпение и труд... Короче, результат меня вполне устроил. Сшить изделия оказалось гораздо проще. Растрепав на волокна высушенные сухожилия, я свил из них нитки и, пользуясь заостренной костью из голени лося как шилом, сшил выкройки, а затем – с чувством глубокого удовлетворения – примерил обновки. Теперь у меня были: штаны и плотная куртка из лосиной кожи, плюс безрукавка и мягкие мокасины из кабаньей. Остатки кожи пошли на сумку, заплечный мешок и пояс. Собственно, у меня на эту кожу были большие виды и громадье планов, но материал закончился. Удивительно, что хватило и на это. Из последнего приличного куска я изобразил наруч на левую руку – пригодится, когда я обзаведусь луком.

Вместе с подсыхающим материалом для рукояток у ме-

ня в пещере дожидался своего часа ствол молодого клена – заготовка для лука. С этим кленом мне вообще очень повезло: для лука требуется хорошо высушенное дерево, а вот как раз необходимым для просушки временем я и не располагал. Приходилось или вообще отказаться от лука, или довольствоваться посредственной поделкой. Отказываться от такого оружия или следовать по стопам халтурщика Гвидона не хотелось, но тут мне подфартило...

Бродя вдоль реки, я наткнулся на небольшой грот, а в нем нашел кусок кленового ствола, сохнувший там практически в идеальных условиях, похоже, еще с прошлого года. Как его туда занесло, другой вопрос. По всей видимости, молодое деревце срезали бобры – для собственных нужд, во всяком случае характерный погрыз присутствовал. А сюда его затащило течением во время половодья. На следующий год вода не поднималась так высоко, и стволик остался на месте. Наверное, так... Впрочем, это не важно, главное, что этот прямой, почти без сучков ствол идеально подходил для задуманного мной дела. Все упиралось опять-таки в клей... ну и кое-что еще.

На следующее утро, одевшись и испытав при этом непередаваемые ощущения подзабытого комфорта, я отправился за глиной. Кроме того, следовало подумать и о мясе: то, что было запасено, успело слегка подпортиться. Небольшое количество мяса я успел закоптить, но этого было явно недостаточно – так, аварийный запас. Правда, в двух шагах от

дома всегда можно было насшибать непуганых глухарей или тех похожих на тетеревов птиц, а на озере набить уток, но мне требовалось что-то посерьезнее, чтобы, не отвлекаясь, продолжать заниматься своими делами. Время утекало стремительно, а надо было успеть подготовиться к походу до наступления осени.

Пласты синей глины я обнаружил там, где и рассчитывал, – у озера. Еще в первый раз побывав тут, я заметил это обнажение, но тогда не стал интересоваться подробностями, а вот теперь вдумчиво исследовал находку. Отковырнув кусочек глины, смочил его водой, а потом размял в руке. Я, конечно, не великий специалист в гончарном ремесле, но, по всей видимости, эта глина сгодится. В конце концов мне и требуется-то всего пара горшков – что-нибудь, глядишь, и выйдет. Вооружившись подходящим булыжником, я принялся отбивать куски от глиняного пласта, складывая их в кучку рядом. В результате горка получилась приличная – для моих целей хватит с избытком, но и запас не помешает – многое наверняка уйдет в брак.

Пока я возился с глиной, с другой стороны к озеру подошло небольшое стадо туров. На Земле последнего тура убили в начале XVII века в беловежских лесах, а здесь, смотри-ка, живут и здравствуют. Хотя эти, по-моему, другой породы – наши были помельче. По моим прикидкам, вес отдельных особей из этого стада зашкаливал за полторы тонны. Массивные косматые звери утоляли жажду, косясь на меня

без особой опаски. Видимо, в их глазах я не выглядел серьезным противником. И правда, с тем оружием, что у меня есть сейчас, с турами не совладать, отбить от стада одно животное вряд ли выйдет. Они наверняка прекрасно знают, как обороняться от хищников, и шансов у меня нет – сомнут и затопчут. Ничего, займемся ими в следующий раз.

Сначала я собирался устроить гончарный цех прямо у озера, но теперь передумал – нечего распугивать зверье. Набил свой новый рюкзак глиной и отправился через лес к родной пещере. Конечно, придется сделать несколько ходок да еще принести песка, но это не страшно, зато дома все будет под рукой.

Уже подходя к пещере, я почуял неладное. Земля перед пещерой была истоптана медвежьими следами, и, судя по величине отпечатков, это был отнюдь не обычный бурый мишка, не кадьак и даже не гризли, а скорее, их дедушка! Интересно, он пришел проведать свое старое жилье или просто почуял запах мяса? Без боя отдавать на поругание пещеру я не собирался. Быстро прокрутив в голове сценарий предстоящей схватки, я принял некоторые необходимые меры. Несколькими ударами ножа свалил небольшую сосенку и, отхватив от нее кусок сантиметров в сорок, заточил его с обоих концов.

Существует распространенное заблуждение, что перед тем как напасть, медведь становится на дыбы, и его спокойно можно принять на рогатину – это в корне неверно! Обыч-

но медведь прет буром, и тут зевать не приходится! Рогатиной же бьют в грудь, между шеей и плечом или сбоку под лопатку. В случае, если все же удалось поднять зверя на дыбки, при известной ловкости можно расправиться с медведем в рукопашной, одним ножом. Мне и самому не раз доводилось развлекаться подобным образом – специфика профессии. Но, боюсь, сейчас этот номер не пройдет, наверняка у этого животного совершенно другие повадки, а потому и действовать придется по другим правилам. Будь у меня готовы топор и рогатина, все бы значительно упростилось, но на нет и суда нет. Палица здесь совершенно бесполезна – с одного удара такого не угробишь, а прежде чем я успею нанести медведю значительный урон, он, весьма вероятно, нанесет мне гораздо больший. Зайти сбоку или же пропустить его мимо себя и треснуть потом по шее, как в случае с кабаном, не удастся – у медведей другие повадки. Такое могло прокатить, подыми я его сонного с берлоги, чем-то расшевелив и встав с дубиной сбоку от входа. Но сейчас явно не тот случай, тут надо действовать по-другому...

Скинув с плеч мешок с глиной, я зажал в одной руке заостренный кол, а в другой – нож и направился к разоряемому дому. Немного печалило то, что у ножа еще не было рукояти, это значительно снижало его боевые характеристики, но что уж теперь... будем справляться тем, что есть. В глубине пещеры слышались громкое чавканье, возня и копошение – похоже, мишка всерьез мародерствовал на моих продукто-

вых запасах. Подойдя вплотную ко входу, я громко проорал внутрь матерную конструкцию и застыл в ожидании.

Долго ждать не пришлось. Не прошло и пары секунд, как он появился на пороге. Матерый! Свирепый! Большой!.. И пещерный! Больше трех метров в длину, явно за тонну весом, с массивной головой, длинными лапами и мощной передней частью туловища, медведь стоял передо мной во всей своей красе. «Пожалуй, он будет побольше и белого собрата», – подумалось мне. Принято считать, что пещерные медведи были вегетарианцами, но, судя по клыкам и по тому, с каким энтузиазмом он жрал честно добытое мной мясо, этот зверь к травоядным себя не относил. Может, это какой-то неправильный медведь? Посмотрим...

Увидев врага, не теряя времени даром и не отвлекаясь по пустякам, медведь взревел и кинулся в атаку. Отпрыгнув назад, чтобы зверь не смял меня первым же броском, я выбросил вперед левую руку с заостренным колом и с силой вогнал его в распахнутую пасть, развернув как распорку. Теперь, вонзаясь в язык и нёбо, острый штырь не давал ему сомкнуть челюсти. Подавившись ревом, медведь затормозил и, вскинув к морде передние лапы, приподнялся на дыбки – на это я и рассчитывал!

Бросившись вперед и поднырнув под лапами, я до основания вогнал каменный клинок медведю в грудь, напротив сердца, поставив все на один удар. Вытащить нож назад и ударить еще раз теперь было невозможно, рукояти у него не

было, а длины клинка и так едва хватало. Тут я пожалел, что поленился приделать к ножу хоть временную рукоятку. Клинок не достал до сердца! Ударив основанием ладони по клинку, я вогнал его еще глубже. Медведь снова взревел и сжал меня в объятьях, пытаясь смять и раздавить. Напрягшись всем телом, я приник к туловищу зверя, обхватив его руками и пригибая голову, чтобы не дать зацепить себя когтями. Потянулись мучительные секунды борьбы. Постепенно рев перешел в хрип, и медведь, теряя силы, повалился вперед, погребая меня под своей тушей.

Вся битва не заняла много времени, Впрочем, так оно обычно и бывает, затянутые схватки и поединки – это прерогатива кино, для зрелищности, в жизни все иначе. У меня были отменные наставники, учившие решать проблемы одним ударом, и лучше, если твой удар придется первым. Затягивать баталию нельзя ни в коем случае, тем более если противник заведомо сильнее – очень велика вероятность подставиться. Этими соображениями я всегда и руководствовался, и, надо сказать, не безуспешно. Как и сейчас.

Выбравшись из-под медвежьей туши, я отправился инспектировать размеры нанесенного зверем убытка. Выяснилось, что пострадало только мясо, но вот как раз оно погибло безвозвратно. Ну что ж... В таком случае сегодня на обед будет медвежати́на, будь она неладна!

Тщательно осмотрев убитого зверя, я пришел к выводу, что, скорее всего, это не пещерный, а так называемый гигант-

ский короткомордый медведь – арктодус, пожалуй, самый большой из хищников, обитавших на Земле в эпоху оледенения. Абсолютно плотоядный зверь, как и его отдаленный сородич – белый медведь. К моему глубокому огорчению, медвежати́на оказалась практически несъедобна, воняла и на вкус явственно отдавала падалью. Хищники вообще не слишком вкусная пища – есть их, конечно, можно, но только от большой нужды. Передо мной опять в полный рост вставала проблема пропитания. Что-то происходило с моим телом, и желудок настойчиво требовал огромного количества пищи. Раньше я был не в силах и представить, что можно столько есть! Индейцы, подобно волкам, способны в один присест слопать невообразимое количество мяса, как бы про запас, но тут я далеко переплюнул и их. Если же я пытался игнорировать возросшие потребности организма, то через некоторое время был уже не способен думать ни о чем другом, кроме еды!

Оттащив подальше от пещеры разрубленную на части тушу, я тяжело вздохнул и взялся за работу. Выбрав из кремневых отщепов парочку подходящих, я придал им необходимую форму и приладил на древка, закрепив полосками сырой кожи. Получилось два коротких копья, или дротика. Затем подсушил кожу над костром так, чтобы она стянулась, достаточно плотно удерживая наконечники. Скептически осмотрел изделия. Халтура, конечно, но для одного удара достаточно, а больше, надеюсь, и не потребуется. В прин-

ципе наконечники можно было и не закреплять, но так все же надежнее, да и древко, застрявшее в ране, прибавит оружию убойности. Вот и все, можно отправляться на охоту. Жертвой я наметил тех самых туров, которых видел на водопое по другую сторону озера.

Подойдя к озеру, я разделся, оставив только штаны, засунул за пояс пару ножей, взял в руку копья и, удерживая оружие над водой, поплыл на другой берег. Там влез на растущее у воды дерево и удобно устроился в развилке ветвей. Турам, как и другим травоядным, требуется много воды, а других удобных подходов к озеру с этой стороны нет, из чего следует, что деваться им некуда и стадо здесь непременно появится, ну а я тоже не подкачаю. Опять же ветер дует в мою сторону, так что вряд ли животные меня почуют, а если и заметят, то, скорее всего, не воспримут как угрозу. Надо только запастись терпением и подождать.

Как я и надеялся, стадо появилось к вечеру. Впереди, поводя внушительными рогами, важно шествовали девять огромных самцов, черных с белой полосой по хребту. Сзади толпились рыже-бурые самки и молодняк. Я напрягся, выбирая жертву. По очереди напившись, самцы уступили место остальным, рассредоточившись вокруг стада, готовые отразить возможную опасность. Один из них оказался всего метрах в двадцати от меня, и я приготовился действовать. Выбрав момент, когда он отвернет голову в другую сторону, я прыгнул с дерева и понесся к нему, занося для удара ко-

пье. Тур еще только оборачивался на звук моих шагов, когда брошенное с двух метров копье вонзилось ему под лопатку, уйдя в мощное тело больше чем до половины. Не задерживаясь рядом, я пробежал дальше и, воткнув второе копье в шею пьющего из озера молодого бычка, нырнул в воду. Проплыв метров тридцать, я вынырнул на поверхность и оглянулся. Молодой бычок, быстро теряя силы, бился на мелководье, а вокруг него расплывалось маслянистое алое пятно. Взрослый самец, прошитый дротиком, уже лежал, не подавая признаков жизни, а возле них волновалось стадо, оглашая окрестности паническим ревом. Бешено всхрапывая, торопились к месту происшествия остальные самцы, но я знал – в воду они не полезут. Дело сделано, остается дождаться момента, когда стадо уйдет, и забрать добычу. Пока стадо на месте, падальщики мою добычу не тронут, просто не рискнут приблизиться к тушам, а вот когда оно уйдет, могут и сожрать. Да обязательно сожрут! Надо поторапливаться. Повернувшись спиной к неистовствующим на берегу быкам, я спокойно поплыл на другую сторону озера. Предстояло решить проблему транспортировки мяса с того берега.

Побродив вдоль речки, я нашел несколько срезанных бобрами сухих стволов и перетаскил их к озеру. Потом развел костер, пережег бревна до требуемой длины, а затем связал их ивовыми ветвями. Получился плот. На словах выходит быстро, но я провозился допоздна. Вообще к этому моменту я начал замечать, что, пользуясь ночным зрением, подоб-

но хищникам, постепенно перехожу на ночной образ жизни. Ничего плохого я в этом не видел: в смысле охоты это плюс, но вот заниматься делами по хозяйству все же лучше при дневном свете, придется перестраиваться.

Достроив плотик, я, пользуясь топором как клином и ударяя по нему суком, расколол на три части подходящий кусок бревна. Взял центральную и выстругал себе грубое подобие весла. Теперь можно было отправляться за трофеями.

Туры уже ушли, но им на смену явились бизоны... или зубры, впрочем, разница невелика – это почти одно и то же. Значит, мясо пока в безопасности, однако в следующий раз, прежде чем убивать зверье направо и налево, желательно как следует раскинуть мозгами. Иначе можно остаться и без добычи.

У меня чесались руки завалить еще и парочку зубров, до этого я видел их только в питомниках и заповедниках и мог только исходить слюной, но делать глупостей я не стал. Еще неизвестно, кто кого завалит... Дротики остались в тушах туров, а другого подходящего оружия у меня не было. Не стоит думать, что мне просто хотелось потешить охотничьи инстинкты, хотя не без этого, но чтобы выжить, не меньше чем мясо, мне нужны были шкуры, сухожилия и внутренности животных. Без этого я был обречен если и не погибнуть, то влачить жалкое существование уж точно!

Глава 6

*Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил...*

А. С. Пушкин

В последующие дни дел у меня было по горло. Памятуя о прошлых ошибках, я насадил на древко наконечник рога-тины, временно закрепив его прокопченными кожаными ремешками, и с оружием теперь не расставался. Еще раз удачно сходяв на охоту, я убил оленя, а на обратном пути сцепился с редкостным представителем отряда кошачьих. Напоминающий сложением леопарда зверь был размером с хорошего тигра, имел красновато-бурый с размытыми черными пятнами окрас и отличался выдающимися клыками. Безусловно, моя тернистая тропа пересеклась с кем-то из представителей семейства саблезубых кошек. Пардус совершил последнюю в жизни ошибку, сиганув с дерева, когда я шел с добычей на плечах. Клыки и когти достались многострадальной оленьей туше, а меня швырнуло на землю.

Считается, что здоровый мужчина, имея, допустим, нож, способен справиться с животным своего веса (не без потерь, скорее всего). Тренированный боец может проделать это и

без оружия (с тем же, видимо, результатом). Что касается меня, долгое время зарабатывавшего себе на жизнь подобными вещами, – стыдно было бы оплошать. Хотя кто знает, как обернулось бы дело, не прими на себя первый удар лежащий у меня на плечах олень. Зверь оказался невероятно силен и быстр. Пока я пытался подняться, он снова прыгнул, не оставляя мне времени дотянуться до выпавшего из рук оружия. На лету перехватив хищника за передние лапы, я, воспользовавшись инерцией прыжка, скорректировал его полет в сторону ближайшего дерева, а сам, сбитый с ног, опять очутился на земле. Пока несколько оглушенный зверь приходил в себя, я успел подготовиться к следующей атаке. Не поднимаясь с земли, я остановил его следующий бросок, поймав за шею, под челюстью, и опрокинул на траву, разворачивая спиной к себе. И все же он успел зацепить когтями мое плечо и, ударив задними лапами, распороть бедро. Не давая саблезубу опомниться, я сцепил ноги у него под брюхом, а шею захватил руками в замок. Зверь хрипел и бил лапами в воздухе. Теперь он не мог ни сбросить меня, ни дотянуться когтями, ни достать клыками. Оставалось выяснить, что пересилит: его вздувшиеся на шее мышцы или мои сцепившиеся в мертвой хватке руки... Я оказался сильнее!

Отбросив в сторону задушенного махайрода, я занялся своими ранами на бедре и плече. Ничего особо опасного, но, несмотря на благоприобретенные регенеративные способности, я решил подстраховаться – вдруг заведется какая ис-

ключительно зловредная инфекция. Дойдя до ближайшего ручья, промыл раны, потом, залепив их разжеванной кашцей из тысячелистника, стянул края и щедро замазал еловой смолой. Вот и все лечение.

Перетащив к пещере оленя, а следом и саблезуба, я собрался ободрать их, добавив оленью шкуру к доходящим до кондиции шкурам туров и антилопы, а кошачью выделать – на случай холодов.

Освежевав оленя, я взялся за пардуса... И тут меня поджидал сюрприз – его шкуру лезвия не брали! Хорош бы я оказался, попытайся справиться с ним при помощи ножа или рогадины – видать, непростой был зверь. Вот палица, возможно, оказалась бы полезной, но умерла так умерла...

Путем титанических усилий, загубив чертову уйму каменных лезвий, мне таки удалось сделать разрез на брюхе животного, где шкура была мягче и тоньше. А после, с грехом пополам, распороть ее дальше – пошью себе бронежилет! И называться буду – витязь в тигриной шкуре!

Еще одним приятным событием стала находка соли. Соляной источник отыскался недалеко от озера – даже странно, что я не наткнулся на него раньше. Кроме того, что еда теперь стала просто вкуснее, появилось больше возможностей для заготовки провизии впрок. Я уже завялил порезанное на тонкие полоски мясо бычка, а теперь собирался засолить часть оленины, используя под тару сплетенные из ивовой лозы корзины.

Хозяйственные заботы отнимали уйму времени – быт затягивает. В результате я оказался завален делами, плавно вытекающими одно из другого. На очереди была посуда. Сложив из камней у ручья нечто, напоминающее печь, я поставил туда вылепленные из смешанной в разных пропорциях глины с песком горшки и приступил к обжигу. С первой попытки, естественно, ничего не вышло, но я не стал впадать в отчаяние, а слепил посуду по другой технологии, обмазав глиной изнутри сплетенные из ивовой лозы небольшие корзинки. Не знаю, что сыграло свою роль на этот раз – ивовый каркас или удачное сочетание компонентов в растворе, – но своего я добился! Целых три горшка и миска не развалились при обжиге, приобрели темно-бурый цвет и даже отзывались на удар по ним мелодичным звоном. Такая удача окрыляла.

Получив посуду, я наконец занялся тем, для чего все и затевалось, – приготовлением клея. Вообще-то лучшим клеем всегда считался рыбий, приготовленный из белужьего плавательного пузыря. Но, скажите на милость, где я тут найду белуг или осетров? С другой стороны, турецкие луки – кстати, одни из лучших – делали с помощью мездряного клея! Вот от этого и будем плясать.

Сложив в один из горшков мездру⁷ с оленьей шкуры, туры и оленьи копыта, я долил в него воду и, поставив на огонь... занялся другими делами. Больше от меня почти ничего не зависело, следовало только поддерживать несильное,

⁷ *Мездра* – нижний подкожный слой шкуры.

ровное пламя и вовремя подливать воды. Оставшееся до вечера время я убил на изготовление стрел. Для начала сделал из полой кости струг, а потом занялся непосредственно стрелами. Кусок сухого, срезанного бобрами березового ствола с помощью клиньев был расщеплен на части. После, расколов их на более мелкие заготовки, я остругивал будущие древка, вместо стального ножа вкладывая в прорези костяного струга обсидиановые осколки, а потом шлифовал стрелы шероховатым камнем, добиваясь идеальной прямизны и круглых сечений. Прямолинейность древка проверял, прикладывая его к натянутой нити.

Когда клей был готов, я размягчил в нем сухожилия и с их помощью закрепил каменные наконечники на уже готовых древках. Так же я поступил с топором и наконечником рогатины, а потом перешел к ножам. Вставляя в заблаговременно вырезанное в древке или рукоятке отверстие наконечник, я плотно приматывал его вымоченными в клею сухожилиями. Таким образом, я, наконец, стал счастливым обладателем мощной рогатины, каменного топора, четырех ножей и двух десятков стрел. На стрелы с другой стороны я наклеил костяные втулки с прорезью для тетивы, а потом приладил оперение из глухариных перьев, следя, чтобы на каждой стреле они были из одного крыла. Пять стрел я сделал с тупыми костяными наконечниками – на птицу. Пернатые чрезвычайно крепки на рану, и пробитая острой стрелой дичь может преспокойно улететь, а вот с переломанными костями

особо не полетаешь.

Что бы ни рассказывали об английских, индейских и прочих луках, лучшими во всех отношениях, бесспорно, являются сложные азиатские луки! За доказательствами далеко ходить не надо, приведу только один пример. Турецкий султан Селим в 1798 году выпустил стрелу на расстояние 766 метров, в то время как рекордный выстрел из современного блочного лука составляет 690 метров, а лучшие английские стрелки, по самым оптимистичным данным, вряд ли могли пустить стрелу на дистанцию, превышающую 300 метров! Правда, для стрельбы на дальность турки брали короткие, легкие стрелы, пользуясь специальной накладкой, но и с боевой стрелой результат был немногим хуже. К слову, средневековый арбалет со стальным луком бил всего лишь на 350–360 метров.

Естественно, лук у меня будет азиатский или русский, что в принципе практически одно и то же. В моих условиях добиться совершенства, точно следуя технологии, было нереально, и я решил компенсировать возможные недочеты мощностью конструкции.

Пробивная способность и дальность полета стрелы зависят от множества факторов. Среди них решающими являются сила лука и начальная скорость стрелы. И если со скоростью я ничего поделать не мог – что выйдет то и выйдет, – то мощность можно и увеличить. Тут все зависит от способностей стрелка – достанет ли силенок натянуть тетиву такого

лука.

Перво-наперво я обработал имеющийся в моем распоряжении кленовый ствол до получения идеально прямой плоской планки – это основа лука. Затем, распарив, придав ей необходимую конфигурацию, превратив практически в обруч, и с помощью кожаных ремешков закрепил на сделанном из сучковатого бревна шаблоне: пускай сохнет.

К сожалению, немотивированные приступы голода случались у меня до сих пор, конечно, с первым разом было не сравнить, но все равно приятного мало. Приходилось бросать зачастую недоделанную работу и срочно мчаться на поиски еды. И даже когда этого не происходило, потребляемое мной количество провизии зашкаливало за всякие рамки, я почти постоянно что-то жевал. Заготовленное впрок мясо исчезало просто с катастрофической быстротой. Раньше я никогда бы не поверил, что человек может столько есть, но факты – вещь упрямая! Короче, постоянный жор, переходящий в обжорство.

Вне всякого сомнения, мой организм претерпевал какие-то изменения, но, к счастью, в большинстве своем, если не касаться еды, они носили положительный характер. Меня постоянно переполняла энергия, а для полноценного сна стало хватать трех-четырех часов. Вкупе с ночным зрением это давало дополнительное время для занятия делами. Куда-то подевалось чувство усталости. Как-то раз я для эксперимента попробовал отжаться от земли, сколько смогу, – результат

обескураживал: после тысячи отжиманий я просто сбился со счета, задумавшись о чем-то другом, но чувствовал, что могу заниматься этим еще очень и очень долго! А мускулы в свою очередь сделались чуть ли не каменными. Я подозревал, что изменяется сама структура мышечного волокна, на что и уходит та прорва энергии, получаемая из пищи. Перед заброской, мне на всякий случай удалили зубные протезы, а теперь на их месте резались новые зубки. Нет, кариесом я не страдал и раньше, видимо, сказывались пробудившиеся кро-маньонские гены⁸, но пару зубов потерял в различных жизненных перипетиях – пришлось вставлять, а теперь, похоже, и эта проблема стала неактуальна.

Так что все свободное время я рыскал в поисках добычи, решив заодно разнообразить себе меню. Во-первых, бил острой рыбу, а во-вторых, уделил пристальное внимание растительной пище. До этого, не считая мяса, я довольствовался только тем, что прямо подворачивалось под руку, – шавелем, диким чесноком, черемшой и грибами, но теперь задумал ввести в рацион и еще кое-что.

К слову о грибах: считается, что белка в них как в мясе. Так-то оно так, но вот беда: этот белок совершенно не усваивается. К тому же грибы на 98 процентов состоят из воды – попробуй таким наестся! Нет, ощущение сытости на какое-то время получишь, но долго на такой диете не протянешь. Недаром северные народности в пищу грибы не упо-

⁸ Кроманьонцы не знали о кариесе.

требляют. Они подходят к пище не с точки зрения вкусовых качеств, а с позиции питательности. Зато такое жрут... Закачаешься! Одно только протухшее в мясных ямах квашеное мясо чего стоит!

Мне вспомнилась услышанная когда-то легенда одной из этих самых народностей. Суть в том, что мужское население племени погибло: то ли на войне, то ли еще от чего – не суть важно. Тогда оставшиеся женщины воззвали к богам, ну или шаман подсуелся – точно не помню. И в ответ на мольбу из земли выросли фаллосы! Женщины благополучно решили свои проблемы, ну а потом фаллосы завяли и... стали грибами! Особенно хороша была концовка легенды: «А русские их едят!»

Откровенно говоря, даже в северных лесах чертова уйма того, что при необходимости можно пустить в котел, и это не считая дичи, естественно. Но при таком наличии зверья, как здесь, опускаться до вовсе уж экзотических продуктов вроде исландского лишайника или древесной заболони я счел ниже своего достоинства. Это годится, если совсем уж загибаешься от голода. Я помирать решительно не собирался и поэтому ограничился лишь теми растениями, которые легко нашел на озере и от которых будет больше проку: рогозом, белой кувшинкой и стрелолистом. Корневища кувшинки и рогоза я измельчил, высушил и растер в муку. Правда, муку из кувшинки пришлось вымачивать и снова сушить, чтобы избавиться от горечи. Со стрелолистом и вовсе все просто,

как мычание: его сырые клубни по вкусу напоминают орех, вареные – горох, печеные вкуснее картофеля!

По ходу дела я наткнулся (и, естественно, разорил) на гнездо диких пчел, обзаведясь таким образом медом и, соответственно, в перспективе бражкой. Короче говоря, налаживая быт, я развернулся на всю катушку, и если бы не тяга к перемене мест и общению с себе подобными, мог бы обустроиться получше Робинзона и остаться в этой долине надолго, тем более что всегда испытывал тягу к такого рода жизни. Но подобные мысли посещали меня нечасто и не всерьез. Такая жизнь со всеми ее опасностями через некоторое время обязательно превратится в рутину, а у меня слишком деятельная натура, чтобы застрять где бы то ни было на одном месте на долгое время. Это не говоря уж о других побудительных факторах (например, явлении возмущенных зверским убийством родственников Валара), заставляющих поторапливаться со сборами.

На следующем этапе работы с уже подсохшей заготовкой для лука я с двух сторон обклеил ее частями выточенной из березового капа⁹ рукояти. А на внутреннюю сторону будущего лука (на живот) наклеил вырезанные из турьего рога пластины, предварительно выгнутые в горячей воде по форме плеч. Туго обмотав ремешками получившуюся конструкцию, я опять отложил ее для просушки.

В принципе больше всего напрягает в подобной работе то,

⁹ Кап – твердый древесный наплыв на дереве с красивой структурой.

что нельзя сделать ее сразу, от начала и до конца. И даже спланировать, сколько она займет времени, не получается. А сроки поджимают, я ковыряюсь в этих горах почти месяц, и конца-края этому не видно. Затянулись что-то мои сборы и акклиматизация! Исходя из этого, я забросил исследование долины, но по мере надобности отвлекаясь от совершенствования оружия главного калибра, все силы бросал на ускоренную доработку экипировки, вкалывая не покладая рук.

Сделал еще несколько сложных стрел. Для этого брусок квадратного сечения раскалывается на четыре части, а потом склеивается наружными сторонами внутрь. После чего получившаяся заготовка обрабатывается как и древко обычной стрелы. Такие стрелы не изгибаются и не коробятся.

Обработав оставшиеся шкуры, я сшил налучье, колчан, и ножны. Нарезав по спирали одну из получившихся кож, сделал аркан, метров двадцать длиной, в горах всяко не помещает. Турий желудок пустил на бурдюк – в горах-то вода не проблема, но мало ли где я окажусь потом.

Решив не пренебрегать никаким оружием, я употребил в дело и кабаньи клыки, приспособив их на наруч, – вышел неплохой боевой браслет. Подготовил кое-что еще, и так по мелочи. Например, прокалив известняк, получил известь. Потом выгнал деготь, пережигая в обмазанной глиной яме бересту, и приготовил водостойкий дегтярный лак, смешав горячий деготь с известью. В древности лучшим считался лак китайский (3 части бычьей крови, 4 гашеной извести,

квасцы), но, думаю, мой ему не уступал.

Наконец, из кусочка рога выточил кольцо лучника, на большой палец руки. Здесь стоит пояснить: в отличие от западного стиля, где применяют двух- или трехпальный хват, я привык стрелять в восточной манере, используя для натягивания тетивы кольцо на большом пальце, – если разобраться, это гораздо удобнее и результативнее: как будто спускаешь курок. С другой стороны, стрелу я накладываю слева от лука, а это европейская техника... Но все это чисто мои заморочки – мне так привычнее.

Отдельное внимание я уделил тетиве – она того стоит. Слишком многое зависит от этой веревочки. Обидно будет, а возможно и смертельно, если она подведет в самый неподходящий момент – порвется или, скажем, отсыреет. Я по случаю знал неплохой рецепт. Длительное время скручивая и растягивая почти на разрыв кожаные ремешки, одновременно шлифуя их и смазывая жиром, я добился необходимого качества. Получившиеся тетивы с успехом могли выдержать большую нагрузку и не боялись ни жары, ни мороза, ни влаги.

Дополнительно изготовил несколько свитых из сухожилий колец. В местах соприкосновения с концами лука тетива будет перетираться. А если нарастить ее сменными элементами, этой проблемы можно избежать.

Продолжая совершенствовать лук, я оклеил его расщепленными, вываренными в клею сухожилиями с наружной

стороны (по спинке). Сухожилия работают на растяжение, а рог, напротив, – на сжатие. Потом нарастил концы лука направленными вперед накладками с прорезью для тетивы. Кроме своей основной задачи (фиксация тетивы) эти накладки выполняют функцию, подобную той, для которой служат блоки (эксцентрики) у современного лука. И я не берусь судить, что на практике работает лучше. Благодаря накладкам во время выстрела тетива как бы наматывается на загнутые вперед концы лука, ее длина уменьшается, а скорость стрелы, соответственно, увеличивается.

На последнем этапе я отшлифовал лук и, наклеив на него предварительно вываренную бересту, покрыл лаком – это надежно защитит его от влаги, жары и холода.

Попутно с луком я доводил до ума охотничьи лыжи – широкие и короткие. Подклеил их камусом¹⁰ – лосиный мех не дает лыжам скользить назад. Потом приладил кожаные крепления и подогнал пьексы¹¹ – гениальное изобретение финнов. Благодаря им лыжи снимаются и одеваются в одно движение, без участия рук.

Терпеливо дождавшись, пока лук окончательно просохнет, я наконец-то взял его в руки и залюбовался совершенным оружием. Удобно лежа в руке, лук отливал черным лаком, просвечивая каповым узором на рукояти. В ненагляну-

¹⁰ *Камус* – полоски лосиной или оленьей шкуры, надеваемые или наклеиваемые на лыжи и препятствующие скольжению назад.

¹¹ *Пьексы* (фин.) – лыжная обувь с загнутыми носками.

том состоянии плечи лука выгибались в обратную сторону, практически смыкаясь в кольцо. Благодаря этому они накапливали больше энергии для выстрела, чем плечи простых луков. Кроме того, такая форма позволяет увеличить длину натяжения тетивы, не увеличивая общую длину оружия, что положительно сказывается на скорости стрелы. Этот лук я делал под себя, и натянутым он будет больше полутора метров в длину, в отличие от значительно более коротких турецких, татарских, монгольских и прочих азиатских луков. По уму готовый лук следует выдерживать еще чуть ли не год, но этого времени у меня как-то нет, но хочется надеяться, что его боевые характеристики от этого сильно не пострадают. Сейчас проверим!

Зацепив тетиву за нижний конец лука, я пропустил его под правой ногой и, налегая на него всем телом, потянул верхний рог на себя, подтаскивая к другому концу тетивы.

Ничего себе! Лук сопротивлялся как живой, потрескивая и норовя вывернуться из рук. Пришлось приложить немало усилий, пока тетива не заняла свое законное место. Осталось только испытать оружие. Выбрав одну из готовых стрел, я наложил ее на тетиву, выбрал приглянувшееся дерево метров в пятидесяти от меня и, растянув тетиву до уха, выпустил стрелу в цель. Сложно сказать с уверенностью, но мне показалось, что приложенное при этом усилие было эквивалентно чуть ли не сотне килограммам. Тетива звонко щелкнула по наручу, а оперенная смерть просто исчезла из виду...

чтобы через долю секунды, ударив в мишень, взорваться веером щепок.

– Мощь! – не удержался от комментария я и направился к дереву, чтобы тщательнее оценить последствия выстрела. Подойдя вплотную к стволу, я поковырял пальцем отверстие, оставленное стрелой, глубокомысленно изучая нанесенные дереву повреждения. Результат впечатлял! Наконечник стрелы засел где-то в глубине ствола, вероятно, превратившись в каменное крошево, а древко разнесло просто в мелкие дребезги. Щепки торчали из ствола и валялись повсюду вокруг. Можно заключить, что испытания прошли успешно, но в следующий раз стоит выбирать мишенью более подходящие объекты, чтобы не транжирить попусту сложные в производстве боеприпасы.

Повернувшись, я направился к пещере, обдумывая дальнейшие планы. Лук был последним в списке необходимых мне вещей, все остальное давно готово. Если бы не он, я мог бы уйти еще две недели назад, но сложная технология производства не оставляла выбора. А оказаться один на один с целым неисследованным миром, не имея надежного дальнего-бойного оружия, я, как человек, не совсем потерявший чувство самосохранения, совершенно не желал.

Теперь же в долине меня ничто не держит, можно собирать манатки и выдвигаться в дорогу.

– Ухожу завтра! – решил я.

Итак, почти через два месяца с момента появления на Си-

де я был наконец готов к отправлению в свободное плавание. Оружие, амуниция, экипировка – все собрано. Погода радовала: безоблачное голубое небо, яркое солнце, ни намек на сырость и ненастье, но вот в воздухе уже отчетливо пахло осенью – вовремя я. Не знаю, как здесь, но на Земле осень в горах – явление препаскудное, особенно если горы незнакомые. Собственно, я так торопился со сборами, потому что знал – выпадет, допустим, снег, завалит перевалы, и пиши пропало, куковать придется до весны. А я ведь даже отдаленно не представляю, как далеко простираются эти хребты и сколько времени потребует дорога. Но и отправляться в путь без подготовки было бы откровенной глупостью.

В ранних изданиях книги «Робинзон Крузо» список бахла, спасенного им с корабля, занимал несколько страниц – упоминался чуть ли не каждый гвоздь. Подобной дотошностью отличались и другие авторы приключенческих романов от Жюль Верна и Буссенара до Майн Рида, а уж дневники путешественников непременно содержали полный перечень прихваченного с собой имущества. Такой подход, не скрою, вызывал некоторую симпатию и у меня. Согласитесь, приятно было прочесть что-то типа: «...кроме этого у меня были: винтовка Маузера калибром 7,9 мм и 200 патронов к ней, охотничий нож „Боуи“ и полуметровое мачете, подобное тем, какими пользуются дикари...» Поэтому перечислю свое снаряжение и я, благо вещей набралось не так уж много.

На спину и в низ рюкзака я уложил одежду: запасные шта-

ны, безрукавку, куртку и накидку из шкуры леопарда – я бы взял и медвежью, но больно уж она тяжела и некомпактна. Потом три пары обуви: одну простую, другую с пьексами и третью, под альпинистские кошки из медвежьих когтей, – в ней я буду передвигаться по ледникам. Затем настала очередь запасного оружия и инструментов: три ножа – обсидиановый и два кремневых, наконечники для стрел, наконечник для рогатины и топор без топорща, острога, скребки, проколки и прочее... Туда же отправились тетивы, сухожилия и нитки из них, кожаные ремешки, несколько хороших кусков выделанной кожи и маленький горшочек с клеем – в общем, все то, что может потребоваться для ремонта в дороге. Из еды я взял соленое и вяленое мясо, пеммикан¹², топленый жир, сушеные ягоды и грибы, лепешки из рогоза и кувшинки, черемшу с чесноком, мешочек соли... небольшой горшочек, чтобы все это готовить, и пару глиняных мисок. Еще положил берестяной туесок с медом и листики малины, смородины и брусники – для чая. Конечно, при моих аппетитах это капля в море, но об охоте забывать тоже не следует. Остальное – это, скорее, приправы, или же аварийный запас. Поверх рюкзака я приторочил бурдюк с медовой бражкой, лыжи и аркан, а в специально нашитый сбоку карман вставил рогатину, укороченную и превращенную, по сути, в пальму¹³, –

¹² *Пеммикан* – порошок из высушенного мяса с жиром, ягодами и травами.

¹³ *Пальма* – короткое копьё с массивным наконечником, использующееся для нанесения как колющих, так и рубящих ударов.

пристроив так, чтобы было удобно выхватить правой рукой.

Одет я был в штаны из лосиной кожи и такую же безрукавку с грубыми швами, на ногах – нечто среднее между мокасинами и мягкими сапожками. Над последними я изрядно потрудился, но зато теперь был уверен, что они прослужат долго. Левую руку защищал оцетинившийся кабаньими клыками наруч. А правую я обмотал ремнем пращи – мелкую дичь из нее бить сподручнее, чем из лука. Такой монстр, как у меня, даже тупой стрелой прошьет птицу насквозь, стрела усвищет в неизвестном направлении, а их количество не бесконечно.

Топор я повесил в петлю на поясе, а на бедрах пристроил ножи в кожаных ножнах, прихваченных у колена ремешком, чтоб не болтались. Ножны полностью скрывали клинок, а рукоять на две трети – как у пуукко¹⁴. Лук в налучье, когда я надену рюкзак, разместится за спиной слева – так, чтобы не мешал, а колчан с полусотней смертей – за правым плечом.

До сих пор не приспособленные к делу микролиты¹⁵ я устроил в кармашке на поясе, намереваясь в случае чего использовать острые пластины на манер сюрикенов¹⁶. Собственно, почти все! Если месяц назад я по степени оснащения находился в верхнем палеолите, то сейчас выглядел кон-

¹⁴ *Пуукко* – финский нож.

¹⁵ *Микролит* – мелкий каменный инструмент.

¹⁶ *Сюрикен* (яп.) – лезвие, скрытое в руке. Переносное лезвие из подручных предметов.

довым охотником из неолита – прогресс, однако, эволюционируем помаленьку. Под конец я сунул в сапог любовно вырезанную из березы ложку-вилку – дань тому, что я еще не совсем порвал с цивилизацией.

– Все, вот теперь никого не боюсь!

Закинув на плечо мешок, я двинулся в путь.

Глава 7

*Это как же, вашу мать,
Извиняюсь, понимать?*

Л. Филатов

Для начала я решил подняться на плато, с которого все началось, — почему-то захотелось еще раз осмотреть место происшествия. Где-то подспудно таилось ощущение, что сделать это надо, а интуиции я привык доверять... Попутно гляну, как там контур поживает. Я специально выждал пару дней, протянув с выходом, чтобы оказаться рядом с точкой перехода в момент, когда контур мог сработать, — ровно через два лунных месяца. Надежды на это было мало, но кто знает...

Дойдя до места, откуда можно было начать подъем, я взглянул на скалу, примерился и, недолго думая, полез вверх. Я и раньше был неплохим скалолазом, но теперь восхождение практически не требовало усилий. Я будто и не полз по вертикальной стене, а спокойно шагал себе по ровной поверхности. Руки и ноги сами находили опору, а мышцы почти не испытывали напряжения. Казалось, это может продолжаться часами, а я так и не почувствую усталости. Просто чтоб проверить себя, я не стал обходить участок скалы с отрицательным уклоном, а полез прямо. В принципе

такие места непроходимы без специального снаряжения, но меня это не смутило. Где упираясь руками и ногами, где действуя в раскачку, а где просто подтягиваясь на одних пальцах, я преодолел и этот карниз.

Увлеченный новыми ощущениями, я и не заметил, как оказался наверху. Взгляду открылась знакомая с прошлого раза неровная поверхность плато. Постояв на месте, где я впервые появился в этом мире, и, естественно, ничего не дождавшись, я направился к виднеющимся невдалеке легко узнаваемым скалам-пальцам.

Пока я двигался к знаменательному месту, в голову сами собой полезли непрошеные мысли. Раньше, занятый насущными нуждами и лишенный возможности как-то повлиять на ситуацию, я гнал их прочь, но сейчас, видимо, настало время просчитать варианты.

Почему именно мной заинтересовался Валар, я решил не гадать – дело неблагодарное. То же и с изменениями в организме – отчего да как? Черт его знает! Поживем – увидим, во что это выльется. А пока новые способности мне не досаждают – скорее, наоборот, даже приступы голода почти сошли на нет. В общем, я безусловно помолодел, скинув лет двадцать, к тому же все возможности организма оказались доведены до оптимума и, как я чувствовал, обещали такими и оставаться даже без поддерживающих форму тренировок. А возможно, чуток силы и прибавилось? Непонятно... Переживать, разоряться и рефлексировать по этому поводу

не стоит – все равно ничего не изменишь, а нервная система пострадает. Вот с контуром стоило бы разобраться, но и тут всего два варианта: либо он есть, либо его нет. Доберемся до места, все станет ясно. Если есть... Ну, тогда и думать нечего – домой! А вот если его нет...

Получается, действительно важных вопросов вырисовывается всего два.

Первый: известно ли кому-нибудь, что я угробил Валара, и что мне за это будет?!

Второй: что делать, если контур накрылся совсем?!

По первому пункту. Здравое рассуждая: разумеется, известно... Или непременно выяснится, если я не успею вовремя улизнуть домой. С достаточной долей уверенности можно предположить, что в заинтересованных кругах реакция на это известие будет резко негативной. А вот какие последуют меры?.. Спрогнозировать невозможно. Остается держать ушки на макушке и быть готовым достойно ответить. Ну так я и не расслабляюсь!

По второму пункту. Если с контуром беда – надо выбираться к людям. Глубокомысленное решение, не правда ли? Пойдем по стопам Маугли? Что там меня ждет у людей, тоже неясно, но действовать надо осторожно – смотри пункт первый! Но все же, насколько мне известно, в этом мире действует магия, и уж если кто-то здесь смог соорудить контур (это если верить Валару), найдется и тот, кто сумеет это повторить. Другое дело, придется отыскать этого кого-то и по-

просить заняться моими проблемами. Ну а если не захочет? Тогда заставим! А если не умеет? Тогда научим... Так, что ли? Звучит, признаться, не очень, но других вариантов я пока не вижу.

В общем, ничего нового я так и не измыслил, а все мои умозаключения лежали на поверхности. Но что делать, если никакой значимой информацией о местных реалиях я не располагаю?! Подведем черту: «Делай, что хочешь, и пропади все пропадом»¹⁷.

Подобравшись наконец к намеченной цели, я выкинул из головы бесполезный мусор и сосредоточился на делах сиюминутных. С тех пор как я покинул это место, здесь ничего не изменилось. Каменная лапа, сжимающая воображаемую сферу. Тот же водопад, те же скалы, то же озерцо. Подойдя к воде, я неторопливо разделся, оставив на себе только пояс с ножами, и поплыл к уступу, на котором пару месяцев назад чуть не отдал богу душу. Возбравшись на него по мокрым камням, я внимательно осмотрел место трагедии. Так и есть: камень украшали отчетливые борозды – значит, и тогда мне не показалось. В это место умирающий Валар ударил когтями. Интересно, из чего же у него были коготки? Как же я уцелел, черт подери?!

Проведя кончиками пальцев по царапинам на камне, в конце одной из бороздок я нащупал небольшой выступ и, крепко ухватившись за него ногтями, потянул на себя. Под-

¹⁷ В оригинале: «Делай, что должен, и будь, что будет».

давшись неожиданно легко, искомый предмет вышел из камня и остался у меня в руке. Напряженными пальцами я держал перед собой выдранный с корнем коготь Валара – единственное вещественное свидетельство нашей встречи!

Я помнил: еще перед тем как тело Валара слизнул смерч, мне бросилась в глаза его рука с отсутствующим на пальце когтем. Теперь он находился у меня перед глазами – перламутрового цвета предмет из неизвестного мне материала: не кость, не металл, не пластик, не камень, с выдавленным на нем загадочным символом. Символ или иероглиф как будто плыл, ускользая от взгляда, и я чувствовал – попробуй его скопировать, и ничего не выйдет. Слабо изогнутый коготь с острым кончиком и внутренней гранью имел порядка трех сантиметров в длину и был почти треугольным в сечении. На пробу я чиркнул кончиком артефакта по скале, выбив снопы искр и оставив на ней глубокую борозду. М-да... Впечатляет. В случае чего можно использовать вместо огнива. Налюбовавшись на находку вдоволь, я сунул ее в кармашек на поясе и, поднявшись на ноги, отправился сквозь водопад в пещеру. Хотелось внимательно осмотреться и там.

Пройдя по коридору, я очутился в подземном зале, где в прошлый раз столкнулся с Валаром. Тщательно обшарив все закоулки пещеры и не найдя ничего достойного внимания, я уже было собрался возвращаться на поверхность, когда краем глаза ухватил намек на движение в одной из каменных ниш в стене пещеры. Развернувшись и перехватив половчее

пальму, я осторожно направился к месту, где заметил неясное копошение.

Не претерпи мое зрение модификаций, точно ничего бы не увидел, а так рассмотрел неясное дрожащее марево в глубине маленькой ниши. Подойдя вплотную, я присел на корточки и всмотрелся получше. Постепенно зрение сфокусировалось, и стали различимы некоторые детали. Передо мной на полу пещеры, свернувшись калачиком, притулилась полупрозрачная и какая-то нематериальная ящерка, сотканная как будто из дрожащего воздуха. Нет! Не ящерка – дракончик! Присмотревшись, я увидел крылышки на спине неведомой зверушки, да и остальной экстерьер однозначно свидетельствовал – именно дракончик! Я с интересом разглядывал животинку, и она в ответ уставилась зелеными бусинками глаз. Некоторое время мы изучали друг друга, а потом у меня в голове неожиданно раздался еле уловимый шепоток: «Покормишь?» Без сомнения, таким образом ко мне обращался сказочный дракончик – невероятно! Каким-то образом догадавшись, что от меня требуется, я достал нож, чиркнул им по коже и протянул руку с набухающей на пальце кровавой каплей к мордочке дракона. Мелькнул раздвоенный язычок, и капля с пальца исчезла, а на коже не осталось даже следа от пореза. С дракончиком тем временем произошли значительные метаморфозы: потеряв прозрачность и в значительной степени эфемерность, его тельце налилось чернотой, позволяя рассмотреть удивительное со-

здание в деталях. Оставаясь еще не до конца материальным, дракончик тем не менее уже не производил впечатления бесплотного духа, значительно больше напоминая полноценное существо, просто иной природы. По его черному, как будто отлитому из живого металла телу то и дело проскакивали зеленоватые разряды, а шепоток в моей голове сделался отчетливей:

– Спасибо!

– Всегда пожалуйста, – хмыкнул я. Вежливая, однако, зверушка.

– Ну и кто ты такой? – немного помолчав, продолжил я, впрочем, не сомневаясь в ответе.

– Дракон! – гордо заявило существо, не обманув моих ожиданий.

– Откуда же ты такой взялся... дракон?

– Родился.

– Что, прямо здесь? – удивился я.

– Да. Сначала я не хотел рождаться, но потом появилось много еды, и пришлось вылупиться, – серьезно поведал дракончик. – А потом еда пропала, – обиженно закончил он.

– И давно ли произошло столь знаменательное событие?

– Позавчера, – забавно повернув голову и ненадолго задумавшись, сообщил зверек.

И опять мне как-то сразу стало ясно, что его «позавчера» – это два месяца назад. Видимо, такие драконы воспринимают время по-другому. Позавчера, по его счету, мы с

Валаром как раз выясняли отношения. Совершив нехитрое умозаключение, я поинтересовался:

– Ты что же, собирался сожрать Валара?

– Я не ем мясо! – возмущенно отмел мои инсинуации дракончик. – Ну, пока не ем... Я еще маленький, мне нельзя, – подумав, уточнил он. – А вот вырасту большой-пребольшой, тогда... – мечтательно облизнувшись, протянул мелкий хищник.

– Чем же ты собирался поживиться? – перебил я его.

– Мы, драконы, питаемся Силой! – отчеканил ящер. – Ну, магией, – пояснил он для непонятливых. – А когда вырастает, то можем и мясом.

– Давай-ка отсюда поподробнее, – попросил я. – Чем вы там питаетесь?

– Мы убиваем плохих зверей.

Невербальный способ общения, используемый дракончиком, давал значительное преимущество перед обычной беседой. Я сразу же отчетливо понимал, о чем идет речь, даже если его объяснения звучали маловразумительно.

– Ты имеешь в виду, что вы охотитесь на существ, использующих магию? – уточнил я.

– Ну да.

– И магами, понятно, тоже не брезгуете?

– Ага! – подтвердил убийца чудовищ и облизнулся.

– То есть если сейчас подвернется подходящая добыча, ты ее тут же схарчишь? – задумчиво поинтересовался я, при-

кидывая, попадаю под категорию магического существа или нет. С одной стороны, однозначно нет, но с другой – учитывая мои новые способности...

– Нет, не съем, – горестно вздохнул ящер. – Меня родители должны кормить, пока я маленький.

– А моя кровь тебе чем приглянулась? Я же не маг.

– Так ты убил какого-то мага, сильного очень, у тебя много магии было – очень вкусной!

– Так ты что, сожрал мою магию?! – возмутился я.

– Не твою, у тебя своей нет – ты же не маг. Я остатки съел. Того, что от колдуна осталось, – рассудительно пояснил дракончик. – А кровь у тебя хорошая – полезная, – непонятно добавил он.

До меня стало доходить то, что пытался поведать мне дракончик.

– Подожди, ты хочешь сказать, что питаешься посмертной эманацией магических существ? – тщательно подбирая слова, спросил я, задумчиво изобразив пальцами в воздухе неопределенный жест.

– Да! – радостно согласился звереныш. – Ну и еще Силой чуть-чуть, мне много пока нельзя.

– Ясненько: сначала, выходит, молочко, потом детское питание и кашка, а затем и мясца кусочек, – пробормотал я.

Доверчивый взгляд ящера недвусмысленно подтверждал, что я все понимаю правильно.

– Кстати, а где твои папа с мамой? – вдруг обеспокоился

я, представив явление сердитых родителей, питающихся к тому же плохими зверями и магами.

– Не знаю, я в яйце был. Вылупился, а тут никого нет и есть нечего... Вот, сижу... – расстроено поведал свою историю дракончик.

– А что ты делал в яйце? – рассеянно спросил я, занятый своими мыслями.

Скорее всего, яйцо притащил сюда Валар для своих непонятных нужд, похитив или отобрав у драконов. Эта пещера мало напоминала драконье гнездо... Или, точнее, логово? Каким бы оно ни было на самом деле. Старшие драконы, как ни прискорбно... скорее всего, погибли, но случилось это не здесь, иначе я бы уже заметил останки. Однако делиться своими предположениями с дракончиком я не стал.

– Думал, – сообщил младенец.

– Что?.. А, думал, значит... А скажи-ка, мыслитель, мне кажется, или ты развит не по возрасту? Для младенца у тебя слишком обширные познания, да и словарный запас...

– А у меня память наследственная, – проинформировал вундеркинд.

Пережевывая его утверждение, я некоторое время помолчал, а затем поинтересовался:

– И каковы твои дальнейшие планы?

– Я думал, ты забереешь меня с собой, – безапелляционно заявило существо.

– То есть теперь... я буду должен... таскать тебя с собой

и периодически забивать по парочке чудовищ или на худой конец колдунов тебе на корм? – риторически осведомился я.

Дракончик преданно смотрел на меня, всем своим видом показывая, что, без сомнения, в дальнейшем стоит именно так и поступать.

Решение о дальнейшей участи змееныша я принял уже к середине беседы – негоже оставлять животину на произвол судьбы. Оставалось только воплотить задуманное в жизнь. Откровенно говоря, у меня имелись и шкурные интересы – чертовски надоело довольствоваться единственным, пускай и на редкость интересным, собеседником. Кроме того, я автоматически получал какой-никакой источник информации.

– Ладно, полезай, – я протянул к дракону руку, подразумевая, что тот взберется ко мне на плечо. Однако дальнейшие события поставили под сомнение целесообразность скоропалительно принятого решения.

Молниеносно вскарабкавшись по руке, дракончик обвился вокруг моей длани от локтя до плеча, его оформившиеся было очертания задрожали и расплылись, окутывая руку коконом светящегося черного марева. Успев только матерно удивиться, я замороженно наблюдал, как неизвестная субстанция стремительно впитывается в плоть, в то же время интуитивно чувствуя, что от дракончика особых пакостей ожидать не следует, и потому оставаясь относительно спокойным. Кожу ожгло болью, рука онемела, а через миг все закончилось. От ящера не осталось и следа... Зато на моем

левом плече теперь красовался татуированный черный дракон!

Пребывая в некотором ступоре, я рассматривал появившееся на плече украшение – на родине я не был поклонником подобных изысков: поначалу не предполагала специфика работы, а потом... Просто не хотелось расписывать тело в угоду шоу-бизнесу. Однако теперь некоторые свои взгляды, похоже, придется пересмотреть. Правда, что греха таить, наколка мне понравилась – смотрелось стильно. Вытянутое почти змеиное тело со сложенными крыльями обвивалось вокруг руки, а с плеча, высунув раздвоенный язык, нахально скалилась драконья морда. Я напряг мышцы, и рисунок под кожей заиграл как живой. Мать! Да он и есть живой! Страхнув с себя оцепенение и постепенно закипая, я грозно спросил распоясавшееся существо:

– Это что еще за фокусы?!

Мне ответило недоуменное молчание – поганец прикидывался, что не понял.

Я бушевал еще минут пять, щедро используя ненормативную лексику. Дракончик заинтересованно внимал. Наконец, немного остыв, я задумался, какие выводы об общении полов может сделать опирающийся на мои высказывания ребенок, тем более срисовывающий соответствующие сцены прямо у тебя в мозгу! К счастью, змееныш не принял все это на счет драконов и заявил:

– Какие сложные у вас – людей – взаимоотношения, – от-

четливо раздалось в голове.

– Не тебе судить, земноводный! – грубо буркнул я. – Ты мне, пожалуйста, подробно растолкуй, зачем это ты картинкой прикинулся?

– А чего тут такого? Как бы ты меня носил? А мне спать скоро надо! Драконы, кстати, детей всегда так носят! – авторитетно заявил звероящер. – И кормить удобнее. Ты кого-нибудь убьешь, сила к тебе перейдет, усвоится как следует – а я ее съем и эти... эманации. Вот!

– Стало быть, ты паразит?! – почувствовав себя кем-то вроде кенгуру, если не хуже, зловеще спросил я.

– Нет! – возмущенно откликнулся ящер. – Я симбионт!

– Понятненько... Кукушонок ты!

Стало окончательно ясно – ящер беззастенчиво пользуется не только моим телом, но и моим же лексиконом. Навряд ли такие слова подкидывает ему память, пусть даже и генетическая.

В процессе общения я наконец прочувствовал, что злость отпустила и можно попробовать мыслить логически. А что я хотел – дракон откровенно нематериальный (судя по его словам – пока)! Ему что, просто на плече сидеть, на ветру развеяться? Плохого он не замышлял! Так что все в норме... Пожалуй... Короче, заморачиваться не стоит. А мне так даже и удобнее – не надо переживать, что потеряю приемыша во время очередной эскапады. Да может, он и в правду симбионт? Допустим, магию враждебную вовремя учует

или, например, шандарахнет меня заклятием, а он его возьми и съешь... Польза, однако! Но это, наверно, потом, когда подрастет. В сознании сама собой возникла апокалипсическая картинка: я, попирающий трупы многочисленных предназначенных на прокорм ящеру чудовищ с изрядно подросшим полуматериальным, уже не помещающимся на плечах драконом, жадно пожирающим летящие со всех сторон фэйрболы. Жуть!

Мои самоуспокоительные и прочие измышления прервал восторженный визг усыновленного, считай, существа.

– Что там у тебя внизу?! – бесновался дракончик, от чего в голове шумело, а кожу на плече явственно покалывало.

– Где? – поморщившись, подозрительно спросил я.

– На поясе!

Недоуменно пожав плечами, я осмотрел кучу оружия, что болталось у меня на ремне, а потом, сообразив, что могло заинтересовать дракона, полез в кармашек на поясе.

– Ты это имел в виду? – осведомился я, выудив наружу Валаров коготь с непонятным символом.

– Да! Да! Повезло нам! Теперь живем! Царапай скорей ноготь! Когтем царапай! – не унимался дракон.

– Это еще зачем? – подозрительно спросил я.

– Как зачем? Магом станешь! – всполошился ящер. – Ну не совсем магом... Колдуном, наверное... Понимаешь, – принялся сбивчиво объяснять возбужденный дракончик, – у тебя своей силы нет... Ну магии то есть, а коготь как амулет

– он магию собирать будет! Правда, только огненную, на нем знак – руна огня. Мы, драконы, огню посвящены, ну и воздуху еще, поэтому могу тебя посвятить, раз у нас целая руна есть. Только надо руну принять. Зато потом ты сможешь очень много силы собрать и пользоваться ей – я тебя научу... Ну и мне запасец будет... – закончил он.

– Значит, коготь работает, как амулет, аккумулирующий магию, которую потом можно использовать. Ты знаешь, как с ним работать, но для этого я должен его активировать, а ты будешь ассистировать. Я правильно тебя понял? – я попытался разложить все по полочкам.

– Угу.

– Я так подозреваю, что набираться сил придется, убивая плохих зверей?

– Ну не только... – неуверенно протянул подстрекатель. – Можно у заклятий силу отбирать, у некоторых...

Терять мне было уже нечего. Да и чем этот коготок грозить может? Валар так мне теперь вообще... как братишка... кровный – к счастью, уже покойный! А польза налицо!

Ритуал принятия руны и посвящения огню оказался незамысловат. Видимо, основную, скрытую от глаз работу взял на себя дракон.

Тяжко вздохнув и покорно следуя указаниям симбионта, я провел артефактом по ногтю среднего пальца левой руки. Ускользающий от взгляда знак полыхнул зеленым светом, тело трянуло как от удара током, и... коготь пропал! Зато

причудливый символ появился у меня на ноге. Теперь он уже не выглядел настолько заковыристым, и при желании я мог бы попытаться его воспроизвести. Повинуясь внезапному импульсу, я взмахнул рукой и легко вычертил в воздухе замысловатый знак. Сложное сплетение пылающих линий продержалось пару секунд, потом ослепительно вспыхнуло и исчезло. Надо же, работает! Переведя взгляд на руку, я обнаружил интересную деталь: вместо ногтей на пальцах красовались длинные острые когти!..

– Ну и как это понимать?! – форменным образом зверея, зарычал я.

– Это из-за когтя, наверно... – проямлил чертов птеродактиль. – Руна с сущностью амулета срослась, так бывает...

– Я вот тебе сейчас покажу, как бывает!

Дракончик притих и затаился, давая мне выговориться. А потом, когда я несколько поостыл, решил разобраться с феноменом, раз уж так получилось.

В общем, у посвящения оказался любопытный побочный эффект: стоило мне колдануть, разозлиться или просто пожелать, как на руках мгновенно появлялись дюймовые когти. «Удар „тигриной лапой“ теперь выйдет на загляденье, от настоящего и не отличишь», – подумалось мне.

Мало того, во рту отрастали клыки, не то чтоб большие – смыкаться челюстям они не мешали, но и не маленькие, их я сейчас и демонстрировал. Откуда взялись клыки, не мог предположить и дракончик:

– Видать, накладочка вышла...

Хитрый зверь все больше усваивал мой лексикон, черпая соответствующие понятия и фразы прямо из моей головы.

Пожалуй, все эти трансформации были не так и плохи – мало ли что может пригодиться в жизни, но вот человеческий облик я, похоже, постепенно утрачиваю. Психика тоже изменялась: заводиться я стал с пол-оборота, а вот паники и переживаний по поводу того, что происходит с моим телом, не испытывал, хотя и понимал, что это не вполне нормально. Короче, гормональный баланс окончательно порушен!

Покончив с экспериментами, я выбрался из пещеры и, преодолев водные преграды, оказался наконец там, где оставил вещи. Все это время дракон помалкивал.

Не спеша одевшись, я собрался и двинулся к западному краю плато, продолжая общаться с попутчиком.

– Что делать будем? Куда путь держать?

– Не знаю, я нигде не был.

– Ладно, это мои проблемы. Скажи лучше, как тебя называть? Имя у тебя есть?

– Нет. Мне же никто не давал.

– Хорошо... – Я ненадолго задумался. Вспомнились записки Довлатова: «Подскажи, как назвать сына, чтобы коротко, звучно и хорошо запоминалось? – Назови его Рекс!»

– Значит, так! Наречем тебя – Мэд. Пойдет?

– А что это значит?

– Маленький Энергетический Дракончик!

– А нельзя как-то по-другому назвать?

Мне показалось, что ящер расстроился.

– Не переживай, – я решил утешить ребенка. – Твое имя можно и по-другому расшифровать: Молодой Энергичный Дракон, например; или даже – Могучий Экстраординарный Драконище. Мегадракон, короче! Звучит?

Дракончик зачарованно внимал, а его проекция у меня на плече вроде как увеличилась в размере. Похоже, он уже примерял на себя погоняло Мегадракона.

– У нас еще прозвища дают: Парящий Над Бездной или... – окончательно обнаглел звереныш.

– Ну, тогда ты будешь Сидящий На Плече!.. – перебил я. Такой вариант дракончика почему-то не устроил. Видимо, плохо сочетался с Мегадраконом, и я сжалился. – Добро, Давящий Советы тебе годится?

Ему годилось.

– А тебя как зовут? – поинтересовался именинник.

– Волх. Это значит Волк и еще много чего, – предвосхищая обязательные вопросы, пояснил я. – Еще можешь называть Командиром. Усек?

До края плато оставалось уже недалеко, но добраться туда я не успел.

Глава 8

*Он посыпал себе голову пеплом своих жертв.
С. Е. Лец*

Первым забеспокоился Мэд – даже кожу на плече засадило. Заразившись его беспокойством, я принялся внимательно сканировать горизонт. Предчувствие не обмануло! С запада, постепенно увеличиваясь в размерах, в небе появились пять темных точек. Похоже, по мою душу пожаловали долгожданные неприятности. Сорвавшись на бег, я кинулся к отдельно стоящей группе камней, сулящей хоть какую-то защиту. На то, что меня могут не заметить, я даже не рассчитывал, а, укрывшись в камнях, продолжал наблюдать за приближающейся напастью. Когда стало возможно различить детали, я рассмотрел всадников, сидящих на странных существах. Издалека наездники ничем не отличались от людей, а вот животные под ними выглядели действительно необычно. Если в двух словах, это были крылатые змеи!

– Зиланты! Отродья Змиулана! – прошипел Мэд. Кажется, у драконов с этим племенем свои счеты.

– А говорят, рожденный ползать... – пробормотал я.

Решив не начинать боевые действия первым, я скинул рюкзак, расчехлил лук и стал терпеливо дожидаться развития событий. Сверху и сзади меня прикрывал огромный на-

клонный валун, а с боков и спереди какую-то защиту обеспечивали беспорядочно разбросанные крупные обломки скал. Заложив вираж, подозрительная группа развернулась, описав петлю вокруг моего укрытия. Затем всадник на переднем змее сделал какое-то движение руками, и от него в мою сторону ударила зеленая молния. Спасли меня интуиция и то, что за мгновение до удара, ощутив, как вспыхнула болью оставленная Валаром отметина на лице, я успел рухнуть за камень. Громыкнуло, на спину посыпались осколки камня.

Нехило! Впредь, на будущее, стоит сделать в памяти зарубку – грамотно реагировать на всякое подозрительное шевеление руками.

В чем, на мой взгляд, самый большой недостаток лука, так это в том, что из него нельзя выстрелить лежа. Отдыхая за камнем, я наложил на тетиву стрелу, а затем, резко вскочив, навскидку отправил ее в колдуна. В ответ по мне ударили с трех сторон. Маг отправил в меня шаровую молнию – я бы назвал ее фэйрболом, если бы не радикально зеленый цвет. Еще двое всадников атаковали стрелами. Нырять обратно за камень, я успел заметить, что вреда колдуну стрела не причинила, а просто отскочила в сторону. Повторялась история с Валаром – того, помнится, тоже не взял брошенный нож. Магия, мать ее ети!

За те мгновения, что потребовались для выстрела, я рассмотрел, как оставшиеся два змея с наездниками пошли на посадку. Тактика нападающих как будто стала вырисовы-

ваться: с земли атакуют два штурмовика, с воздуха их прикрывают стрелки и маг в качестве тяжелой артиллерии. Ну и летучие анаконды в довесок в качестве не знаю уж кого...

– Эх, колдуна бы угробить, а с остальными я бы уж как-нибудь да разобрался! – посетовал я.

– Зиланта бей, – раздался в голове голос дракончика, – его магия не защищает!

Послушавшись Мэда, я выскочил из-за укрытия и рванул по непредсказуемой траектории между камней, сбивая противнику прицел и посылая стрелу за стелой в аспида под чародеем. Качание маятника не предполагает точную стрельбу из лука, но я постарался компенсировать качество количеством, высадив в бешеном темпе целых пять стрел. За это время колдун успел выпустить по мне еще два заклинания, не причинивших, правда, вреда. Разве что осколки разлетевшихся под ударами магии камней слегка посекли кожу. Лучники тоже стреляли, но мне не составило труда уклоняться.

В свою очередь три из пяти моих стрел нашли цель! Я стремился поразить шею и голову чудовища и не оплошал. Одна из вонзившихся в шею стрел, видимо, повредила позвоночник змея, и тот, забившись в воздухе, начал стремительно терять высоту. А вскоре полет и вовсе превратился в беспорядочное падение.

Мага, конечно, стоило немедленно добить, но я оказался лишен такой возможности. Рухнувших на землю зиланта и его седока скрыла россыпь камней, и мне пришлось пере-

нести огонь на остававшихся в воздухе лучников. Надо сказать, я находился в более выгодном по отношению к стрелкам положении. Мои рваные, непредсказуемые перемещения не позволяли им прицелиться, в то время как неспособность змеев резко поменять направление давала такую возможность мне. К тому же мой лук оказался намного мощнее, бил дальше, чем их оружие, а стрел в полете почти не было видно. Через несколько секунд один из врагов ссыпался на землю, следом последовал и его наспигованный стрелами змей. Я уже собирался покончить с последним стрелком, как вдруг почувствовал за спиной движение.

– Берегись! – полоснул сознание вопль Мэда.

О двух спешившихся врагах я не забывал, но, по моим расчетам, они еще просто не могли достигнуть убежища – времени с начала схватки прошло совсем мало. Однако я совершенно упустил из виду зилантов. Те, как выяснилось, и по земле могли перемещаться гораздо быстрее людей. Отбросив лук, я скакнул в сторону, разворачиваясь и выхватывая из петли на поясе топор. Очень вовремя! В камень, у которого я только что стоял, с маху впечаталась тупорылая змеиная морда. Ошеломленный ударом аспид на мгновение застыл, чем я тут же воспользовался. Взмахнув топором, я обрушил его на голову змея. Сила удара была такова, что, пробив череп, каменный топор по топорище погрузился в мозг чудовища и намертво застрял там! Выдирать его обратно уже не было времени: в нескольких метрах от меня между

камней скользнуло тело второго гада. Выпустив из рук топориче, я рванул в сторону сброшенных вещей, где из чехла на рюкзаке соблазнительно выглядывало древко рогатины. Левая нога неожиданно подломилась, и я рухнул на землю в двух шагах от цели. Последний стрелок, подловив-таки момент, когда я отвлекся, всадил стрелу мне в бедро.

Сзади настигал зилант, время пошло на секунды! Оттолкнувшись от пола, я запредельным усилием бросил тело вперед и, схватившись за рукоять пальмы, вырвал ее из ножен... Тут меня и настигла вторая стрела, ударив в спину чуть выше левой лопатки и выйдя спереди под ключицей. Рана неприятная, но не смертельная. Пока меня спасала только неспособность зилантов неподвижно висеть в воздухе, и змей кружил над моим убежищем, вынуждая седока выгадывать подходящий момент для выстрела. Будь по-другому, я был бы уже мертв!

Не обращая внимания на боль, я, ломая черенки впившихся в тело стрел, перекатился в сторону, под защиту камня, и выставил перед собой рогатину.

Уже готовый к решающему броску зилант притормозил. Такое поведение твари однозначно свидетельствовало о наличии некоторого интеллекта и нежелании переть на рожон. Изогнувшись, змей приподнял верхнюю часть туловища и зашипел. В пасти мелькнул раздвоенный язык. Соображай змей лучше, он бы дождался подмоги, но, видимо, решив, что управится сам, зилант ринулся в битву, ударив головой.

Я подставил копые, и змей отпрянул, заработав царапину на морде.

Вообще такая манера нападения характерна для неядовитых змей – сначала оглушить, сбить с ног, а затем давить, обвив кольцами. Решив уточнить этот вопрос у дракона, я спросил:

– Мэд, они ядовиты?

– Еще как! – скупое поведал дракончик. Это сулило дополнительные опасности.

Дождаться следующего удара я не стал и атаковал сам, метнув пальму в шею чудовища. Ударивший из его горла фонтан крови засвидетельствовал, что попал я удачно! Не задерживаясь, проскочил мимо занятого теперь собственными проблемами змея, стараясь не подставиться под выстрел парящего над головой лучника. Змей с проломленным черепом уже издох, и лишь его хвост продолжал конвульсивно подергиваться. Зато раненный копьем зилант беспорядочно бился на земле, ударами тела кроша камни. Увернувшись от очередного удара, грозившего размазать меня по скале, я побежал в сторону, откуда должны были появиться оставшиеся враги.

Столкнувшись с нападавшими лицом к лицу, я наконец рассмотрел их детально. Думаю, не ошибусь, если предположу, что судьба свела меня с эльфами. Лица по-своему красивые; большие раскосые глаза; длинные светлые волосы; вытянутые острые уши; бледная, аж с прозеленью кожа; бы-

ли еще некоторые моменты, как, например, скошенные лбы, но главное – это выражение лиц: не людское, совершенно безэмоциональное, остро напомнившее мне Валара. Еще одна странность: было совершенно непонятно, куда направлен их взгляд, повальное косоглазие, что ли? Несомненно, они приходились валарам родичами, только глаза относительно нормальные – со зрачком, и нет когтей на руках. Высокие, гибкие. Их выверенные, стремительные движения выдавали опытных бойцов, но без своих зверюшек они мне не соперники. Повезло, что змеи могли приземляться только на ровную, без камней, поверхность, так что, сев достаточно далеко, зиланты и седоки добрались до меня по отдельности.

Собираясь напасть с двух сторон, эльфы разделились. Один остался на месте, отвлекая мое внимание, а второй двинулся по кругу, пытаясь зайти за спину. Наблюдая за противниками, я злорадно ухмыльнулся. У них не было шансов: несмотря на раны, я двигался намного быстрее. Уделать их можно было, просто метнув ножи или микролиты-сюрикены, но хотелось крови! Обычно я не страдаю излишней мстительностью, но сейчас накатило. Они ведь оказались здесь не просто так, это как-то связано с Валаром – к гадалке не ходи. А любое воспоминание о нем приводило меня в ярость, да и раны болели немилосердно. Хотя дело не только в этом, еще мне хотелось проверить, насколько хороши ушастые в рукопашной. Когда-нибудь такое знание может пригодиться.

Один из эльфов держал в руках короткое копье, или, ско-

рее, глевию¹⁸, а другой был вооружен мечом, похоже, костяным. Интересно... Действовать вороги начали одновременно, синхронно нанеся удары с разных сторон. Уходя от рубящего удара, я с удивлением заметил, как костяной клинок прочертил борозду на камне. Колдовство, не иначе. Уклоняться от выпада копьем я не стал, а перехватил древко и, отводя наконечник в сторону, дернул на себя. Эльф, почувствовав, что оружие вот-вот вырвется из рук, рефлекторно вцепился в рукоятку, рванув ее в свою сторону. Ожидая этого, я немного ему помог, резко надавив на ратовище, посылая копье обратно. Вток¹⁹ копья вонзился эльфу в рот, выбив зубы, и, пройдя голову насквозь, вышел в основании черепа. Все, этот не жилец! Резко сместившись в сторону, я развернул насаженного на копье эльфа, поместив его между собой и оставшимся противником, мешая тому рубануть мечом. А затем толчком послал оседающее тело под ноги мечнику и, выхватывая из ножен на бедре клинок, прыгнул вслед сам. Замешкавшийся эльф только заносил меч, но фехтовать с ним я не собирался, да и обсидиановый нож совсем не годился для парирования ударов. Пнув врага ногой в колено, я перехватил руку с оружием и полоснул эльфа ножом по животу. Выронив меч и зажимая руками распоротое брюхо, он плюхнулся на колени. Не задерживаясь рядом, я юрк-

¹⁸ *Глевия* – род копья с ножеподобным наконечником односторонней заточки.

¹⁹ *Вток* – металлический конус с обратной стороны древка копья для упора в землю.

нул за ближайший камень и осторожно осмотрелся. Помня об оставшемся стрелке, я старался постоянно находиться в движении или оставлять между нами какую-либо преграду. Опасался я зря. Оценив результат побоища, последний супостат разворачивал змея, собираясь смыться с поля битвы. Допустить этого было нельзя! Одно дело, если посланная на разведку группа просто пропала – мало ли что... Совсем другое, если станет известно, почему так получилось. Перспектива заполучить на свою голову еще пару-тройку таких отрядов меня совсем не радовала. Откровенно говоря, хватит и одного, конечно, если действовать он будет грамотно.

Лук остался где-то позади, около истребленных змиев. Пока я буду бегать туда-обратно, эльф, несомненно, уйдет. Да и удастся ли выстрелить? Очень уж досаждают рана на плече. Остается разменять последний козырь.

Подхватив с земли обломок скалы, я бросился вслед за врагом, на ходу срывая с предплечья ремень пращи. Змей еще не успел набрать скорость, оставаясь в пределах досягаемости хорошего броска. Раскрутив пращу, я послал камень в спину седоку. Попал! Насколько мне было видно, снаряд угодил эльфу куда-то в район поясницы. Он сполз вбок, а затем, вывалившись из седла, рухнул на землю. Не знаю, как была устроена упряжь зиланта, не успел рассмотреть, но она явно не предусматривала фиксации всадника какими-либо страховочными ремнями. Ну и славно!

Нет! Черт возьми! Не славно!

Ситуация неожиданно сложилась не лучшим для меня образом – змей, осознав потерю груза, передумал улетать. Напротив, заложив разворот, он вошел в пики и атаковал. А вот подходящего оружия, дабы достойно встретить противника, у меня и не осталось! Распластавшись на земле, я пропустил его над собой, испытал ощущения, как от обкатки танком. А затем, пользуясь неповоротливостью зиланта, с низкого старта рванул к служившим мне укрытием камням. Благополучно достигнув цели, я схватил валяющийся около мертвого зиланта лук и почувствовал себя гораздо увереннее. Обстановка опять кардинально переменилась. Ударная порция адреналина, выплеснувшаяся в кровь, заглушала боль в плече. Благодаря этому я смог справиться с тетивой. А спустя несколько секунд с последним врагом было покончено! Выронив лук, я опустошенно опустился на землю.

Вся схватка заняла буквально несколько минут, но протекала в бешеном темпе, так что вымотался я изрядно – должно быть, сказалась большая потеря крови. В пылу сражения, подхлестнутый выбросом гормонов, я этого не замечал, но вот сейчас несколько сдал. Вообще-то странно: я полагал, что мой мутировавший организм справится с повреждениями и слабостью несколько легче.

Немного отдышавшись, я занялся ранами. Первым делом отломил торчащий под ключицей наконечник стрелы, а потом, заведя руку за спину, выдернул остатки черенка. Одна есть! Продолжая лечение, залепил входное и выходное

отверстия раны жеваным тысячелистником – он оказывает обеззараживающее воздействие и улучшает сворачиваемость крови. Потом с грехом пополам перевязался, наложив на раны высушенный сфагнум²⁰ и прихватив все это дело кожаной полоской. Не бог весть что, но пока сойдет. В большей степени я полагался на свои возросшие регенеративные способности.

Вот со второй стрелой придется повозиться: костяной наконечник застрял в бедре, паскудно царапая кость при каждом движении. Судя по первой стреле, форма наконечника не позволит вытащить его из раны, скорее он соскочит с черенка. Но этим придется заняться позже. У меня еще остались незаконченные дела, а операция предстоит не быстрая и неприятная. Собравшись с силами, я поднялся с земли и, прихрамывая, двинулся осматривать тела врагов.

Выпотрошенный эльф был еще жив, но для беседы уже не годился. Свернутая шея прекратила его мучения. А вот насаженный на копье правки не требовал, и я направился дальше.

Обратив внимание на то, что давно не было слышно дракона, спросил:

– Чего притих-то?

– Кушаю, – степенно отвечивал Мэд.

²⁰ *Сфагнум* – болотный мох. В сухом состоянии способен поглотить жидкости в двадцать раз больше собственной массы. Обладает хорошими антисептическими свойствами.

Выяснилось, что пока я крошил врагов, ящер вдумчиво питался. А как же, зиланты и есть те самые «плохие звери». То есть подходящая растущему организму пища. Поэтому, покуда я воевал, дракончик жадно впитывал выпускаемые подышающими змеями флюиды.

– Ну-ну, вкушай, дело хорошее.

Переходя от одного к другому, я проверил стрелков. Первый был надежно и бесповоротно мертв, а тот, которого я ссадил из пращи, напротив – пока жив и, похоже, протянет еще какое-то время. Удачно! Мне хотелось прояснить несколько вопросов. Перевернув находящегося в беспамятстве эльфа на живот, я подобрал валяющийся рядом эльфийский лук, срезал тетиву и стянул за спиной руки пленника. Таким образом обезопасил себя от неожиданностей и нацелился на последнего из пятерки – колдуна. Тот вместе с зилантом находился шагах в тридцати, скрытый от меня грудой камней.

Наверное, я непростительно расслабился. Некоторым оправданием может служить то, что до этого дня с колдунами мои дороги не пересекались, если не брать в расчет Валара. Да, сложно было предположить, что, грохнувшись с без малого двадцати метров, живое существо может уцелеть. А ведь случаи бывали... Мне ли не знать! Ну чего стоило хотя бы запульнуть в чародея сюрикеном? Контроль – он и в Африке контроль!

Позже Мэд утешил:

– Он глаза отводил, себя-то спрятать уже не мог – ты о нем знал, но вот чары незначительности навести сумел.

Короче, я нарвался! Сам виноват!

Когда до колдуна оставалось не больше пяти шагов, тот, с виду выглядевший изломанным трупом, выпростал руку, с которой мне в лицо сорвался смертоносный зеленый разряд! Я и так никогда не жаловался на реакцию, а последние метаморфозы в организме и вовсе вывели мои способности на другой уровень. Потому, наверное, и успел заслонить голову рукой. Энергетический импульс ударил в раскрытую ладонь. По нервам полоснуло болью, отсушив руку до плеча. Вокруг кисти начал разрастаться пронизанный разрядами кокон зеленого света. Дальше я действовал инстинктивно, ударив ладонью по стоявшему рядом камню. Светящийся кокон стек на него и впитался внутрь. Через мгновение камень с треском рассыпался. Успел! Промешкай я секунду, нечто похожее могло случиться с рукой.

Больше не медля, я метнулся к колдуну. Залитый кровью, он лежал, полупридавленный тушей зиланта. Выдернув колдуна из-под змея, я безжалостно переломал ему руки. Его ненавидящий взгляд, скользя по моему лицу, остановился на оставленном Валаром тройном рубце.

– На тебе знак, ты должен умереть! – прохрипел окровавленным ртом умирающий.

Я только глумливо ухмыльнулся.

– Ты уже мертв! – прошипел колдун, а затем с его губ нача-

ли срываться непонятные рокошующие звуки нечеловеческого языка.

– Убей его! – панически заверещал Мэд. – Это проклятье!

Вспышка ярости накрыла внезапно. Схватив колдуна за волосы, я, как будто всю жизнь только этим и занимался, одним движением мгновенно отросших клыков разорвал ему горло, щедро отхлебнув крови, смывая соленой, терпкой жидкостью затопившее сознание бешенство. В голове сразу прояснилось, я почувствовал, как тело наливается силой, уходит усталость, отступает боль от ран! Через несколько секунд, немного придя в себя, я отшвырнул уже мертвое тело и оторопело пробормотал:

– Поганая привычка, надо отвыкать!

Все еще пребывая в глубокой задумчивости по поводу своих вновь обретенных вкусов, я медленно поднялся с земли, утер рукой испачканный рот и мысленно обратился к сыто похрюкивающему дракончику:

– Ну что, брат, схарчил душу-то?

– Не, я души не ем, – лениво отозвался обожравшийся ящер. – Ты же сам ее выпил.

– Ну ни хрена себе!

Поначалу небрежное замечание дракона повергло меня в шок. Но немного подумав, я пришел к выводу, что, возможно, все не так уж и плохо. В любом случае поделаться с этим уже ничего нельзя. Предаваться раздумьям будем потом. Есть дела поважнее.

Конечно, очень хотелось поговорить с колдуном, но в связи с приключившимися накладками придется довольствоваться уцелевшим стрелком. Надеюсь, он еще жив.

Направляясь к последнему «языку», я задал дракону глупо-интересовавший меня вопрос:

– Мэд, скажи, почему меня заклинанием не угробило?

– Руна помешала: часть энергии в нее впиталась, что-то я съесть успел, а остатки заклятья сразу сработать не смогли – у тебя кровь сильная, – не очень понятно пояснил ящер. – Я думаю, будь расстояние побольше, оно бы вообще от тебя отскочило.

– Значит, магия мне теперь не страшна?

– Я бы не сказал... Сама магия, может, и не очень, а вот ее последствия...

– Это какие, например?

– Да любые! Дерево на тебя свалят или камнем запустят – и привет!

– А чего ты проклятья испугался? Это же, как я понимаю, как раз только магия.

– В каком-то смысле да. Только магия не совсем обычная. Она вокруг тебя висеть будет и неприятности притягивать.

– Понятно, закон Мёрфи²¹ в действии.

За беседой мы подошли к эльфу. Тот был еще жив, более того – уже пришел в себя, хотя выглядел паршиво. На губах

²¹ *Закон Мэрфи*: если какая-нибудь неприятность может произойти, она обязательно случится.

эльфа пузырилась кровь – похоже, обломки ребер проткнули легкие. Да и позвоночник, видимо, сломан. Надо торопиться!

– Поговорим? – обратился я к нему, присаживаясь рядом и доставая нож. Эльф молчал. Вздохнув, я для начала откромсал эльфу ухо и повторил вопрос. Это подействовало.

– Что тебе надо, убийца?! Я не понимаю тебя! – заорал эльф.

Приступая к допросу, я как-то упустил из виду один момент: я-то, спасибо Валару, понимал эльфа, хоть и с пятого на десятое, видимо, мозги у нас были устроены по-разному, но все же терпимо, а вот донести до него свои мысли абсолютно не мог! Ну да ничего, пусть сначала просто поболтает, глядишь, чего интересное и узнаю, а потом, поднакопив словарный запас, я задам свои вопросы. Надо лишь прости-мулировать разговорчивость пленника.

Я не склонен к мучительству и не считаю себя жестоким человеком. Однако добывать нужные сведения умею. Методу экспресс-допроса освоил еще на службе, да и применять свои знания случалось и тогда, и позже... Иногда без этого не обойтись. Быстро настрогав несколько колышков из валяющегося вокруг мусора, я приступил к допросу. Загнав первый из колов эльфу в локтевой сустав, а второй в нужную точку на шее, остальные я... в общем, не вдаваясь в ненужные подробности, применил с не меньшей эффективностью. Кроме этого, я использовал нож, а иногда, стимулируя сло-

воохотливость, обходился руками, нанося короткие, резкие удары по болевым точкам.

Через несколько минут обработки эльф, захлебываясь словами, говорил не переставая. Неудивительно – лучше быстро умереть, чем так жить! Сначала я просто слушал, запоминая слова, а потом начал подавать реплики, направляя рассказ в нужное русло. К сожалению, знал эльф не так много, как бы мне хотелось, да и умер быстро. Видать, внутренние повреждения оказались нешуточными, и тут поделаться ничем не мог. Вот если бы удалось пообщаться с колдуном... но не судьба!

Как я и предполагал, пятерка эльфов была послана разузнать о судьбе Валара. Пропавший бог должен был объявиться еще месяц назад строго в соответствии с возможностями портала. Наверху задержку списали на форс-мажор, но все же обеспокоились. Отдавали распоряжение племенные жрецы, в свою очередь получив указания от валаров, которым поклонялись все эльфийские племена, почитая тех высшими существами.

Как мне удалось выяснить, могущество эльфийских богов напрямую зависело от количества приверженцев. Поэтому валары настойчиво стремились расширить границы своего влияния, борясь за умы и души верующих, и, по словам эльфа, небезуспешно. Про дальнейшие планы правящей верхушки эльф не знал ничего.

Себя эльфы считали избранным народом, выводя родо-

словную от тех же валаров. Соответственно, все остальные расы эльфы и в грош не ставили, независимо от того, признавали те валаров богами или нет.

Структура эльфийского государства осталась мне не ясна. За исключением того, что оно состоит из различных племен, которые делятся на кланы. И воюет со всеми, кто эльфами не является. Мне показалось, что исключительная особенность зеленокожих – их неспособность идти на компромисс! Отсюда и все проблемы. Не будь у них власти над лесами и поддержки валаров, их бы уже давно стерли с лица земли и благополучно забыли.

Магия эльфов – магия самой жизни! Пленник, не будучи магом, не мог ответить на мои вопросы. Знал только, что силу шаманы берут от живой природы и ее же могут заставить повиноваться собственной воле.

В географии эльф тоже оказался не силен, являясь, с моей точки зрения, на редкость приземленным и ограниченным существом. Хотя чего удивляться – его скошенный череп, на мой взгляд, не мог вмещать большого количества мозгов. Я еще раньше отметил эту особенность строения эльфячьих черепов, рассматривая сплюснутые с боков головы убитых. И так-то небольшая черепушка выродка была напрочь замусорена религиозной шелухой и подробностями эльфийского быта. Будь у меня больше времени, и из этого можно было извлечь что-то полезное, но эльф слабел на глазах.

Эльфийская ойкумена²² охватывала только непосредственно примыкающие к месту обитания длинноухих страны. Горная система, где мы находились (эльфийское название я не запомнил), простираясь с юга на север, ограничивала эльфийские леса с востока и считалась непроходимой – из-за горных троллей.

По словам пленника, отсюда до эльфийских территорий день полета на зиланте, строго на запад. Если принять скорость змея за 30 км/ч, получалось около трехсот километров.

С юга и юго-востока у эльфов были море и обитающие в горах и на побережье орки. С севера – жившие в предгорьях гномы.

На юго-западе простиралась степь, населенная многочисленными, по большей части людскими, кочевыми племенами. Там же, кстати, водились и зиланты.

А вот на западе и северо-западе эльфийская страна граничила с Гипербореями царством – конгломератом из нескольких небольших государств, главным из которых было Великое княжество Русь. С населявшим его народом русов эльфы находились в состоянии непримиримой вражды. Крайне заинтересовавшись, я допытывал эльфа детально, но ничего полезного выдать так и не смог. Для него все народы делились на эльфов и остальных. Особняком стояли только валары, но это вроде как и божки. Подробности же устраиваемой эльфами в набегах резни меня не интересовали.

²² Ойкумена – освоенная часть мира.

Еще эльф упоминал земли Ордена – там валаров почитали Архангелами Господа, но где этот Орден находится и что собой представляет, он не знал.

К концу допроса я считал эльфов ничем не лучше насекомых. Ничего личного. Просто поганый народец. Если не оставят меня в покое, в чем я глубоко сомневаюсь, придется изобретать убойные инсектициды. Переиначу поговорку: «Я не люблю две вещи: расизм и эльфов». Хотя какой к черту расизм! Если верны мои подозрения, эльфов едва ли можно отнести к виду хомо сапиенс. Так что бери выше – тут ксенофобией пахнет! Но это пусть правозащитники разбираются. А я в случае нужды геноцидом не побрезгую, а также ксеноцидом... с биоцидом и экоцидом в придачу!

Вот вкратце почти и все, что мне удалось выбить из эльфа, – потом он издох. К слову говоря, в плане выдержки представитель «избранного народа» оказался поуже среднестатистического человека. Для религиозного фанатика даже странно. Возможно, у эльфов низкий болевой порог? Им же хуже!

Собрав с трупов трофеи, я отнес их к своим вещам и вплотную занялся раненой ногой. Все оказалось несколько лучше, чем я думал. Наконечник, вонзившись в бедро, не уперся в кость, как мне казалось раньше, а прошел рядом. Это позволяло не кромсать ногу в надежде достать зазубренный наконечник, а поступить несколько иначе, значительно упростив операцию. Чтобы немного заглушить боль, я нажал

на ноге несколько известных мне точек, а затем надавил на торчащий из бедра обломок древка, проталкивая его дальше. Под моим давлением наконечник, прорезав мясо, прошел ногу насквозь и показался с другой стороны бедра. К этому моменту обломок древка уже целиком погрузился в ногу, и мне пришлось, схватившись уже за наконечник, вытаскивать древко с другой стороны. К концу операции с меня градом лился пот и сводило от напряжения челюсти. Оставалось еще перевязаться.

Покончив с раной и немного отдохнув от пережитого, я решил перекусить, попутно обмозговав полученную сегодня информацию. На ее основе выстроить дальнейшие планы, ну и разобраться наконец с трофеями.

– По верованиям многих народов, душа содержится именно в крови! В моем случае эти понятия можно не разделять, – рассуждал я, анализируя отрицательные и положительные стороны душегубства. Как просветил меня дракон, душу эльфийского колдуна я именно выпил – с кровью! Более того, подобные проблемы у меня, похоже, будут возникать со всеми встреченными по пути магами и волшебниками – это теперь как инстинкт, хуже того – безусловный рефлекс! Однако если чародей будет настроен не агрессивно, возможно, я смогу сдержаться! Больше всего мне не нравилось, что в подобной ситуации у меня сносит крышу, и я не могу себя контролировать, а это чревато серьезными проблемами. С этим надо бороться! Как?! На ум приходит един-

ственный способ. Клин клином вышибают! Будем душить магов... плохих... потихоньку. И учиться держать себя в руках. Да и дракона кормить надо!

В плюсах: магия меня почти не берет. В смысле угробить меня ей хотя и возможно, но проблематично. Она теперь с меня как бы соскальзывает... Хотя осколками посечь может!

Что еще? Для здоровья кровь, безусловно, полезна... Да не то слово – чувствую себя другим человеком! Правда, человеком ли? Но своими новыми способностями я обязан именно выпитой крови.

А вот для общения с колдовской братией теперь есть хороший такой аргумент (убойный!): или будем конструктивно сотрудничать, или душу выну – прямо сейчас! Короче, не доводите до греха, я за себя не ручаюсь! Думаю, поверят.

Одним словом, поразмыслив, я решил, что пожирать души не так уж и плохо. В конце концов раньше, убивая врагов, я получал моральное удовлетворение, не считая того, что и сам оставался в живых, а теперь получу кроме этого еще и, как бы сказать... вещественное, что ли – здоровье поправлю! А что касается души – я атеист... Ну, теперь буду воинствующий! И шабаш!

Не сомневаюсь, что мне еще придется столкнуться с валами, и моя неожиданная способность может сослужить хорошую службу. По ходу дела придется проредить их пищевую базу. Особливо, конечно, эльфов. «Еще ни один бог не

пережил утраты верующих в него»²³. Пощипать, так сказать, эгрегор²⁴. А что, нормально получится, усмехнулся я, представив гипотетический разговор:

– Вы верите в богов? Что-о?! Да?! Ну тогда... кто не спрятался, я не виноват.

Дров на плато было не густо, но, наломав сухих веток можжевельника, этот вопрос я решил. Волевым посылом отрастил когти и, прищелкнув ими, выбил на трут порядочный сноп искр – во как теперь умею! Огненный бог марранов отдыхает. Затем, раздув уголек, поднес его к растопке. Через минуту костер горел. Сходив к текущему рядом ручейку, набрал воды в горшок, поставил его на огонь и перешел к трофеям. Те меня порадовали, хотя и оказались на удивление скудны: железные вещи отсутствовали как класс. Из пятерки длинноухих лишь один оказался вооружен бронзовым оружием; его я и позаимствовал. Мне достались симпатичный топорик, напоминающий по форме канадский, копье и большой обоюдоострый кинжал – все черной бронзы. Что это за сплав, оставалось неясно: явно не бериллиевая бронза, но похожа. Я провел лезвием ножа по камню... Однако и по качеству ей не уступит. Остальные эльфы, похоже, предпочитали дерево и кость. Позже я узнал, что эльфийская магия способна придавать органическим материалам типа дерева,

²³ С. Е. Лец.

²⁴ *Эгрегор* – информационная субстанция, порожденная мыслями группы людей. В данном случае: вера в божественность валаров, основа их могущества.

кости и кожи замечательные свойства, позволяющие с успехом заменить ими металл. Лишь некоторые из длинноухих пользуются трофейным бронзовым оружием, а железа так и вовсе избегают... по невнятным причинам.

Цельнолитой кинжал в ножнах я сразу повесил на пояс вместо одного из каменных, а топор и копье решил пересадить на другие рукоятки. Из остального трофейного имущества мне глянулась только небольшая поясная сумка змеиной кожи, в которую я сложил несправедливо нажитое богатство. Хотя почему несправедливо? Оружие и ценности, взятые с убитого тобой врага, всегда считались честной добычей!

Костяные мечи и кинжалы меня не впечатлили, да и брать их было страшновато – мало ли какой дрянью заряжены. Лук у эльфов были простые, вроде английских, только короче. Нет, скорее, они больше напоминали индейские. Я подозревал, что их очень приличные боевые характеристики достигаются только посредством вмешательства магии. От типичного простого лука ожидать таких результатов, какие продемонстрировали эльфы, было просто наивно.

Вода в горшке закипела, и я потянулся к рюкзаку, собираясь достать продукты... Внезапно тело скрутило судорогой, и я, хрипя от боли, рухнул на землю. Что происходит?! Ответ был прямо перед глазами: в шаге от меня валялся обломок извлеченной из ноги эльфийской стрелы. На испачканном кровью костяном наконечнике были отчетливо различимы неровные бороздки, в которых наверняка еще оставался

яд! Как же я сразу-то не заметил!

В глазах темнело, перехватывало дыхание, судороги безжалостно ломали тело. «Ты уже мертв!» – всплыли в сознании слова колдуна.

– Достали-таки, суки! – было моей последней мыслью.

Глава 9

Выкорчевывайте корни зла, они зачастую питательны и вкусны.

С. Е. Лец

Очнувшись по ощущениям часа через два, я осознал, что еще жив. Жизнь, конечно, не удалась, а в остальном все нормально! Эльфийская отравка не смогла меня угробить: видать, сказались положительные мутации, хотя навредила изрядно. Иммунная система, бросив все силы на борьбу с ядом, почти исчерпала резервы организма. От слабости темнело в глазах, и я практически не мог шевелиться. Ощущая себя выжатой тряпкой, весь покрытый липким потом, я лежал на земле и мечтал о глотке воды, но сил дотянуться до бурдюка не было.

Минут через пятнадцать, борясь с головокружением и напрягая все силы, я с величайшим трудом, преодолев полтора метра, дополз до рюкзака и смог наконец напиться. Захлебываясь, выдул литра три и почти столько же пролил на себя – руки совсем не слушались. Немного полегчало. Хорошо, что загодя догадался наполнить водой запасной бурдюк, а то бы пришлось ползти к ручью. Метров пятьдесят всего, но для меня сейчас это как до Китая раком – вполне корректное сравнение.

Жажду я утолил, но теперь проснулся Голод – именно

так, с большой буквы. Ускоренная регенерация, как я успел убедиться, имеет свои побочные эффекты. А тут организму пришлось бороться еще и с отравлением, причем отравлением очень сильным, для любого другого, без сомнения, смертельным. Модифицированный организм сумел выделить антидот, но и жизненные ресурсы оказались потрачены. Так что мое плачевное состояние, скорее всего, вызвано не последствиями отравления, а банальным истощением. Это надо немедленно исправить. То есть пожрать! Много! Очень много!

Известно, что сразу после долгой голодовки набивать живот нельзя: желудок отвык работать, и может случиться (однозначно случится) кирдык! Но мое истощение другой природы, так что мне можно и даже нужно как следует поесть и продолжать это занятие вплоть до полного исцеления! Приступим.

Запас продуктов у меня имелся, но его хотелось побереечь напоследок. К тому же в последнее время мои аппетиты значительно возросли, и все немногочисленные припасы придутся на один зуб. Нехорошо... Эти соображения меня, конечно, не остановили бы, но существовал другой доступный источник пищи – зиланты! Вон их сколько – надолго хватит! Пока не испортятся... Меня совершенно не смущало, что зилант, по сути, змея: в жизни приходилось жрать и не такое, а змеи все без исключения съедобны и, кстати, довольно вкусны. Не окажись под рукой зилантов и если бы сильно при-

жало, не побрезговал бы и эльфами. Вы не любите эльфов? Просто вы не умеете их готовить!

Выпитая вода меня взбодрила, и расстояние в двадцать метров до ближайшего зиланта – того, которому проломил топором череп, – я преодолел всего за десять минут. С трудом прорезав жесткую чешуйчатую кожу змея (хорошо, вырубил бронзовый нож – мои могли и сломаться), я вырезал несколько крупных кусков мяса и пополз обратно.

«Хорошая кожа, потом надо будет откромсать пару кусков на сапоги, коли мне пока не встретились крокодилы, – думал я в пути, отвлекая себя от мыслей о еде и о том, сколько еще ползти. – А можно и на колет²⁵ пустить... Черт! Что я за кретин такой?! Есть же у меня кожа! Получше другой кольчуги будет! Вон в рюкзаке лежит, – вспомнил я про с таким трудом снятую кожу пардуса. – Мог бы перед боем и накинуть – глядишь, не изображал бы сейчас недокормленного червяка. Хотя одна из дырок у меня в ноге, а кожа ноги не закрывает, так что изображал бы или нет, еще бабушка надвое сказала. В любом случае проехали», – успокоил я себя, но отметочку на будущее поставил.

Добравшись до костра, я сгреб золу и, раздув не успевшие еще погаснуть угли, подкинул дров. Особенно изгаляться с готовкой я не хотел, да и не мог. Все, на что меня хватило, это просто нанизать посыпанные солью куски мяса на прутья,

²⁵ *Колет* – здесь: род доспеха, короткая приталенная кожаная куртка без рукавов.

пристроить над огнем и выждать несколько минут.

Мясо где подгорело, где недожарилось, но мне было наплевать. Кадавр жрал! Наконец поняв, что вот-вот лопну, я притормозил и развалился на земле, чувствуя, как в тело возвращаются силы. Истощение носило взрывной характер, остается надеяться, что и восстановлюсь я так же скоропостижно.

«Здоровая пища, отдых и крепкий сон – вот что поставит меня на ноги! – решил я. – Ага, раз мечтался – отдых! Скоро здесь эльфов кишмя кишеть будет, разведка-то тю-тю! – повел я внутренний диалог. – Надо ноги уносить! В горы надо – там не возьмут! Во-первых, зиланту на склонах даже не сесть будет, и зависать он не умеет – ну ни хрена на вертолет не похож, так что десант им не выбросить. Во-вторых, с хорошей позиции, не отвлекаясь на пехоту, я их сам перешелкаю – у меня лук раза в два дальше бьет, да и мощнее раз в пять. Ну и в-последних, меня там просто не найдут!»

Да нет, со вторым и третьим пунктом я погорячился: нет у меня преимущества – лук не винтовка, сверху эльфам бить куда как удобнее, чем мне в белый свет, да и колдуны... Что от этих ждать – непонятно. Мне их возможности неизвестны, надо будет с Мэдом потолковать. Одно несомненно – утекать надо! Здесь или в долине – обложат, и того... Митькой звали. А в горах будем смотреть.

Дело за малым – оклематься в рекордные сроки! А то останется только принимать последний и решительный... Не

сходя с этого места. Не катит! Надо понять, сколько осталось времени. Посчитаем: со слов пленника, от эльфов досюда день лета. Интересно, а ночью они летают? Нет, все же надо Мэда поспрошать: может, у него в генетической памяти чего завалялось. По идее, должно было, вон как на зилантов шипел, да и Змиулана какого-то поминал, хотя не видел до этого ни разу. Ладно, будем исходить из того, что ночью они спят, иначе вообще труба. Итак, допустим, прилетели они сегодня, все разведали, переночевали и улетели обратно. Получается, ждут их там завтра – это если брать по минимуму. Ну так и возьмем. Завтра они, естественно, не появятся, и начнется переполох. Скорее всего, он начнется позже, но плясать будем от этого. Так что ждать врагов надо послезавтра. Такие дела...

Значит, на поболеть у меня остается от силы полтора дня: сегодня и завтра. А потом хоть тушкой, хоть чучелком, но на фиг отсюда!

Кстати, а почему эльфы оказались здесь в середине дня, если им день только лететь? Абанамат! Все расчеты насмарку!

– Мэд!

Нет ответа.

– Мэд!

Нет ответа!

– Черт, куда мог деваться этот ящер?! Мэд, отзовись!

Ответа нет.

Разозлившись, я сильно хлопнул ладонью по изображению дракона на плече. Не знаю, кому было больнее – предполагаю, что мне, – но это подействовало.

– Что случилось?! – всполошился дракончик.

– Это я у тебя хотел спросить. Ты почему не отзываешься?

– Сплю я, мне после еды отдыхать надо. – Оказывается, пока я валялся без чувств, Мэд успел задремать. За мою судьбу он не беспокоился, убежденный, что я выкарабкаюсь. Мне бы его уверенность.

– Хорошо, ответишь на пару вопросов – и отдыхай сколько влезет, я тебя больше не потревожу, утомленный ты наш.

– А потом нельзя? Очень спать хочется, – заныл ящер.

– Нельзя! – отрезал я. – Иначе никакого потом может не быть. Уяснил?

Мэд покорно промолчал.

– Что ты знаешь о зилантах?

Мэд продолжал молчать.

– Ладно, поставим вопрос по-другому. Где они живут?

Молчание.

– Ну в горах? В лесу? В болоте?

– Знаю! В степи живут! – радостно отозвался Мэд.

Ага, дело пошло. Кажется, я нащупал нужный подход.

– Отлично! Продолжим. А почему, кстати, вы их так не любите? Плохие звери?

– Плохие... – задумчиво протянул Мэд. – Очень! Они Змиулану служат и яйца у нас воруют. Может, и меня укра-

ли.

– А Змиулан – это кто? – попутно поинтересовался я.

– ВРАГ! – отчеканил дракон. – Царь змей! Мы с начала времен враждуем.

– М-м-м-да, исчерпывающе. Ну да бог с ним. Это пока неважно. Скажи лучше, какой образ жизни эти самые зиланты ведут. Нет, я понимаю, что предосудительный, – остановил я начавшего отвечать Мэда. – В смысле дневной или ночной?

– Дневной, наверное, – неуверенно сказал Мэд.

В конце концов, настрополившись правильно ставить вопросы, я потихоньку вытащил из дракона то, что меня интересовало. Выяснилось, что хоть по ночам зиланты и не спят, а, как большинство пресмыкающихся, погружаются в спячку после плотного обеда, независимо от времени суток и на длительный срок – пока все не переварится, но летать предпочитают все же днем. Что касается длительности полета, то находиться в воздухе змеи могут не больше шести-семи часов. Это не могло не радовать: мои расчеты оказались верны. Получается, день полета – это всего шесть часов. К тому же расстояние, которое мне придется преодолеть по горам, будет теперь километров двести (это напрямую), а не триста, как я считал раньше, принимая продолжительность перелета зиланта за десять часов.

Итак, у меня есть два дня. Послезавтра надо сваливать. Наверняка я сильно сжимаю сроки, и армия возмездия по-

явится только дней через пять, а то и поболее: пока врубятся, пока раскачаются, – но так будет надежнее, остается простор для маневра.

– Хорошо, Мэд, а теперь еще поднапрягись и подробно изложи все, что ты знаешь о магии! Иначе мы долго не протянем!

О магии дракончик, безусловно, знал немало, но вот рассказать... Как мы с ним уже убедились, генетическая память – штука такая... тонкая. По объяснениям Мэда, пробуждается, только когда надо. Кому надо? Насколько я понял, память предков не наследуется в полном объеме, передаются только общие знания, необходимые для выживания вида, а отнюдь не личные воспоминания прародителей. Просто взять и что-то припомнить из прошлой жизни нельзя, нужное знание может прийти только в ответ на конкретную ситуацию, включая и правильно заданный вопрос. В общем, получается такой гипертрофированный инстинкт. Если у человека наследственная память зашифрована в генах и клетках тела и на сознание никак не влияет (или влияет мало), то у драконов, появляющихся на свет в виде некой энергетической структуры, все взаимосвязано, отсюда и результат... Как я это себе представляю... А вот как такая форма жизни могла возникнуть? И каким образом драконы обретают плоть? Боюсь и предположить! Магия, однако...

Короче, опять пришлось задавать наводящие вопросы. Учитывая то, что я сам плавал в предмете, не зная толком,

что спрашивать, картина получалась далеко не полной, но в общих чертах, для предварительного ознакомления и осмысления пока хватило. Дело несколько облегчал тот факт, что во время общения с драконом многие вещи становились понятны на интуитивном уровне – плюсы невербального общения.

Стало быть, магия – это волшебство, колдовство, ворожба, чародейство, называй как хочешь. Сама по себе магия – энергия, разлитая везде в окружающем нас мире, и маг отличается от всех прочих тем, что умеет ее аккумулировать и использовать в созидательных или не очень целях. Собственно, в нем самом циркулирует магия – она у него в крови.

Научиться этому нельзя! Это врожденный дар! Что-то в организме магов есть такое... чего нет у других.

– Мутанты, мать их за ногу!

А вот развить имеющиеся способности – возможно.

Кстати, в моих жилах теперь тоже течет колдовская кровь, но полноценно воспользоваться ее возможностями, то есть сплести заклятие, я не способен, поскольку не обладаю какими-то нужными для этого органами. Могу лишь впитывать силу, как называют магию драконы, или же выплескивать ее наружу в виде чистой разрушительной энергии. Да и то только благодаря вросшему в меня живому артефакту – Валарову когтю. Учитывая, что направленная вовне магия будет выглядеть как огонь, собственно им и являясь, и используя земную околонуучную терминологию, меня смело мож-

но назвать пирокинетиком. И при желании я могу сотворить фэйрбол, но моей заслуги в этом как бы и нет: шаровая молния, она сама по себе круглая, потому так и называется. Таков предел моих возможностей! А колдовская кровь обеспечивает мне только могучее здоровье и некоторый иммунитет к магическому воздействию. Но и это уже немало! Не правда ли?

Существуют расы, поголовно наделенные магическим даром, взять тех же валаров, хотя не очень понятно, можно ли считать их расой и кем вообще считать (лично я считаю ублюдками), очень уж мало известно о них и их возможностях. Еще Мэд упомянул асов, да и сами драконы служили хорошим примером. Правда, способности драконов ограничивались только умением летать и выдыхать пламя, зато на инстинктивном уровне. Кроме того, они магией просто питались! И состояли, как мне казалось, из этой самой воплощенной магии. За примером далеко ходить не надо, стоит только взглянуть на плечо. Среди других рас встречаются лишь отдельные самородки по части ворожбы, и, например, среди эльфов таких больше, чем среди людей.

Настоящие, прирожденные маги предпочитают не расходовать силу попусту, а создавать из нее заклинания, что дает несравненно больший эффект при меньших затратах энергии, которая у мага не бесконечна. Формируя заклинание, маг пользуется словами или определенными жестами – пассами, и чем сложнее волшба, тем больше она требует време-

ни и усилий. Требуется создать нужную структуру и напитать энергией. Поэтому в бою маги предпочитают пользоваться короткими заклятиями или просто голой силой. Как давеча поступил колдун. А вот когда магия подчиняется просто твоим желаниям – это уже высший пилотаж, доступный только избранным, в частности, опять же валарам. И это страшный противник.

Есть еще один существенный момент. Прирожденные маги черпают свою силу от одной, редко – двух, из стихий-первоэлементов: земли, воды, воздуха или огня, а еще жизни и смерти – и ими же повелевают... в той или иной степени – зависит от силы и мастерства волшебника.

Различными проявлениями высшей магии являются нечисть и волшебные существа.

Это что касается высокой или высшей магии. Если честно, судя по количеству и качеству информации, драконы в волшебстве понимали немного, используя, как уже говорилось, только два приема: летать и жечь – да и те не задумываясь. Но какими-то сведениями владели, видимо, из чувства самосохранения – полезно все же иметь представление о том, чего можно ожидать от вероятного противника.

Потом мы залезли в такие дебри, где Мэд почти не ориентировался, поскольку драконье племя такими видами чародейства вообще не пользовалось и, соответственно, ни хрена о них не знало, только если в плане пожрать. В смысле – что съедобно, а что и не очень. Однако кое-что я вынес и отсюда.

Помимо высшей магии, доступной только прирожденным магам, существуют и другие отрасли колдовской науки: ритуальная магия, рунная магия, наговоры и их различные комбинации, а также магия артефактов, зелий, камней, металлов... и многое другое. Черт ногу сломит! Путем определенных манипуляций, используя опытным путем выявленные закономерности, можно заставить работать магию, рассеянную в пространстве или заключенную в различные объекты, и на этом поприще грамотный чародей может достигнуть впечатляющих успехов. Эти методики в той или иной мере доступны практически всем, хотя и здесь нужны талант, чутье... и знания, много знаний. Искусство творить заклинания, насколько я понял, можно сравнить с мастерством художника, но если бездарному мазилке грозит только презрение окружающих, то неумелый колдун может закончить весьма печально. Простейшим заговором может воспользоваться любой, а вот, например, правильно изобразить (не говоря уж о составить) нужную руну сможет не каждый. Вот в общих чертах и все... Хотелось разузнать об этих видах чародейства побольше – вдруг удастся овладеть некоторыми полезными навыками, но познания Мэда на этот счет исчерпались.

Конкретно важным в моей ситуации было следующее: в магическом поединке любому прирожденному магу, а у эльфов таких хватает, я не противник! Но кто говорит о честной дуэли? Кроме того, я неплохо защищен от воздействия

магии. И в моем распоряжении остается немало способов расправиться с врагами, используя свои сильные стороны: например, сойтись в рукопашной! А еще лучше порешить супостатов, напад из засады! Да мало ли что еще?! Повоюем!

А в плане розыскной работы обычные колдуны для меня даже опаснее. Но дабы взять след, им потребуются моя кровь, волосы или ногти. Или хотя бы что-то из вещей. Надо озаботиться, чтоб им ничего такого не попало, – короче, уничтожить улики!

Выложив все, что смог извлечь из глубин генетической памяти, дракон тут же отрубился, крепко и надолго. До следующей кормежки!

– Дракон не спит никогда!.. – пробормотал я всплывшее откуда-то из глубин памяти изречение.

– Что? – встрепнулся было Мэд.

– Нет-нет, ничего, давай баиньки. – Я невесело усмехнулся. Вот ведь геморрой себе поимел. Для меня снабжение ящера пищей оборачивалось нешуточными проблемами, а радужные надежды обзавестись постоянным собеседником накрывались... медным тазом, короче. Но я ни о чем не жалел: дракончик вызывал искреннюю симпатию, да и не бросать же было зверушку, в самом деле. Значит, буду кормить врагами!

Следующие два дня я посвятил отдыху и лечению, которое сводилось к кормежке. Я поглощал гигантские порции змеино-го мяса в жареном, печеном или вареном виде. А что-

бы не слишком изнывать от безделья, решил еще раз перебрать трофеи и кое-что подшаманить. Как уже говорилось, в наследство от эльфов мне досталось исключительно бронзовое оружие. Вернее, досталось много чего, но от всего прочего я предпочел избавиться и сжег. Остается учинить апгрейт только кинжалу, копью и топору.

Массивный цельнометаллический обоюдоострый кинжал в кожаных ножнах никаких усовершенствований не требовал: лучшее – враг хорошего. Я лишь подточил его о камень, еще раз подивившись качеству бронзы, да приспособил на ножны ремешок, позволяющий крепить оружие на бедре. На мой взгляд, так носить нож удобнее – он всегда под рукой и в то же время совершенно не мешает, что бы ты ни делал.

Полуметровый наконечник эльфийской глеви, похоже, достался ей в наследство от чего-то вроде скрамасакса. Я ограничился тем, что закрепил наконечник надежнее и укоротил ратовище. Так мне привычнее и в походе сподручнее, а выходить с копьем супротив конницы я пока не собираюсь.

За топор я взялся в последнюю очередь и сразу обратил внимание, что материалом и исполнением он несколько отличается от копья и кинжала. Так это не заметно, но стоит приглядеться, и разница становится очевидна. Вроде тоже черная бронза, но оттенок другой, как будто из глубины просвечивает золото. На покрытом патиной металле видны полустертые руны, а от оружия так и веет седой древностью. Что-то не так с этой бронзой, сердце вещует! Хотя магией

как будто не пахнет. Я взял кинжал и царапнул им по топору – нет эффекта. Обратная операция оставила бороздку на клинке кинжала. Интересно... Форма топора предельно проста, но в то же время функциональна. А вообще он больше всего напоминал охотничий топорик: небольшой, лезвие чуть скруглено, прямая сверху лопасть, снизу немного расширяется к лезвию – отличная вещь. Вот топориче – явный новодел, просто прямая палка – эльфы, видать, постарались. Ничтоже сумняшеся я сунул топор обухом в костер и выжег уродское топориче из проушины. Бронзу этим не испортишь, в отличие от стали, закалка делает ее мягче, а при отпуске она, напротив, становится тверже. Взамен прежнего топорича я приспособил рукоятку от своего каменного топора – эргономичную, хитро изогнутую, предназначенную свести к минимуму отдачу от удара. Затем, расклинив топориче в проушине, положил топор в воду – разбухать.

Закончив с оружием, я, как и собирался, вырезал кусок шкуры зиланта – про запас, а затем методично уничтожил все улики, которые могли навести врага на мой след. Вернее, уничтожил то, что смог, – трупы-то никуда не денешь. Все, здесь делать больше нечего, здоровье пришло почти в норму, по крайней мере жрать хочется уже не каждые пять минут. Так что завтра с рассветом отчаливаю.

Ночи стали прохладные, поэтому я сгреб с костра угли и ввиду отсутствия елового лапника застелил прогретую землю ветками можжевельника – тоже нормально. Улегшись на

импровизированную постель, попытался уснуть, но сон не шел. В голову лезли непрошенные мысли.

Возможно, я повторяюсь, но последнее время я все чаще задавался вопросом: как мне вернуться обратно? Домой, в смысле на Землю! Если отбросить версию, что это неосуществимо, остается всего три варианта. Либо крепко надавить на валаров, что, учитывая предыдущие события, весьма сомнительно. Либо отыскать равных им по силе магов и попробовать договориться с ними. Либо начать поиск собственных путей. Честно признаться, на данный момент все варианты выглядят весьма бледно. Хотя последний все же предпочтительней и не исключает второй. С магов по крайней мере можно поиметь полезную информацию. Да! С ней у меня бо-ольшие проблемы! Но прежде надо определиться с вопросами. А то спрашивать: «Подскажите, дяденьки, как домой попасть!» – как-то неловко, да и сомнительно, что прокатит.

А если попробовать взглянуть на все с другой стороны? Поменять приоритеты. С чего все началось? Валар захотел попасть на Землю. А что он там забыл? Нет ответа. Но из этого вполне логично вытекает третий вопрос: зачем ему был нужен именно я? Нет, я, конечно, понимаю, что несколько отличаюсь от обычных людей, взять хоть физические кондиции, но вряд ли только это послужило причиной. Видимо, дело в чем-то другом. В свете последних событий история моего появления в отделе выглядит откровенно натяну-

то. Я и раньше замечал некоторые несуразности в рассказах сослуживцев, но списывал их на царящий в конторе режим секретности. И копаться в прошлом не пытался – видимо, зря. Пожалуй, надо будет потянуть за эту ниточку. Если надо, то и на обследование лечь! В смысле выяснить, что во мне такого особенного. С этим и можно обратиться к магам. А там слово за слово, глядишь, чего еще надыбаю. А какие им резоны со мной возиться? Найдем резоны! Если понадобится, за горло возьму и по капле выдавлю.

Но это все в будущем, сейчас меня больше волнует, что предпримут валары. Надеяться, что тот гад был единоличником и отщепенцем, череповато. Даже если оставить в стороне месть за собрата, остаются их планы в отношении Земли. И в связи с этим валаров тоже должна сильно интересовать моя персона, если я не беру на себя слишком много и эта связь существует. Но все известные мне факты прямо кричат, что она есть. Пока я нашибал только первых ласточек, то есть эльфов, этой заинтересованности, но что впереди? Ситуация усугубляется тем, что себя я расшифровал полностью. Если раньше валарам был неизвестен сам факт моего существования, то теперь это не секрет. Я не обольщался насчет того, что сумел замаскировать улики, а связать гибель разведгруппы и исчезновение соплеменника в зоне их интересов валарам труда не составит. Надо ждать неприятностей... и готовить адекватный ответ! Просто удирать и прятаться – никуда не годится! Рано или поздно достанут! Надо

переходить в наступление, и на этот счет у меня уже появилась парочка идей. А там, глядишь, кое-что и прояснится. Но пока рано. Я нахожусь в невыгодном положении, и охота идет за мной. Нужно поменяться ролями, тогда и посмотрим! А сейчас моя задача – стряхнуть хвост и замести следы. Так что ноги в руки!

Проснувшись на следующее утро, я плотно позавтракал, упаковал про запас куски подкопченной змеятины и, еще раз проверив амуницию, резво двинул дальше в горы. Ищи ветра в поле!

Глава 10

Да я на медведя без ружья ходил!
Из советского фильма «Крепкий орешек»

Две с небольшим недели спустя я находился по другую сторону считавшихся непроходимыми гор, но радости от этого было мало. Застрял в предгорьях, и виной тому во все не труднопреодолимые особенности рельефа или какие иные природные препятствия. И даже не эльфы с валарами. Впрочем, по порядку...

Сам по себе переход через горы особыми событиями не блистал. Горы как горы, чем-то Алтай напоминают. Дело знакомое, не впервой: мне приходилось и жить в горах, и воевать там. К тому же покорять местные эвересты я не стремился, отыскивая обходные пути через седловины и перевалы. Полазить, конечно, пришлось изрядно, но все же в пределах разумного. Иногда я сам предпочитал штурмовать скальные стены в лоб, нежели отыскивать далекие обходные маршруты.

Пропитанием меня надежно обеспечивали архары²⁶ и горные козлы, во множестве попадавшие на склонах. Причем предпочтение я отдавал первым – у них мясо вкуснее. Что касается козлятины, то козочки еще туда-сюда, а вот мясо

²⁶ *Архар* – горный баран.

козлов изрядно отдаёт мускусом и почти несъедобно. Охота была не сложной и много времени не отнимала. Зачастую мне даже не приходилось отклоняться от маршрута. Животные никогда не видели человека, и подобраться к ним на выстрел не стоило почти никакого труда.

Горы поднимались. Наступил момент, когда я передвигался исключительно в поясе ледников и вечных снегов. Тогда-то и пришлось притормозить. На такой высоте большую проблему стали составлять ночевки в снегу – все же я не белый медведь – и отсутствие дров. Как-то так получилось, что теплых вещей у меня оказалось негусто. На ходу оно еще ничего, к тому же всегда можно накинуть шкуру пардуса, но вот ночью порой становилось весьма неудобно. Пришлось задержаться и озаботиться решением насущных вопросов.

Первую проблему я решил, сшив из козьих шкур спальный мешок мехом внутрь. Таскать, конечно, тяжело, но оно того стоило. Теперь, останавливаясь на ночевку, я отрывал в снегу пещеру или строил из камней укрытие от ветра, забирался в теплый мешок и в ус не дул. Некоторое время пришлось потратить и на изготовление теплой одежды, хорошо что нужный материал был под рукой, а заморачиваться особыми изысками смысла не было. Набив архаров, я на скорую руку скроил себе свободный бараний полушубок (думал сделать бурку, но потом от идеи отказался – лазать по скалам неудобно), что-то вроде папахи и подобие меховых рукавиц, связанных кожаным шнурком, чтоб ненароком не потерять.

Плохо выделанные шкуры воняли, но на холоде это не так заметно, а потом я собирался от них избавиться. Пришлось устранять и другие недочеты: так, например, проблему снежной слепоты решила полоска кожи с тонкими прорезями для глаз, ноги, на манер портянок, я оборачивал кусками шкуры вовремя подвернувшейся росوماхи – наглая зверюга попыталась стащить у меня припасы, за что и поплатилась. Ледоруб и лыжные палки мне с переменным успехом заменяли бронзовый топор и рогатина. Кстати, лыжи почти и не пригодились, слишком плотным был снег – так называемый фирн. А вот кошки из медвежьих когтей на таком снегу зарекомендовали себя неплохо, хотя на льду оказались почти бесполезны – не сталь все-таки, но с этим ничего поделать я не мог, только смириться.

С топливом было сложнее, но я приспособился готовить горячую еду на козьем или бараньем жире, сжигая его в глиняной плошке. А временами обходился и вовсе сырой пищей или жарил мясо, пользуясь прорезавшимися способностями пирокинетика. Правда, в таких случаях оно частично сгорало, а частично оставалось сырым. А вот кипятить подобным образом воду и варить бульон я приноровился, хотя с непривычки сильно уставал.

Из крупных хищников на такой высоте мне встретились только снежные барсы. Но и с ними мы разошлись без эксцессов. Ирбис, зверюга такая, лишний раз искать неприятностей на свою пятнистую задницу не станет. Эльфы в пути

тоже не досаждали – похоже, мне удалось стряхнуть погоню с хвоста. Правда, несколько раз я видел вдали парящих зилантов, но меня они заметить не могли.

В общем, так себе и пер по горам на запад и слегка забирая к северу. Самая большая проблема заключалась в выборе оптимального маршрута, что в незнакомых горах архиважно и архисложно. Но прорвался!

Претерпев полагающиеся всякому уважающему себя альпинисту лишения, горы я превозмог. Тем более обидно было так глупо вляпаться уже в самом конце.

Все началось с медведя. Да, именно! В какой-то момент я обратил внимание, что меня преследует косолапый хищник, непонятно – пещерный или еще какой, но здоровый! Вроде опять короткомордый – уж больно высок на ногах. Поначалу я не придавал этому особого значения: ну идет себе и идет, может, нам по дороге, но потом это стало здорово допекать. Я чувствовал на себе его нехороший взгляд и непроизвольно напрягался. Зверь держался поодаль, не приближаясь на дистанцию прицельного выстрела, и упорно следовал за мной уже который час. Окончательно озверев, я развернулся и двинул ему навстречу, рассчитывая расставить точки над «i», не откладывая дела в долгий ящик. Видимо, почувствовав мои намерения, топтыгин остановился, а потом резво чесанул назад, недвусмысленно давая понять, что сейчас выяснять отношения не намерен. Какое-то время я пытался его преследовать, но потом плюнул. Догнать на пересечен-

ной местности медведя, если он того не хочет, — дело заведомо безнадежное. Но стоило мне двинуться дальше, как хитрый зверь опять пристроился в кильватере, все так же держась в отдалении. Похоже, хищник хорошо знаком с дальнобойным оружием, с луком например, — а следовательно, и с теми, кто его использует. По всему выходит, что эта местность обитаема, и надо держаться настороже. Учтем! Ну а от меня-то ему чего понадобилось? Сожрать хочет? Непохоже. Насколько я понимаю в медведях, хотел бы напасть — уже напал бы. И скорее всего, из засады. Надеется подобраться ночью? Сомнительно. Разбираться с побудительными мотивами животного мне было неохота. Один черт не догадаешься, что там у него в башке делается. Непонятный зверь... Но меня уже достал! Значит, нарвется!

Я прибавил шаг, лелея коварные планы и подыскивая подходящее местечко для западни. Проверая реакцию медведя на незнакомые предметы, я вынул из рюкзака кусок выделанной кожи, порезал его на полосы и стал поочередно бросать их на тропу за спиной, украдкой посматривая, как поведет себя зверь. Перед первой полоской кожи медведь ненадолго задержался, тщательно обнюхал ее, а потом, спокойно переступив, двинулся дальше. Остальные полоски он вообще проигнорировал, не задерживаясь перед ними и даже не поведя носом. Отлично! Что и требовалось доказать.

Вскоре удачное место было найдено, петляющая вдоль горного отрога над ущельем тропа делала здесь очередной

поворот, на время скрывая меня от взгляда косолапого. Кроме того, и что более существенно, невдалеке поперек дороги валялся вывернутый камнепадом переломанный ствол дерева, размером... ну то, что доктор прописал! Такие деревья попадались мне и раньше, но были или слишком велики, или слишком малы для моих целей. Или же находились в неудобном месте.

Следовало действовать очень быстро, пока не появился мишка; ну и аккуратно, естественно. Хорошо, что у меня все было подготовлено заранее, да и чего там готовить? На эту акцию я скрепя сердце пожертвовал кусок аркана – вот, собственно, и все. Дальнейшие действия заняли всего пару минут. При известной сноровке большего и не требуется. Выбрав нужный участок, я насторожил на тропе петлю, слегка замаскировав ее камнями и ветками кустарника. Сойдет! Другой конец кожаного ремня надежно примотал к куску ствола. Готово! Рванув по тропинке вперед, я отбежал подальше, чтобы заранее не спугнуть зверя. А потом перешел на шаг и, как ни в чем не бывало, двинулся дальше, злорадно предвкушая развязку. По моим расчетам медведь должен был появиться из-за поворота примерно через минуту.

Устроенная мной ловушка проста до изумления, а медведь – зверь сообразительный... это его и губит!

Все прошло как по нотам, ну да я почти и не сомневался – метод, апробированный в веках. Ничего не подозревающий мишка, перебираясь через бревно, угодил задней лапой

в петлю, сделал пару шагов и резко застопорился. Окрестности огласил изумленный рев. Я тоже остановился и с удовольствием стал наблюдать за развитием событий. Медведю до меня дела уже не было, у него появились другие проблемы.

Попробовав идти дальше, зверь потащил за собой и дерево. Рев стал уже откровенно рассерженным. Быстро связав между собой происходящие с ним неприятности и вполочающийся сзади ствол, сообразительный зверь набросился на врага, с маху отвесив тому богатырскую затрещину, а затем добавил еще – до кучи. Посчитав супротивника убитым, медведь оставил бревно в покое и опять попытался уйти. Все тщетно!

Так продолжалось еще какое-то время: медведь то пытался идти, таща за собой многострадальное бревно, то в ярости накидывался на него, рвя и терзая предполагаемого виновника всего творящегося непотребства. Делу это помочь, понятно, не могло – петлю я закрепил надежно, но у медведя на сей счет, видимо, были свои соображения. Перегрызть же ремень зверь так и не догадался. Наконец, видимо, подустав, медведь сел на задницу и, похоже, задумался. Я застыл соляным столбом, опасаясь неловким движением привлечь внимание и сбить животное с мысли. Приняв решение, медведь деловито направился к бревну, обхватил его лапами и натуженно потащил в сторону обрыва, задумав избавиться от балласта наиболее кардинальным способом. Дальше мож-

но было и не смотреть – в смысле, итог ясен. Но зрелище все же вышло достойное.

Подтащив ствол к пропасти, медведь с чувством исполненного долга отправил его вниз, наподдав напоследок лапой. Привязанный к бревну ремень подсек его за охваченную петлей заднюю конечность, и незадачливый хищник просто исчез с края обрыва. Еще некоторое время был слышен отдаляющийся недоуменный рев, а потом раздался смачный шлепок, и все стихло. Финита! Снимаю шляпу.

Долго радоваться избавлению от настырного преследователя мне не пришлось. Не прошло и нескольких секунд с момента трагической гибели медведя, как неприятности начались уже у меня. Воздух содрогнулся от многоголосого вопля, а неизвестно откуда прилетевший булыжник саданул меня по правому плечу, сбив на землю, что спасло от другого снаряда, нацеленного уже в голову. Следом сыпались еще камни, но я уже катился по земле в сторону, суматошно отыскивая взглядом ближайшее укрытие. Таковое обнаружилось поблизости, но по дороге к нему я еще пару раз чувствительно схлопотал камешками.

Забившись в щель между двух небольших стоящих рядышком обломков скалы, я первым делом бегло осмотрел плечо. Удар был очень сильный, но перелома, похоже, не случилось. Покрутив рукой, я убедился, что она хоть и болит зверски, но слушается исправно. Это радует! Без правой руки мне пришлось бы тяжело. Остальные удары прошли

вскользь и серьезных повреждений не нанесли. Значит, о них можно забыть. Сейчас главное – найти более серьезное убежище, разобраться, кто же на меня напал, да и вообще подумать, как выпутываться. Камни прилетали сверху, со стороны хребта, и некоторые, ударяясь о скалу за спиной, сыпались затем мне на голову. Не смертельно, но весьма неприятно! Пока спасал поднятый над головой рюкзак, но не держать же его так до бесконечности, и руки заняты, даже из лука не стрельнуть. Надо менять дислокацию!

Метрах в пятидесяти, почти на краю обрыва, находилась еще одна скала – возможно, это будет то, что надо, всяко лучше, чем тут. Недолго думая, я выскочил из-за камней и понесся к казавшемуся более надежным укрытию, успев, однако, бросить взгляд за спину. Бежал я зигзагом, и в этот раз никто по мне не попал, хотя булыжники сыпались в опасной близости.

Схоронившись за скалой, я перевел дыхание и с чувством выругался:

– Ети твою мать! То есть... Йети!

Я не оговорился. Создания, которых я мельком разглядел на гребне хребта, казалось, сошли с иллюстраций статей о снежном человеке. Желая убедиться, что мне не показалось, я выглянул из-за скалы. Камни сюда уже не долетали, но глупо подставиться я не хотел. Поэтому выглядывал осторожно. Нет, все правильно. Полтора десятка существ, изрядно смахивающих на бигфутов или йети, подвывая, потрясали дуби-

нами шагах в двухстах от меня. Ну все, приплыли... в реликтовый заповедник, мать, будь он неладен! Ну а как, скажите на милость, еще можно назвать человекоподобных созданий ростом за два с половиной метра, длинноруких и покрытых редкой серовато-бурой шерстью? Разве что... Теперь понятно, кто здесь выступает в роли троллей! Да, пожалуй, тролли и есть. Ну не снежными же людьми называть – слишком длинно получится.

Необычная окраска гоминидов прекрасно маскировала их на фоне скал: временами мне даже казалось, что они просто исчезают в одном месте и затем появляются в другом. Глаза, что ли, отводят? Весьма вероятно. Иначе я заметил бы их гораздо раньше, несмотря на любую маскировку. Даже сейчас стоило чуть отвлечься, и уже приходится прилагать некоторое усилие, чтобы снова отыскать перемещающиеся вдоль гребня фигуры. О чем-то в этом роде касательно снежных людей я слышал и дома. Жалко, Мэд дрыхнет – уже почти месяц, кстати, может, просветил бы. Нехорошее внимание к своей персоне я почувствовал уже давно, но списывал все на медведя. Определенно зря, расчет на то и был! Медведь – это только отвлекающий фактор. Однако хорошо задумано. Интересно, мишка у них что-то навроде любимой охотничьей собачки? То-то мне показалось странным его поведение. Может, напрасно я его угробил – вон как волосатые разнервничались?! Да нет, не зря, конечно, какие-то сюрпризы они мне, ясен пень, готовили, и сомнительно, что прият-

ные. С добрыми намерениями не устраивают засад, предварительно пустив по следам дрессированного зверя. А засада, похоже, была! Я лишь немного до нее не дошел. Впереди тропа уходит в расщелину, и там бы меня с гарантией накрыли камнями. Такие места я обычно преодолеваю с повышенной осторожностью, но кто знает, чем все могло обернуться. Значит, как ни крути, а планы я им спутал, вынудив напасть раньше времени, и это, безусловно, радует, но в целом ситуация у меня паршивая. С одной стороны – горный хребет и обосновавшиеся там гуманоиды, с другой – обрыв в ущелье. Дорога по тропе назад наверняка перекрыта – проверять что-то не хочется. Про расщелину впереди я и вовсе молчу – натуральная ловушка. Что делать? Надо думать!

Прямо сейчас я мог снять парочку *йетих* троллей из лука, но боюсь, пользы от этого не будет. Скорее, может спровоцировать их на атаку. А оно мне надо?!

Прикрываясь скалой от троллей, я подошел к обрыву и заглянул вниз. До дна заросшего лесом ущелья метров сто, если не больше, – лететь и лететь! Правда, метрах в трех подо мной обнаружилась узкая каменная полка, но изображать тут известного сыщика я и пытаться не буду. У звероватых недругов наверняка достанет ума глянуть вниз и приласкать чем-нибудь тяжелым по голове. В обе стороны, насколько хватало взгляда, отвесные скалы уступами обрывались в ущелье. И почему я не горный баран? Вроде они могут прыгнуть с высокого уступа вниз головой и остаться

при этом в живых, спружинив о скалу или землю рогами. Прямо зависть берет! А так я баран, конечно, только не горный – обыкновенный. Надо же было так нарваться... В общем, быстро спуститься не выйдет, если только очень быстро – моментально... Как медведь или баран! А если спускаться по-человечески, то пока я буду колупаться, тролли десять раз успеют добраться до обрыва и что-нибудь на меня уронить.

Зато метров на пятьдесят левее и двадцатью ниже есть кое-что интересное – там начинается более-менее пологий склон с каменной осыпью. Который, впрочем, обрывается, не доходя до дна ущелья, а насколько именно не доходя, разглядеть с этого места мне не удалось – мешал скальный выступ.

Я еще раз прикинул другие возможные варианты спасения – их не было! Прорываться – в любую сторону – бесполезно: или закидают камнями, или забьют дубинами. Значит, путь у меня один – вниз. Номер, конечно, будет смертельный, но другого выхода я не вижу.

Приняв решение и стараясь не задумываться о том, чем для меня это обернется в случае неудачи, я начал спешно готовиться к спуску. Вдруг сейчас гоминиды опомнятся и навалятся всей толпой или еще что нехорошее измышлят. Даже интересно, почему они до сих пор не напали – наверное, надеются взять меня без потерь. Понимают, твари, что если попрут в лоб, то без жертв с их стороны не обойдется. Но не

лезут – и хорошо!

Прежде всего надо предохраниться. В смысле утеплиться. В смысле... Короче, постараться свести к минимуму возможные повреждения. А то получится, как в анекдоте: до конца склона одни уши доедут. Я достал из рюкзака запасные куски кожи, порезал на полосы и обмотал ими колени и локти. Затем нахлобучил на голову папаху, надел полушубок. А сверху, связав лапами, нацепил еще и пуленепробиваемую шкуру саблезубого пардуса. Вот и пригодилась! Потом тщательно закрепил оружие и снаряжение. Больше всего я беспокоился о луке, так что упаковал его как можно надежнее и сунул в рюкзак. Проверив петлю и завязав на конце ремня узел, подготовил аркан – от него у меня осталось еще метров пятнадцать. Мало, конечно, но что делать?! Да и вообще с арканом, как его ни жаль, придется распрощаться. Ну, вроде бы все, готов.

Очень хотелось шугануть напоследок троллей, но это могло привести к непредсказуемым последствиям, да и лук был уже упакован, а камнем из пращи я их только раззадорю.

Ну, сейчас начнется! Собравшись с духом, я ринулся к тому месту, где разглядел под обрывом осыпь. Вопли со стороны гребня усилились, но кидаться за мной в погоню никто пока не спешил.

Я уже почти добежал до нужного места, когда рядом, как из-под земли, вырос тролль! Он будто отделился от находившейся рядом скалы – только что не было, и на тебе... Вы-

ходит, пока я ковырялся со сборами и выискивал пути к отступлению, меня грамотно скрадывал один из йети. И ведь врасплох застал, подлюга.

Увернуться от занесенной дубины я уже не успевал. Он атаковал внезапно и почти не уступал мне в скорости. Вдобавок мои движения сильно стесняли многочисленные слои одежды. Удалось только слегка отклонить голову, да пособила папаха. Несмотря на это, удар дубиной стесал мне кожу с правой стороны лба и с отчетливым хрустом обрушился все на то же многострадальное плечо. Смягчить его получилось лишь частично – подогнув ноги в коленях и заваливаясь на землю. Троль уже заносил палицу для следующего удара, и избежать его вряд ли удастся. А вздумай я откатиться в сторону, троль обязательно достанет в следующий раз. Действуя на автомате, я сделал единственное, что мне оставалось: разогнув ногу, со всей дури пнул врага в колено. Троглодит заревел от боли и, потеряв равновесие, всей массой рухнул на камни рядом со мной. Правда, дубину не потерял, попытался достать меня ею даже лежа, но я сумел уклониться. Из оружия у меня в руках находился только аркан. Остальное было надежно упаковано или принайтовано за спиной, даже достать висящий на поясе топор не успеть, а метать в такую махину кремневые сюрикены просто глупо. Правая рука не слушалась, но я, абсолютно не желая оставаться в долгу, перехватил аркан в левую и в свою очередь хлестнул свернутым в кольцо ремнем троллю по роже, наде-

ясь задеть глаза. Кажется, попал: по крайней мере, тролль взвыл еще сильнее и схватился лапами за морду. Надо действовать, пока эта сволочь не проморгалась.

Кровь заливала правый глаз, а при каждом движении рукой, даже несмотря на адреналиновую подкачку, в плече вспыхивала адская боль – как бы не перелом ключицы.

– Пипец тебе, реликтовый гоминид! – прошипел я, отшвыривая аркан и выдергивая обсидиановый клинок из ножен на левом бедре. – Порву как Тузик грелку!

Не поднимаясь во весь рост, подхватился с места и прыгнул на противника, нанося удар ножом в горло. Животным чутьем почувствовавший неладное, тролль отнял лапы от морды и попытался перехватить меня на лету – но было поздно. Хрупкий каменный клинок с хрустом вошел ему в глотку и, пробив почти насквозь, обломился. Из перерезанной артерии плеснула кровь, а я, перекатившись через тушу еще не понимающего, что убит, тролля, быстро вскочил на ноги. Очень вовремя! Набегая справа, на меня уже замахивался дубьем еще один материализовавшийся неизвестно откуда питекантроп. Их тут что, целый засадный полк, что ли, затаился?! Уклоняясь от драки, я сломя голову бросился к обрыву. Это сработало: тролль, так и не успевший опустить мне на голову сучковатую дубину, разочарованно взревел и припустил вдогонку. Затормозив на краю пропасти, я круто развернулся и нырнул в ноги не успевшему притормозить преследователю. Здоровой рукой обхватил под коленями поте-

рвавшего равновесие гиганта и резко распрямился, перебрасывая его немалую тушу через себя – туда, где в двух шагах за спиной скалы обрывались в ущелье... Полетай!

Покончив со вторым троллем, я быстро огляделся. С начала побоища не прошло и минуты, но со стороны хребта ко мне уже спешили остальные троглодиты. Еще немного, и в меня опять полетят камни, и если не угробят сразу, то дело дойдет и до рукопашной свалки... С предсказуемым заранее результатом – забудут, как мамонта! Действовать надо не мешкая, но и не суетясь, а то я окажусь внизу раньше, чем собирался.

Не теряя ни секунды, я метнулся за арканом, оставленным возле все еще булькающего кровью тела первого великана. Подрагивающими от мощного выплеска адреналина пальцами отделил от свернутого ремня петлю и накинул ее на загодя присмотренный обломок скалы. Потом пропустил ремень спереди между ногами, обхватил им правое бедро, провел наискось через грудь и перекинул через левое плечо за спину. Такой способ спуска предполагает, что, держась левой рукой за веревку спереди, человек удерживает равновесие, а сжимая правой сзади – регулирует скорость скольжения. Но моя-то правая рука почти не действует. Черт! Но делать нечего, надо как-то выкручиваться. Притом очень быстро! Попробуем так: я зажал ремень под мышкой, отступил на шаг и, налегая всем телом, сильно натянул аркан – вроде работает.

– Ну, с богом, пошел!

Перевалившись через край обрыва, я соскользнул немного вниз, а потом, отклонившись от скалы, начал довольно бодро спускаться, отталкиваясь от стены ногами. Поначалу немного опасался, что, зажимая ремень под мышкой (скорее, даже придерживая), контролировать скорость будет проблематично, но потом приноровился. Все же кожаный ремень – это не скользкая веревка, и, несмотря на мой внушительный вес, такая обвязка обеспечила очень приличное трение. А потом ремень кончился... и я завис. До начала склона оставалось еще порядочно, но надо было прыгать. И тут у меня возникло серьезное затруднение: как выпутаться из обвязки, пользуясь при этом только одной рукой? Покрепче ухватившись левой рукой за ремень, извиваясь, как червяк на крючке, я попытался избавиться от опутывающей тело подвесной. Получалось не очень. Тогда пойдем другим путем. В этот раз все получилось как надо. Я чуть расслабил сжимавшую ремень руку и, разматывая петли обвязки, заскользил вниз, выиграв еще пару метров. Достигнув узла на конце ремня, ненадолго задержался, выбирая место для посадки, а потом разжал руку и полетел вниз...

Пролетев метров пять по воздуху, я упал на покатый склон осыпи и... кубарем покатился вниз, на мгновение потеряв сознание от боли в плече. Чуть погодя мне удалось остановить беспорядочное падение (изрядно помог попавшийся по дороге куст), превратив его в скольжение по осыпи

на спине. Однако скорость все же была очень велика. Если бы не защитные слои одежды, уже превратился бы в отбивную — на пути то и дело попадались приличные булыганы, вдобавок сверху, обгоняя меня, гвоздили стронутые с осыпи камни. Как-то извернувшись, я вырвал из петли на поясе топор и, выбросив назад руку, вонзил его в землю...

Так или иначе, но цепляясь когтями, зубами и топорами, своей цели я достиг, чудом затормозив на самом краю склона. Дальше опять начинался обрыв. С трудом поднявшись на ноги, я посмотрел сначала вниз — до дна ущелья оставалось еще метров двадцать, а потом вверх — по моим расчетам, там вот-вот должны были появиться тролли. А затем дело довершат сброшенные ими вниз каменюги.

После эдакого катания с горок в голове у меня мутилось, ноги подкашивались, но останавливаться на достигнутом было нельзя. Сначала вниз полетели топор и стасенный с плеч рюкзак, следующим буду я. Через силу сосредоточившись, я хорошенько, насколько еще мог, примерился и, взяв небольшой разбег, сиганул вниз, целя в крону ближайшей мохнатой ели...

Глава 11

*Вовсю смеясь, за разом раз
Спускал он тетиву,
И каждый раз один лесник
Валился на траву.*

Английская баллада

Лежа на дне ущелья, я тихо радовался, что остался жив после такого аттракциона. Пережитые ощущения остро напомнили прыжок с парашютом на ночной лес, хотя приземление там бывает помягче – все же скорость поменьше. Правда, тут я хоть видел, куда прыгаю. В общем, так на так получается. Пролетев сквозь крону и спружинив по веткам, я отделался... не знаю еще, чем отделался, но в живых остался и ноги вроде не переломал – и то удачно!

С неба сыпались стронутые с осыпи или сбрасываемые троллями камни, но, задевая о ветви дерева, под которым я находился, отклонялись в сторону. Метрах в десяти покоился труп скинутого с обрыва тролля, но мне было не до исследований, хотя в другое время не поленился бы внимательно осмотреть тушку настоящего снежного парня. Смутно понимая, что до бесконечности так продолжаться не может и очередной прилетевший с обрыва камешек может стать последним, я подобрал валяющиеся невдалеке рюкзак с топором и

отполз за ствол спасительной елки. Потом, немного очухавшись и поднапрягшись, перебрался еще дальше от камнепада.

Находясь вне досягаемости обстрела и приглядывая за столпившимися над обрывом троллями, я прикидывал свои дальнейшие действия. Спускаться следом за мной враги пока не рисковали – значит, какое-то время для подсчета убытков и повреждений еще есть.

Итак, что мы имеем? Похоже, пара ребер сломаны, да и ключица. С ключицей тролль удружил, а вот ребра пострадали от столкновения с елкой. Само плечо тоже опухло – там багровела огромная гематома, но вроде не перелом, в худшем случае трещина. Содрана кожа на лбу и лице, на голове несколько внушительных шишек – папаху по дороге, естественно, потерял. Еще вывихнута нога, но, похоже, несильно. И по всему телу неподдающиеся исчислению синяки, ссадины и царапины – да живого места нет! Но серьезных ран не нашлось – хоть это радует. А так по ощущениям – как в мясорубке побывал. Если бы не шкура пардуса, было бы хуже: она защитила от острых камней, а сами удары смягчила одежда. Изрядно обшарпанный рюкзак я перебирать не стал, лишь убедился, что заботливо упакованные в спальник лук и стрелы уцелели. На остальное плевать, да и нет там ничего особенно хрупкого, за исключением глиняной посуды. А та если и окажется побитой – то это не катастрофа.

Опять пришлось по-быстрому оказывать себе первую по-

мощь. Покопавшись в бауле, извлек оттуда остатки дубленой кожи и раскроил на полосы – перевязочный материал готов. Стянув одежду, я восьмеркой наложил на плечо повязку, зафиксировав сломанную ключицу, а потом крепко стянул пострадавшие ребра и перебинтовал ногу. На остальные повреждения предпочел плюнуть: кровь уже свернулась, а инфекции я не боялся. Да и время дорого. Если долбанные питекантропы не спешат вниз, то это не значит, что они не пойдут в обход и не спустятся где-то в другом месте, впереди или сзади по ущелью.

От изодранных в клочья полушубка и шкуры саблезуба пришлось избавиться. Шкуру было особенно жалко, но, даже несмотря на свою запредельную прочность, такого обращения она не перенесла. Штаны тоже пострадали, но пока не сваливались, потом переодену, благо запасные имеются.

Спустя пятнадцать минут я уже бежал вдоль речки, струящейся по дну заросшего лесом ущелья, одновременно прокручивая в мозгу ситуацию. Что касается скалолазания, то на отвесных стенах фору я троллям дам – хотя и это еще не факт: я пока не видел, как они лазают по скалам. А вот просто в передвижении по горам эти парни, скорее всего, меня переплюнут. К тому же местность для них знакомая, все ходы-выходы должны быть известны. Положим, сейчас, двигаясь прямо по ущелью, какое-то время выгадаю, а вот потом... когда оно начнет петлять или станет плохо проходимым, непременно нарвусь, враги обойдут поверху. Стрелок

из меня сейчас никакой, а вот тролли швыряют булыжники далеко и метко – успел уже убедиться. Да и в рукопашной... с одним еще совладаю, а вот против двух и более одновременно мне не светит – видел я, как они двигаются, и хотя ни черта не смыслят в боевых искусствах, но своими дубинами владеют умело, а у меня действует только одна рука. Короче, куда ни кинь... Эх, нам бы день простоять да ночь продержаться, потом дышать станет легче – подживут раны. Мне ж сейчас даже из ущелья не выбраться. Да и вывихнутая нога досаждала, регенерация регенерацией, но при такой травме лучшее лекарство – покой, а я тут горным козлом скачу. Но выхода нет, пока есть возможность, надо, стиснув зубы, отрываться и устраивать передышку, иначе край. Правда, как тут оторвешься? Хотя... в голове смутно забрезжила идея – может, что и получится. А пока бежать!

Как я и предполагал, лафа (относительная, конечно) вскоре закончилась: впереди, суживаясь, ущелье превращалось в каньон! Река бурлящим потоком захватила все пространство между уходящих ввысь скал. Но к такому повороту событий я был морально готов. Это мне где-то даже на руку, тут тролли не смогут спуститься вниз – некуда. Хотя лучше бы это случилось несколько позже – успел бы удрать подальше. Сейчас опасность грозит только сзади... ну и сверху, естественно, – надо поглядывать, как бы чего не скинули. Некоторое время я, похоже, выгадал и от преследователей оторвался: вряд ли тролли сумеют спуститься так же быстро, да и, часа

три двигаясь по ущелью, темп держал хороший. Правда, для моей задумки времени все равно катастрофически мало, но что делать?!

Внимательно осмотрев реку ниже по течению, я задумался. Впереди, метрах в двухстах от меня, каньон изгибался влево. На излучине вода размыла скалу, образовав каменистую отмель с кусочком пологого берега, и это сулило дополнительные шансы. Сначала я собирался на скорую руку извлечь из пары стволов некую конструкцию... Или просто свалить сушину и с ее помощью попробовать сплавиться вниз, насколько сумею, хотя это и отдавало авантюрой. А связать плотик по-человечески не было возможности – по самым оптимистичным расчетам до появления погони оставалось не больше часа, а скорее всего, гораздо меньше. Усмотрев отмель, я несколько изменил планы, задумавшись о полноценном плоту, а уплыть верхом на бревне я всегда успею.

Отринув сомнения, я взялся за дело. Двигаясь вдоль берега, выбирал подходящие деревья и одно за другим валил их в воду. Бронзовый топор рубил несколько не хуже стального, и, хотя действовать приходилось одной рукой, работа продвигалась быстро. Упавшие в реку стволы тут же подхватывало течением и уносило вниз, а я напряженно следил за их маршрутом. Наконец третий по счету ствол оправдал мои ожидания, застряв в камнях на излучине реки. Вскоре к нему прибавился и еще один, а после еще... Удовлетворенный результатом, я перешел к дальнейшей реализации плана. Быст-

ро нарезал стволиков в изобилии растущего по берегам ивняка и ивовым же прутом связал их в пучок. Затем вырубил длинный шест и пару жердей потолще и покороче. Можно было переходить к заключительному этапу. Срубив еще одну сушину, я прутьями прикрутил к ней жерди, шест и охапку ивняка. Крепление получилось не слишком надежное, но мне недалеко. Больше не мешкая, я толкнул дерево в воду и, обхватив его рукой, поплыл, подхваченный стремительным потоком, правя в сторону уже прибитых к берегу стволов.

От холода перехватывало дыхание и немело тело, но река сама несла меня куда надо, оставалось только слегка подкорректировать движение и, избежав по дороге удара о камни, выброситься на берег в нужном месте... Однако повезло, добрался без потерь!

Выбравшись на сушу, я вытащил за собой ствол, а потом и три других. Снял промокший рюкзак и не мешкая принялся за работу – так и согреюсь скорее.

Для начала очистил стволы от веток и обрубил их в размер. Потом вырубил на получившихся бревнах пазы – это уберет связки от камней, да и плот будет прочнее.

Троллей я пока не наблюдал, но уже чувствовал на себе чье-то нехорошее внимание, да и периферийному зрению что-то мерещилось: видать, вороги уже рядом, прикинулись ветошью и скрадывают... Хамелеоны, тля! А я и не вижу. Хотя меня здесь и не достать, но думаю, убираться надо побыстрее, пока пакости не начались. Будем поспешать!

Порубив излишки дерева на дрова, я распалил костер и распарил над ним ивняк. Затем установил один из оставшихся обрубков бревна вертикально и закрепил камнями. Сделав на нем зарубку, вставил в нее верхушку ивового стволика. А потом начал оборачивать стволик вокруг бревна, одновременно скручивая... Следом добавил еще стволик. В результате у меня получилась петля, свитая из размочаленной древесины. Сработав таких четыре штуки, я немного подумал... и скрутил еще парочку.

Сложив четыре бревна вместе, комель к комлю, я попарно надел на них петли, по две с каждой стороны, перекинул их через пущенные поперек слеги и внатяжку заклинил колами, выточенными из обрубков тех же жердей. А затем, захлестнув удавкой вокруг слег, примострячил на получившийся плотик две оставшиеся петли – в них можно будет просунуть ноги или уцепиться рукой, что на горной реке далеко не лишнее, авось сразу не смоем. Слегка подтесал бревна в передней части плота, чуточку увеличив мореходность изделия. Все! Плавсредство готово! Такая конструкция, конечно, мало пригодна для горной реки и наверняка скоро развалится, но сплавляться днями и неделями я не собираюсь – только бы оставить позади преследователей. Затылком чувствуя неприятельские взгляды, я взобрался на плот и, оттолкнувшись шестом от берега, направил его в поток.

За следующие два часа я отмахал по реке порядочное расстояние, навскидку чуть ли не пятьдесят километров, вдо-

воль напрыгавшись по перекатам и порогам, и это путешествие вымотало меня до предела. Хорошо еще, что речка была не из самых могучих и бурных. Мало того что воровать шестом одной рукой оказалось чертовски сложно, так и шест в данной ситуации – не лучшее решение, тут больше подошло бы рулевое весло, позволяющее управлять движением, а не просто отталкиваться от препятствий. Так что после нескольких столкновений с камнями и стенами теснины, чуть не кончившихся трагически, и плотик, и я уже дышали на ладан. Не стоило искушать судьбу, сплавляясь дальше, тем более что теснина закончилась, и река опять текла по ущелью.

Присмотрев подходящее местечко, я направил плот к нему и через минуту уже десантировался на берег. До половины вытащив многострадальный плотик на каменистый берег, чтобы его не унесло течением, – на всякий пожарный, мало ли еще пригодится, – я прихватил имущество и отправился немного осмотреться.

Минут пятнадцать побродив по заросшему хвойным лесом дну ущелья, место для лагеря я отыскал – под обрывом, рядом с ручьем. Ну, «для лагеря» – это громко сказано, скорее для лежки, обжиться я тут не намерен – только раны зализать. Нависающий козырек скалы вкупе с растущей вплотную к ней густой елью обеспечат мне надежное укрытие от ветра, дождя, буде такой случится, и любопытных глаз. Ну а в случае нападения скала прикроет меня с

тыла, оставляя при этом пространство для маневра, козырек еще и убережет от возможного камнепада, а большего и не требуется.

Пока бродил, пришел к выводу, что от плотика надо избавляться. Я был далек от мысли, что в ближайшее время тролли сумеют меня нагнать, но рисковать, засвечивая место высадки, все же не стоило. Да и мало ли кому может попасться на глаза плотик? Что я знаю об этих местах и о том, кто здесь обитает? Так что, вернувшись к плоту, я перерезал стягивающие его петли и, раскатав по бревнышку, отправил их вниз по течению, печально проводив взглядом. Честно говоря, даже несмотря на все сложности, я предпочел бы сплавляться по реке и дальше, естественно, перед этим построив более надежный корабль, но река сильно забирала к югу, что в корне расходилось с намеченным мной маршрутом.

Возвратившись на стоянку, я нарубил лапника и выстелил лежбище, потом быстро набрал дров – в таком лесу это занятие на пять минут – и запалил костерок. За время путешествия я здорово наблатыкался, и теперь для разведения огня мне не требовалась даже растопка. Стоило простереть руку над поленьями, сосредоточиться и хорошенько пожелать, как с пальцев срывались языки огня, моментально воспламеня даже сырую древесину. Жалко, что на какие-то более серьезные свершения я был пока не способен.

Чтобы себя не слишком демаскировать, костер я развел в ямке под елкой: ее ветки рассеют дым, хотя это, конечно,

полумеры – запах дыма можно учуять за несколько километров, но так его хотя бы не будет видно. Лучше бы вообще обойтись без огня, но мне нужно просушить вещи.

Развешивая на кольях у костра одежду и мокрый спальник, от которого умопомрачительно несло козлом, я решил, раз выдалось время, проинвентаризировать уцелевшее имущество и привести в порядок то, что пострадало, но еще может послужить.

Из одежды у меня осталась одна пара штанов в рюкзаке. Те, которые сейчас на мне, восстановлению уже не подлежат, разве что шорты сделать – но не буду, выкину на фиг. Папах, полушубок и шкура саблезуба – утрачены. А вот куртка хоть и поистрепалась, но уцелела, немного подлатать и все. Еще есть две безрукавки... и варежки. Пока живем!

С обувью тоже порядок: то, что на ногах, надо выкидывать, но остались еще одна даже ненадеванная пара сапог и те, что с пьексами, а вот лыжи накрылись – видать, во время поспешного спуска с обрыва. И рюкзак чинить надо: дырка на дырке.

Еще раз приняхавшись к исходившим от сушащихся у костра вещей ароматам, я решил, что, пожалуй, спальник с собой дальше не потащу. Да прямо сейчас и выкину! Все равно сегодня его толком не просушить, и очень уж он вонюч. Влажные, халтурно выделанные козлиные шкуры будут запахом оповещать о моем приближении все живое в окрестностях пары километров... И лезть в него противно.

Как я и догадывался, вся глиняная посуда оказалась раз-
молота в кашу, но это переживем, да и с едой у меня не гу-
сто – остались только соль и немного баранины. А вот то,
что прорвался бурдюк, немного печалило – все-таки вещь
полезная.

Всякая мелочовка типа запасных тетив, проколов, ниток
и даже горшочка с клеем не пострадала и не потерялась.

От всех каменных изделий, кроме пары запасных ножей,
сюрикенов и наконечников стрел, я давно уже избавился. За-
чем таскать лишнюю тяжесть, если есть отличное бронзовое
оружие? С ним, кстати, все было в порядке: ни копье, ни
нож, ни топор в передрягах не пострадали. А главное, уце-
лели стрелы и лук! Лук я осматривал и обнюхивал особен-
но придирчиво, но никаких повреждений, на счастье, не об-
наружил. Зато острога сломалась – не то чтобы невосполни-
мая потеря, но жалко. За время странствий я частенько бил
ею форель в горных ручьях и речках, внося разнообразие в
состоявшее в основном из баранины и снежных куропаток
меню.

Еще у меня сохранились кольцо для стрельбы, наруч и
праща... ну и ложка, но вот непонятно, что ей хлебать, –
супчика-то в ближайшее время не предвидится.

Подводя итоги, можно сказать, что с амуницией негусто,
зато рюкзак почти ничего не будет весить; а самая большая
утрата – аркан, он не раз меня выручал. Придется как-то об-
ходиться.

Пока сохли вещи, я зашивал куртку и чинил рюкзак. Потом, поужинав куском печеной баранины из скудных запасов, запил ее водой из ручья, улегся на лапник и, укрывшись одеждой, уснул.

На следующее утро я проснулся практически здоровым, но голодным и злым как собака. Позавтракав опять же осточертевшей бараниной, прикопал барахло, которое решил оставить, и, как мог, замаскировал следы своего здесь пребывания – есть у меня такая привычка. Настроение улучшаться не желало: чтоб восполнить потраченные на выздоровление резервы, небольшого куска мяса организму было явно недостаточно, но продукты окончательно и бесповоротно закончились. Оттого и пребывал в мрачном расположении духа. Конечно, можно было немедленно заняться охотой, а потом обожраться до отвала – дичи здесь хватает, тут уже далеко не бесплодные снежные вершины, а поросшие нормальным лесом предгорья. Но какая-то неосознанная тревога гнала в путь, не позволяя отвлечься даже на неотложные нужды, и я решил довериться интуиции. Ладно, поскакали! Глядишь, что по дороге подвернется.

Скакать мне, конечно, не пришлось. А пришлось... даже не лезть – ползти вверх по разрушенному эрозией, осыпающемуся склону. Надо было выбираться из уводившего к югу ущелья и снова двигаться на северо-запад.

Вскарабкавшись наверх, я отдышался, осмотрелся и порысил дальше. С этой стороны ущелья лес стал несколько

другим: кроме обычных елей и сосен во множестве попадались пихты и лиственницы. В нужном мне направлении протянулась зажатая горами долина, и продолжать путь по ней было бы куда удобнее, но вместе с тем и рискованней. Поэтому я предпочел перемещаться вдоль долины по верхам, имея возможность периодически подниматься на возвышенности и оценивать обстановку. Как в воду глядел! В очередной раз выбрав наблюдательный пункт, я окинул взглядом окрестности, тут же распластался на скале и... не сдержавшись, грубо выматерился. Внизу, не очень далеко от меня, с севера по распадку двигалась дюжина знакомых сутулых фигур. Как, черт возьми, они смогли меня вычислить? Или это парни из другого племени? Непонятно... Но чапают гады больно уж целеустремленно и как раз в мою сторону.

Наблюдая за троллями, я заметил, что один из них держит в руках какую-то загогулину, периодически поводя ею из стороны в сторону, как будто сканируя местность. Никак шаман?! Меня прямо скрутило от желания попробовать на вкус его кровь. Да что со мной творится?! Ну-ка выдохнуть и собраться! Вроде отпустило. Но все равно этого надо валить первым!

Теперь понятно, как меня нашли. Видимо, на месте схватки или под обрывом остались следы моей крови, а этого, по словам Мэда, вполне достаточно для магического поиска, конечно, если имеется грамотный колдун. А вот гляди-ка, нашелся. Кто бы мог предположить наличие таких самород-

ков среди троллей?! Я точно не предполагал! Интересно, а расстояние до цели эта приспособа указывает? Вероятно, если и указывает, то очень приблизительно, иначе тролли уже засуетились бы, а так чешут себе как ни в чем не бывало. Однако сильно они осерчали, раз, несмотря ни на что, решили нагнать меня и поквитаться. Ну да им же хуже: в этот раз я заметил их первым и миндальничать не буду, пусть даже эти реликты – последние представители вида и в Красную книгу занесены, если здесь таковая имеется. И угрызений совести, переписывая троллей на ее черные страницы, не испытаю. Потому что не фиг! Троль, кроме всего прочего, – это не только ценный мех, но и двести – триста килограммов вкусного, легкоусвояемого мяса! А я голоден! Между прочим, по их вине. Но если я хочу устроить им «сладкую жизнь», надо поторапливаться – преследователи будут здесь меньше чем через десять минут.

Соскользнув со скалы, я рванул было вперед, где высмотрел отличное местечко для засады: лощина, по которой двигались тролли, заворачивала вправо и резко сужалась. Если расположиться на изломе и, пропустив троллей, открыть огонь им в спину, можно успеть положить всех! Оттуда просто некуда деться.

Стоп! Я резко притормозил – в обоих смыслах. У них же этот долбаный... ну, назову его «индикатор»! Если мы двигаемся перпендикулярными курсами, то, имея нужный навык, расстояние до объекта можно оценить довольно точ-

но, просто отслеживая скорость смещения конца загогулины-индикатора по горизонтали. А шаман, без сомнения, такой навык имеет. Также и пропусти я их вперед, моментально себя обнаружу. Получается, что, не выдав себя преследователям, достичь приглянувшегося местечка вовремя я не успею. Чудо, что они до сих пор не врубились, насколько я близко! Или до этого мы двигались параллельно друг другу?

Выход у меня один: надо расположиться у самого края распадка на оси движения отряда, ну или почти на оси. И ползти туда медленно, как бы нехотя, при этом не засветиться и успеть занять выгодную позицию. Во, блин, задачка! К тому же с такой позиции нанести значительный урон троллям вряд ли получится. Обнаружат меня сразу, как начну стрелять, и там им есть куда бежать спасаться. Склоны ложины пологие, вдобавок густо заросли деревьями. Но оставлять в живых шамана нельзя, иначе все попытки играть с врагом в прятки просто теряют смысл.

До намеченного ориентиром камня на краю ложбины я добрался, когда троллям до него оставалось еще метров сто. Особо маскироваться смысла не было, я просто залег, подпуская их ближе и приготовив лук. Как уже отмечалось, у лука только один недостаток – стрелять приходится стоя или в крайнем случае с колена, представляя собой в этот момент прекрасную мишень. Но сейчас это ничего не значило. Заметят меня в любом случае, а вот ответить ничем не смогут: камни не в счет против лука, да еще снизу вверх – они не

пляшут.

Стрела ударила идущего впереди шамана в голову, навыворот пробив череп и расплескав мозги. Вторая и третья уложили еще двоих. Причем последней я достал тролля в спину уже на чистом везении. А потом стрелять стало не в кого. тролли с непостижимой скоростью прыснули с тропинки в разные стороны и моментально скрылись из виду, буквально растворившись в лесу. Конечно, отстрел следовало начинать с тыла, перенося огонь от задних к передним, так бы они опомнились несколько позже, и я положил бы их больше. Но так я рисковал упустить шамана – уж больно проворны эти мерзавцы.

Плечо кольнуло. Я буквально почувствовал, как, почуввав поживу, там завожился спящий дракончик... но так и не проснулся. Видимо, расстояние до еды оказалось слишком велико. Оставив у меня полное ощущение, что он перевернулся на другой бок, зверек продолжал почивать. Я даже взглянул на наколку – нет, там ничего не изменилось. Похоже, это просто издержки плотного ментального контакта.

Если я что-то понимаю в тактике, теперь тролли попробуют меня обойти, попутно заняв господствующие высоты. С них станется устроить, например, обвал, обеспечив мне выдающееся надгробье, или затаиться и напасть из засады. Что-то, а прятаться гоминиды умеют отлично. Значит, мне надо или по возможности выбирать открытые пространства, где преимущество будет за луком, или подстергать их самому.

В отличие от прошлого раза, сейчас у меня имеется простор для маневра. А вот рыскать в поисках врагов явно не стоит.

Спускаться в лощину и осматривать трупы я тоже не стал – зачем давать противникам возможность себя окружить или навалиться всем скопом? – а, снявшись с места, побежал вдоль распадка, планируя оторваться от неприятеля. С тем, чтобы, когда супостаты оклемаются и пустятся вдогонку, успеть подготовить им достойную встречу.

Добежав до места, где ложбина изгибалась, я пересек ее и двинулся дальше вдоль долины. Не сомневаюсь, что враги скоро меня найдут – надо полагать, читать следы умеют, да и с нюхом у полулюдей наверняка все в порядке, но это и неплохо – не мне же за ними гоняться, а хвосты рубить надо.

Километра три я двигался по прямой, давая троллям втянуться в преследование; стремясь хоть немного усыпить их бдительность, создавал впечатление, что жертва удирает, больше не помышляя о засадах. Наконец, решив, что отбежал достаточно, я заложил петлю и залег на невысокой скале над собственным следом. Интересно, а как у троллей с верхним чутьем? Ну да все равно ветер в мою сторону.

Тролли появились минут через двадцать. Двигались они хоть и быстро, но осторожно, перемещаясь от укрытия к укрытию. Немного подумав, я отложил уже взятый на изготовку лук. Врагов было всего трое. Похоже, отряд разделся. Одна группа пошла прямо по следу, а другие, видимо, крадутся параллельными курсами. Если начну стрелять,

эту тройку, вероятно, уничтожу, но подать остальным сигнал они, скорее всего, успеют. Надо гасить всех сразу!

Не знаю, как обстояло с обонянием у троллей, но на меня псиной пахнуло, когда вороги находились еще метрах в пятидесяти. Надо учесть на будущее...

На руку было и то, что тролли двигались довольно компактной группой. Дождавшись, когда гоминиды окажутся прямо подо мной, я распрямился и с двух рук метнул в двух идущих позади копьё и топор. А затем, не теряя ни секунды, выхватил на лету кинжал и спрыгнул на плечи третьего. Мигом перехватив клинком горло сбитому с ног, ошарашенному троглодиту, я оглянулся на остальных. Один, с застрявшим в черепе топором, уже не ворохался, а второй, получив копьё справа в основание шеи, пока еще подергивался и булькал кровью, доживая последние секунды. Хорошая работа!

Получив наконец возможность подробно рассмотреть реликтовых гоминидов, я не преминул ей воспользоваться, но долго созерцать и исследовать тушки мне не дали...

Я был готов поклясться, что снял эту троицу почти бесшумно. Во всяком случае вякнуть враги не успели. Однако уже через пару минут имел возможность наблюдать шестерку уцелевших обезьян-переростков, с двух сторон спешащих на выручку. Телепаты они, что ли?! Принимать бой со всеми сразу было глупо, поэтому я предпочел ретироваться.

Следующие несколько часов мы с троллями играли в

прятки и догонялки на склонах долины. Установилось шаткое равновесие. После того как я, грамотно подловив, подстрелил еще одного троглодита, они четко осознали безопасную дистанцию и приближаться на расстояние выстрела не рисковали. И нападать не осмеливались: пока до меня доберутся, часть успею положить стрелами. А чего стою в рукопашной, они уже имели возможность выяснить. Оставалось им выжидать, надеясь, что я допущу ошибку и как-то подставлюсь.

Я в свою очередь был предельно осторожен, избегая мест, где на меня можно было обрушить камнепад или просто засветить из засады дубиной. От идеи опять уйти в отрыв тоже пришлось отказаться. Как я успел заметить, тролли передвигаются по горам не хуже меня – вернее, лучше. Сомнительно, что они опять упустят меня из виду, позволив устроить очередную западню. Скорее, обойдут и подготовят ловушку сами.

Мне уже давно казалось, что эти игры пора заканчивать, но как?! Рано или поздно я устану, внимание притупится, и все кончится плохо. Для меня плохо! Сидеть на одном месте тоже бессмысленно – тролли не отвяжутся, а я и так уже сам не свой от голода. Плюс в этих многочасовых маневрах был только один, правда, довольно жирный – в конце концов я научился отслеживать троллей, несмотря на отвод глаз и маскировку. На ходу отводить глаза тролли не умели. Если двигались очень медленно, их можно было заметить пери-

ферийным зрением, а вот когда замирали, становились буквально невидимыми. Но выход нашелся. Хитрость заключалась в том, чтобы не окидывать орлиным взором местность всю сразу, а последовательно, не перескакивая с места на место, вести взглядом, как прожектором, тщательно фиксируя детали и приметы. А когда почувствуешь, что взгляд хочет вильнуть, напротив, усилить внимание на этом участке. Тогда пелена спадает, и враг становится виден.

На этом погорел еще один тролль. Понадеявшись на свои хамелеоньи способности, он неподвижно застыл возле скалы, подпустив меня слишком близко. Чем я и воспользовался: сделал вид, что прохожу мимо, а затем, резко развернувшись, с тридцати метров навскидку всадил ему стрелу между удивленно расширившихся глаз. Жалко, что еще раз этот номер не пройдет – тролли учились быстро.

Еще одного раза не понадобилось. Исчезло давящее ощущение чужого взгляда, и я как-то сразу понял, что тролли ушли... совсем! Определенно какие-то телепатические способности у них имелись. Это трудно объяснить, но я доподлинно знал, что враги не вернутся, и склонен был своим ощущениям поверить.

Что подвигло гоминидов отступить, осталось неясно. То ли они осознали, что их маскировка больше не работает и ловить больше нечего, то ли их что-то спугнуло, а возможно, я слишком сильно проредил их невеликую популяцию, и гибель очередного сородича оказалась последней каплей. В

любом случае мне можно было с облегчением вздохнуть!

Глава 12

Надбровный валик – это результат болезненной гримасы, не сходившей с лица израненного в боях воина.

А. Майер (о неандертальцах)

Побродив по окрестностям и убедившись, что уцелевшие тролли действительно отправились восвояси, я вернулся к туше последнего, убитого стрелой в переносицу. Оттащил его немного в сторону – туда, откуда удобнее было наблюдать за окрестностями, а затем присел рядом и тяжело задумался... Есть или не есть?! Меня терзали смутные сомнения и вбитые в голову стереотипы: мол, «есть людей нехорошо». С одной стороны, тролль, конечно, обезьяна обезьяной, а с другой – и от человека в нем что-то есть...

Пока раздумывал, руки уже сами набрали дров и развели костер, оставалось освежевать тролля и повкуснее приготовить... В научном мире и то до сих пор не пришли к соглашению, где провести границу между обезьяной и собственно человеком – куда уж мне, да на голодный желудок! Если б вопрос стоял ребром и от этого зависело выживание, я бы не сомневался, записывая в провизию любого врага без дискриминации по видовому, расовому, половому и другим признакам. Да и так уже, прислушавшись к доводам желудка, склонялся волевым решением определить реликтового

гоминиды в один ряд с человекообразными обезьянами (хотя и их некоторые умники предлагают отнести к роду людскому) и немедленно употребить в пищу. Но мне помешали!

Необычайно обострившееся за последнее время шестое чувство подсказывало, что в окрестностях появился кто-то еще заинтересованный моей персоной. Что-то людно сегодня в горах... или обезьянно? Отложив дилемму с принадлежностью тролля на потом, я оставил в покое труп и вскарабкался на ближайшую скалу, с которой открывался хороший обзор.

Чутье не подвело. Со стороны распадка, по которому за мной пришли тролли, приближался отряд человек в двадцать, и солнце отблескивало на доспехах закованных в металл воинов. Нет, это не тролли. Да и не эльфы. Неужто действительно люди?! Присмотревшись, я обратил внимание на непропорционально широкие силуэты незнакомцев. Может, это из-за лат?

Дождаясь, когда группа подтянется ближе, я продумывал дальнейшую линию поведения. А гори оно все... Надоело бегать! Вот сейчас посмотрим на их реакцию. С этими мыслями я выпрямился во весь рост на вершине скалы. Заметили! Цепочка воинов на мгновение застопорилась, а затем так же целеустремленно двинулась дальше. Но повели себя незнакомцы правильно и никаких, обычно предшествующих нападению действий предпринимать не стали. Отряд не разделился – значит, окружить не стремятся. Попробуем

вступить в диалог.

Понаблюдав за приближающейся группой еще немного, я спустился со скалы и приготовился встречать гостей, правда, оставаясь настороже и не убирая оружия. Расовая принадлежность пришельцев сомнений уже не вызывала – меня навестили гномы! Странно... Судя по словам пленного эльфа, гномы обитают гораздо севернее. Или я сильно уклонился от намеченного маршрута? Хотя вряд ли. Ну да ладно, скоро все выяснится. Наверное...

Вопрос о пригодности в пищу тролля отпал сам собой. Жрать гоминида на глазах у гномов было несколько неудобно, мало ли как они к этому отнесутся. Не хотелось с самого начала портить отношения. Хотя, может, и напротив, стоило пригласить гостей к костерку, предложив отведать что бог послал. Посмотрим по обстановке.

Выбравшись на прогалину, гномы столпились шагах в десяти от меня, за спиной предводителя, не проявляя агрессивности и внимательно меня изучая. Я ответил им тем же. Здоровенные, приземистые, поперек себя шире мужики. Далеко не карлики – их средний рост колебался где-то в районе метра шестидесяти сантиметров, но некоторые были и повыше. Рыжеволосые и бородатые, они смотрели на мир и меня голубыми глазами из-под массивных надбровий. Бородачки выглядели на одно лицо – как родные братья, отличить которых друг от друга можно только по доспехам.

Большинство гномов было в кольчугах и банданах, хотя

некоторые носили бехтерцы или юшманы. Тяжелых панцирей и брони, как, впрочем, и набедренников с наголенниками, я не заметил, ну да не дураки ж они груды металла по горам таскать, а вот наручи и наплечники были у многих. Шлемы открытые, без изысков, в основном просто железные колпаки, правда, с бармицей, но без наносников, нащечников или забрал. У каждого – небольшой круглый щит.

Вооружены гномы были отнюдь не топорами и секирами... хотя и их отдаленными сородичами и прямыми потомками каменного топора: всевозможными боевыми молотами и кирками – чеканами, клевцами и им подобными.

Часть вояк имела тяжелые короткие копья, скорее даже рогатины, остальные были вооружены арбалетами, сейчас, на счастье, не взведенными. На поясе у каждого болтались то ли тесак, то ли полумеч и как минимум еще один нож. Плюс «козья нога» у арбалетчиков. Если гномы действительно, как им и положено, обитают в пещерах и подземельях, то такой набор оружия кажется вполне оправданным – большими железками типа секиры или эспадона там не размахнешься. Да и из доспеха самый подходящий – кольчуга и ее модификации: меньше стесняет движения в узких коридорах и переходах. В общем, серьезные ребята! Надеюсь, и я произвел хорошее впечатление.

Друг друга мы разглядывали около минуты, а затем стоящий впереди осанистый гном в богатом доспехе, определенный мной как предводитель, разразился длинной тирадой,

из которой я понял только то, что меня похвалили и поздоровались.

– И вам не кашлять, – пробормотал под нос я, а затем алаверды выдал витиеватый спич, больше заботясь о длине, чем о смысле. Используя эпитеты, которые почерпнул о гномах из земного фэнтези, – все равно ни черта не поймут, но звучит внушительно.

К моему удивлению, гном тут же перешел на русский, хоть и несколько архаичный, но даже не церковно-славянский. Черт, хорошо, что я ничего лишнего не ляпнул! А ведь мелькали мысли позабавиться... Впредь надо избегать подобных порывов!

– Ты русич? – поинтересовался гном. – Или уламр?

– Русский, – уточнил я и, видя непонимание на лицах, указал рукой в сторону востока. – Я пришел с той стороны гор.

– Ты похож на человека с Холодных равнин, а разговариваешь на языке русов. Это твой родной язык? – продолжал любопытствовать гном.

Не желая сразу открывать карты и вдаваться в пояснения, я неопределенно пожал плечами:

– Нет, мне неизвестны эти народы, – чуть покривив душой, сказал я и, уводя разговор в сторону, пригласил гномов к костру.

– Простите, что не могу предложить ничего кроме отдыха и беседы, но в последнее время у меня были некоторые сложности с охотой, если не считать этих, – небрежно махнув в

сторону дохлого тролля, пояснил я. А потом, усмехнувшись, прощупал гномов на предмет гастрономических предпочтений, вроде как пошутив: – Но не знаю, каковы они на вкус.

Центровой гном понял не слишком завуалированный намек правильно, но на тушу тролля не позарился. Степенно усевшись у костра, он отдал несколько распоряжений. Воины засуетились, развив бурную деятельность: часть ломанулась за дровами, остальные споро принялись извлекать из торб многочисленные припасы. Я мысленно облизнулся и потер руки. Перехватив мой голодный взгляд, гном понимающе ухмыльнулся. «Неплохие вроде парни, – подумалось мне, – но далеко идущие выводы делать пока рано».

– Меня называют Анар Медвежья Пасть, – представился гном.

– Волх, – в ответ кратко отрекомендовался я, непонятно почему заработав еще один удивленный взгляд.

Затем гном представил еще двоих соотечественников, младших командиров: Вейга и Свиора. И еще одного очень молодого гнома – Яри, – пояснив, что это его сын и заместитель. «Общество у них, похоже, сословное», – тут же сделал выводы я.

Если первые два гнома ничем особым среди остальных не выделялись, разве что более богатым доспехом, то Яри, напротив, обращал на себя внимание своим необычно высоким для гнома ростом – навскидку около метра восьмидесяти, и это при столь же мощном телосложении. Вдобавок из-

под нижней губы у него торчали натуральные клыки. Колоритный персонаж! Парню бы к стоматологу.

А потом мы плотно взялись за еду, попутно ведя неспешную беседу. У костра мы сидели впятером, остальные воины расположились несколько поодаль, разведя собственные костерки. Вейг и Свиор в разговоре почти не участвовали, подавая лишь отдельные реплики, а Яри и вовсе помалкивал.

Пища была непритязательна, но сытна и обильна: лепешки, сыр, буженина, вяленое мясо, дикий лук и пиво... вроде ячменное. Мне стоило большого труда сдерживаться и стараться есть неторопливо. Хорошо, что на съестное гномы не поскупились, сами будучи хорошими едоками.

Меня интересовало множество вопросов, но с ними решил пока повременить, так что спрашивал в основном гном.

– Куда ты направляешься? – поинтересовался Анар, смолв мощными челюстями очередной кусок жесткого, как сапог, вяленого мяса.

– На запад, собираюсь выйти к людям.

Гном покачал головой:

– Ты не пройдешь, там владения скоге. – Анар скривился. – А длинноухие не терпят в своих лесах чужаков. Почему ты не вернулся к своему народу?

Решив кратко поведать отредактированную версию своей эпопеи, я ответил:

– Я не знаю, где моя страна. Очнулся в горах, один. Потом на меня напали... Такие длинноухие ублюдки на крылатых

змеях... Скоге? – Гном кивнул, и я продолжил: – Мне удалось отбиться и даже захватить пленного. Тот и рассказал, что людей надо искать на западе. Вот вкратце и все.

– Тебе стоит поговорить с моим отцом, – что-то прикидывая, задумчиво произнес гном. – Примешь ли ты наше гостеприимство?

– С благодарностью! – ответил я, не видя причины, по которой стоило бы отказаться.

– Тогда собирайся, по дороге поговорим.

Мне собраться было – только подпоясаться, а гномы быстро погасили костры и свернули стоянку. Через несколько минут мы уже топали обратно, в сторону, откуда появились тролли, а за ними и гномы. Не удержавшись, я спросил Анара:

– А что делали здесь вы? Троллей отслеживали?

– Да. Разведчики заметили большой отряд, и мы решили проверить, что им понадобилось. Обычно тролли держатся на своей территории, а в набег ходят небольшими группами, по три-пять особей, а тут целых двенадцать. Чем ты им так насолил?

– Ручного медведя угрохал. А почему они ушли? Вас почувяли?

– Не знаю. Скольких ты убил? Мы видели семь тел.

– Десятерых. Еще одного – в скалах, а двоих – вчера выше по ущелью, – сказал я.

Гном уважительно хмыкнул.

– Скорее всего, у них мало самцов, большую часть ты уничтожил... И медведя. Так что они предпочли отступить, не рискуя потерять еще воинов и оставить племя почти без защиты.

Двигаясь в центре отряда, мы с Анаром продолжали содержательно беседовать. Я интересовался житьем-бытьем гномов и, как правило, получал ответы. Гном в свою очередь хотел знать, как я осилил горы, доступны ли они в принципе и чего хорошего там имеется, особенно в плане полезных ископаемых. Геологоразведкой я по дороге, естественно, не занимался, поэтому на его вопросы ответить мог не всегда. Но в целом общением были довольны оба.

Сославшись на полученную от эльфа информацию, я поинтересовался, откуда гномы взялись в этих местах, ведь их поселения должны находиться гораздо севернее.

– Твоя правда, – ответил Анар. – Сейчас народ dwarves обитает в горах к северу отсюда, но когда-то, очень давно, мы жили и тут, пока нас не вытеснили орки. Двадцать лет назад мой отец привел сюда почти пять сотен отборных бойцов, выбил орков из наших древних городов и закрепился здесь. Но вернуться обратно или принять переселенцев мы не смогли, оказавшись в ловушке. Пока мы воевали с орками, вычищая от них окрестности, длинноухие skog захватили северные леса, отрезав нас от остального мира...

Слушая разговарившегося dwarf, я оценивал сложившуюся расстановку сил и свои, в связи с ней, планы. Нелегкая

занесла меня в небольшой анклав гномов, окруженный со всех сторон врагами. С одной стороны – горы и тролли, на юге – точащие зубы орки, с остальных сторон – эльфы! Ситуация у гномов препаршивая. Да и у меня теперь тоже... А когда за последнее время она была хорошей?! Ладно, сиюминутной опасности нет, погощу пока у гномов-двергов, а там видно будет...

До твердыни двергов мы добрались без приключений. Тогда я и увидел город – нависший над небольшой долиной, сложенный известняком скальный массив, источенный жерлами пещер. Первое, что пришло в голову, когда рассмотрел вырубленные в скале проемы, лестницы и галереи, – это пещерные города в Крыму. Действительно очень похоже. Только несравнимо грандиознее! По словам Анара, сеть залов и ходов раскинулась на десятки километров, пронизывая горный отрог насквозь и уходя неизвестно на сколько в глубь земли. Некоторые ходы были даже не исследованы, а другие двергам пришлось завалить, обезопасив себя от непрошенных визитов кого бы то ни было. Что сказать? Карстовые пещеры, доработанные вручную, – колоссальный труд, хоть это и не Мория, но все равно впечатляет!

Возвращающихся воинов встречали у подножья горы. В небольшой толпе встречающих большинство составляли женщины и дети – видимо, ближайшие родственники. Когда же мы подошли ближе, мне попался на глаза стоящий в первых рядах подросток, и тут меня осенило. Я понял!..

С момента, как повстречал гномов, каждый раз поглядывая на них, я постепенно проникался убеждением, что где-то видел подобных людей и раньше. Мучительно ломал голову, как такое может быть, но ответа не находил. Озарение настигло только сейчас, когда увидел ребенка, подростка лет тринадцати по человеческим меркам. До этого осознать истину мешали инертность мышления и выбивающиеся из образа штрихи: окладистые бороды, наличие доспехов и хорошей одежды. Но тут в голове щелкнуло, и все стало на свои места. Вывод очевиден: гномы – неандертальцы! Это бесспорно! Мало, что ли, я видел реконструкций их внешнего облика.

Посудите сами: все, известное нам о неандертальцах, детально совпадает с описанием гномов. Привычка представлять неандертальцев одетыми в шкуры дикарями и замаскированные густыми бородами подбородки гномов помешали мне сразу разглядеть их разительное сходство. Вот они, стереотипы сознания! А сейчас факты складывались один к одному.

Прежде всего характерные особенности строения черепа: массивные надбровные дуги, скошенный лоб и слабо развитый подбородочный выступ присутствуют у тех и у этих. Идем дальше: мощный скелет, бочкообразная, расширяющаяся книзу (что обуславливает отсутствие талии) грудная клетка, небольшой рост – все сходится. Одинаковые пропорции тела: относительно короткие нижние и длинные верхние

конечности.

Считается, что неандертальцы были лишены воображения, что связано с малоразвитыми (по сравнению с современными людьми) лобными долями мозга. Эту же черту, наряду со скверным характером, приписывают и гномам. Хотя объем мозга у неандертальцев не меньше, а то и больше, чем у людей современного типа.

Наконец, и легендарные, и реально стоящие рядом со мной гномы, и ископаемые неандертальцы – жители пещер и подземелий! Достаточно? Ах да! И те, и другие рыжие...

Стройный ряд рассуждений портило только одно: меня несколько смущали женщины dwarves, в смысле озадачивали. Смуглые и черноволосые, они разительно отличались от мужчин, были гораздо грациознее и выше, а вдобавок обладали выпирающими из-под нижней губы клыками. «Наверное, чтобы из мужиков кровь пить было удобнее», – подумалось мне. Просто какая-то другая раса. Нет, я понимаю, это можно сказать и про женщин в целом, но тут было что-то другое.

Кстати, несмотря на длительное воздержание, влечения к неандертёлкам я не испытывал, хотя среди них попадались и почти совсем не страшные. Как-то это зоофилией отдавало. Видимо, есть что-то в предположении о том, что наши предки не смешивались.

Надеясь прояснить для себя такую вопиющую, выходящую за рамки обычного разницу между полами, я обратил-

сы с этим вопросом к Анару. Дверг отчетливо помрачнел, но все же ответил:

– Когда мы пришли сюда, женщин с нами не было. Мы надеялись послать за ними позже, но помешали скоге. Чтобы не вымереть, мы вынуждены были захватывать женщин у орков. Да и теперь многим молодым гномам приходится красть себе жен из стойбищ, и живым возвращается не каждый.

Что-то дверг не договаривал, но с этим можно будет разобратся позднее.

Присмотревшись, я заметил, что многие дети носят признаки смешения рас. Похоже, и с самого начала заинтересовавший меня сын Анара – Яри – полукровка. Не сказать, что это ему как-то повредило, скорее напротив – вон какой лось!

Получается, орки – это еще одна разновидность неандертальцев. Вроде были и такие, решил для себя я и на этом успокоился. А клыки... Ну что клыки? Мутация какая-то. Негры – те вон вообще почернели!

Ну, с гномами и орками понятно... Тролли, то бишь йети, – еще какой-то подвид гоминид. А эльфы, видимо, – потомки какой-нибудь из разновидностей хомо эрэктуса. Были у меня такие подозрения. Похоже, все вымершие на Земле расы перебрались сюда. Ну просто заповедник гоблинов какой-то! Или это на Земле заповедник... а то и заказник, а вдруг питомник?! А здесь как раз все нормально. Может, и на Землю люди пришли отсюда?! Честно говоря, ни одна из существующих на сегодняшний день гипотез о происхожде-

нии человека не выглядит убедительно и никакого доверия не внушает.

Тут меня посетила еще одна мысль: интересно, а искусственно скошенные черепа майя и других народов, косоглазие, вытягивание ушей или маниакальная тяга ацтеков к жертвоприношениям – это не дань ли моде на эльфов и валаров? Хотя какая сейчас разница. На данный момент все эти теории никакой практической ценности не имеют. Или все же имеют?

Сопровождаемые чадами и домочадцами dwarves, мы поднялись по каменным лестницам ко входу в одну из пещер, зашли внутрь и двинулись по широким коридорам вглубь скального массива, перемещаясь, вопреки ожиданиям, не вниз, а вверх. Как мне объяснили, сейчас жилыми были только верхние ярусы, ниже располагались мастерские, еще ниже – кладовые. Туда уходили карстовые полости, а все, что выше, было вырублено вручную.

Кое-где стены украшали причудливые фрески и барельефы, а освещались подземелья какими-то непонятными, дающими мертвенный свет светильниками, как я подозревал, магического происхождения – ну не электричеством же?! Тем более что никакой проводки не наблюдалось.

Пока шли, я с интересом прислушивался к оживленным разговорам вокруг. Не слишком вникая в содержание, больше вслушивался в звучание речи. По дороге сюда dwarves болтали не слишком много, а мы с Анаром беседовали по-рус-

ски. Он отлично знал язык (который называл языком русов или русичей) и лишь иногда вставлял в разговор слова дvergского наречия, что мне, естественно, нисколько не мешало.

Язык дverгов как будто состоял из двух совершенно разных частей. Некоторые слова я, улавливая смысл, повторить не мог при всем желании. Дело, видно, в строении гортани. Другие же выражения по звучанию напоминали какой-то из германских диалектов, искаженный до неузнаваемости. То же и с именами: одни были совершенно непроизносимы, а другие, с некоторыми поправками, даже где-то знакомы.

Часть народа по пути рассосалась, и под конец меня сопровождало только семеро дverгов.

Наконец мы достигли довольно большого сводчатого зала, стены которого были обильно увешаны оружием, черепами и шкурами животных. Там, где остались свободные места, проглядывала наскальная живопись, в основном на военную и охотничью тематику.

Кроме уже знакомых светильников зал освещали большие масляные лампы, рассеивающие полумрак светом живого огня. Центр занимали массивные деревянные столы и лавки. По сторонам зала топились огромные камины. В общем, строго и сердито! Где-то даже уютно. Похоже, помещение выполняло функции одновременно пиршественного, тронного... и бог его знает какого еще залов.

Почти на пороге нас встретила группа осанистых гномов, видать, старейшин... хотя, глядя на их иссеченные шрама-

ми рожи, я бы скорее охарактеризовал их как отъявленных головорезов. Правда, внешность обманчива – взять хоть меня...

Анар представил меня отцу, на вид самому матерому из dwarves – князю Альбриху (по крайней мере так я интерпретировал титул), а потом и остальным, отрекомендовав как непревзойденного Убийцу троллей. Я, понятно, не возражал, всем видом давая понять, что класть реликтовых гоминидов пачками и есть их на завтрак – мое обычное времяпрепровождение...

После взаимных расшаркиваний началась пьянка... обильно сдобренная тостами и здравицами. Меня, как почетного гостя, усадили слева от князя, по правую руку сел Анар, и понеслось!.. Веселились dwarves от души, даже звуки музыки, исполняемой на волынках, флейтах и барабанах, еле пробивались сквозь общий гвалт.

На пиру подавали дичь! Много дичи! Оленей, косуль, кабанов и битую птицу. Была и медвежатина. Это не считая сыров, колбас и холодных закусок.

Как я уже знал, местные гномы разводили коз и овец, в свое время отбив отары у орков. А врубившись, что застряли здесь надолго, одомашнили еще и диких свиней. Вся эта живность вольготно чувствовала себя на горных лугах, служа dwarves надежным источником пищи. Кроме того, в долине dwarves выращивали рожь и ячмень, а недостаток витаминов с успехом восполняли разнообразной зеленью. Все осталь-

ное добывалось охотой.

Всего за столами нас собралось человек пятьдесят, а прислуживали и подавали еду двергско-оркские женщины. Видать, до этих мест зараза феминизма еще не докатилась. И не скажу, что это меня огорчало.

Истекающее соком мясо готовилось прямо в пиршественном зале – в каминах, на решетках и вертелах. А запивали все это пивом, медовухой, настойками и хлебным вином – то бишь водкой, правда, последняя, на мой вкус, была слабовата. Менделеева на них нет! Впрочем, недостаточная крепость напитка компенсировалась отменным качеством.

Особого смысла описывать пирушку нет, она мало отличалась от какого-нибудь банкета у меня на родине, с поправкой на средневековый колорит, естественно.

Застолье продолжалось до глубокой ночи, а способностью уничтожать огромные количества снеди и не меньшие объемы спиртного дверги поразили даже меня. Однако разбредались все на своих ногах. Уже под занавес князь Альбрехт сообщил, что серьезный разговор будет завтра, а пока меня проводят в апартаменты.

Комната? Келья? Камера?.. Да нет, скорее, все же комната, что мне предоставили, оказалась очень даже ничего. Метров двенадцати, с застеленным циновками полом и завешанными шкурами стенами. В одной из стен комнаты находился уже кем-то протопленный камин.

Здоровенная кровать, или, скорее, нары, тоже была за-

стелена медвежьей шкурой, а сверху было положено шерстяное одеяло. Что-либо напоминающее белье отсутствовало как класс. Надеюсь, клопов или блох у них нет?!

Из другой мебели в комнате присутствовали: массивные деревянные стол, лавка и табурет, а также плетеное кресло возле камина. Нет, ну почти как в лучших домах... Единственное, что огорчало, – это полное отсутствие книг и некоторых других предметов обихода.

Сопровождающий меня гном показал, как пользоваться закрепленным на стене магическим светильником – всего-то потереть начертанную на нем руну.

Был в комнате и еще один осветительный прибор... Подойдя к столу, я взял лампу, снял стекло и понюхал фитиль. Хм... Керосин. Значит, где-то рядом есть нефть, и дверги умеют ее перегонять. Хотя чего там хитрого, не сложнее, чем гнать спирт. Вон, дикие чечены и то сподобились! А в зале-то лампы были масляные, наверное, чтоб ненароком не провонять парадное помещение. Но нефть – это хорошо, есть над чем подумать...

А еще в комнате было зеркало! Самое настоящее, стеклянное, в которое я не преминул заглянуть. М-да, хорошо Валар отметил. Слева, наискось через все лицо, от лба до края нижней челюсти, тянулся рваный тройной рубец. Если шрамы действительно украшают мужчину, то теперь я редкостной красоты экземпляр – писанный красавец!.. Или расписанный? Женщины должны штабелями падать от востор-

га... ну, или от ужаса, что более вероятно.

Дальнейший осмотр подтвердил мои внутренние ощущения – я действительно помолодел и выглядел теперь лет на двадцать пять, не больше. А это, что ни говори, неплохо! Пожалуй, положительные моменты перевешивают отрицательные. Сменять двадцать лет на шрам – такая сделка меня вполне устраивает. В целом удовлетворенный увиденным, я наконец отлип от зеркала.

Шкафов в комнате не было и в помине, только полки, куда я разложил невеликое имущество. А в отдельном закутке находились даже закопченная ванна над тлеющим очагом, раковина... и удобства. О как! У них тут и водопровод с канализацией имеются! В общем, жить можно. И неплохо! А первым делом – принять теплую ванну. Уже забыл, что на свете такое бывает!..

На следующее утро, сопровождаемый все тем же молчаливым дворгом, я посетил сначала трапезную, где сытно позавтракал, а потом предстал перед главой анклава. В кабинете у князя кроме него находились Анар и еще какой-то дворг преклонного возраста. И вот он как раз соответствовал прозвищу гном как никто другой из дворгов: хоть и широкий, как шкаф, но ростом менее полутора метров, да еще и сгорбленный – его руки почти доставали до пола. Вчера на пиру я его не видел, но сейчас буквально почувствовал переполнявшую карлика Силу... вызвавшую обильное слюноотделение. Маг! Как есть маг! Пока с трудом подавлял желание тут

же разорвать ему горло, за мной заинтересованно наблюдала вся троица, а маг, похоже, несколько напрягся.

Одновременно с этим в голове раздался панический вопль:

– Командир, тревога! Опасность! Враги! Беда! Маги! Еда! – на всех диапазонах вещал внезапно проснувшийся и, видимо, ошалевший от неожиданности дракончик. Меня аж подбросило... но и окончательно привело в чувство. Наверное, теперь начинаю понимать молодых мамочек... Вот не было печали!

– Спокойно, Мэд, все под контролем, – транслировал я дракону. – Ща разберемся...

Поприветствовав присутствующих, я замолчал и вопросительно уставился на князя. Тот тянуть не стал:

– Это Виндальв, – представил карлика Альбрех. Я сдержанно кивнул. – Среди dwarves настоящие маги рождаются крайне редко, а Виндальв наш – единственный. Он захотел с тобой познакомиться и принять участие в разговоре. Надеюсь, ты не против?

– Нет, напротив, мне будет интересно.

Внимательно рассматривая колдуна, я обратил внимание на знак, красовавшийся у него на щеке: чем-то похожий был у меня на ногте. Почувствовав мой интерес, несколько успокоившийся Мэд счел своим долгом проинформировать:

– Это посвященный земли.

– Мне кажется, ты не все рассказал Анару, – скрипучим

голосом на резком dwarfsком наречии вступил в разговор чародей.

– И что? – Я неопределенно пожал плечами, давая понять, что не обязан отчитываться перед первым встречным.

– Мы не желаем тебе зла. Напротив, можем помочь, но, возможно, попросим кое-что взамен. Для начала хотя бы большей откровенности, – вмешался в разговор Альбрехт. Я внимал, не пытаясь поддержать беседу, и dwarf, вздохнув, продолжил: – Хорошо, для начала расскажу, что нам известно, и, думаю, ты согласишься, что наш интерес оправдан... Ты попал в Сид с Земли! – припечатал князь и, не наблюдая никакой реакции, продолжил: – Не стоит делать из этого тайны, так здесь оказывались не только отдельные люди, но и целые племена и народы, по тем или иным причинам вынужденные покинуть Землю... Не исключение и dwarfs.

«И впрямь заповедник!» – подумалось мне.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что сюда люди попадали как случайно – ненароком наткнувшись на проход между мирами, – так и вполне осознанно – активируя переход определенным ритуалом, прежде широко известным. Кроме того, в прошлом между мирами существовало сообщение, и отсюда туда тоже можно было переместиться без особых проблем. Но с течением времени проходы по непонятной причине исчезали или переставали открываться, и сейчас гости с Земли – большая редкость, а вернуться назад и вовсе практически невозможно... Если и существует спо-

соб, то он известен только небольшому количеству посвященных – понимай, старейшим магам.

Вопрос о прародине человечества (в широком смысле) пока оставался открыт. Земля ли это, Сид или какой другой мир – дверги понятия не имели.

После князя слово опять взял Виндальв:

– Что касается тебя, Волх... Ты, скорее всего, Призванный, то есть человек, проведенный в Сид магом... Или, – Виндальв скривился, – богом! И эта метка говорит в пользу последнего! – Колдун обличающе ткнул пальцем в след от когтей Валара у меня на лице. – Таковую печать может наложить только один из Высших, это поймет любой маг и даже некоторые колдуны. И это неопровержимо свидетельствует о том, что ты посвящен кому-то из богов и преследуешь его цели! Это уж не говоря о других интересных способностях, – многозначительно заявил вредный карлик, – наделить которыми тебя мог только кто-то очень могущественный. Ты ведь не маг... я вижу?! – На двергском все звучало несколько иначе, но синхронный переводчик в голове интерпретировал сказанное магом примерно подобным образом. Я ненадолго задумался, а потом решил открыть карты – судя по всему, валары не пользовались здесь особой любовью и популярностью.

– Вы, наверное, правы. Может, я действительно и Призванный – что бы это ни значило. По крайней мере, встретивший меня Валар утверждал, что мое появление в этом

мире – его заслуга, – с нехорошей ухмылкой произнес я, – а печать... Печать – да, это тоже его подарок. Кстати, а валары – это действительно боги? – поинтересовался я и, не получив ответа от напряженно застывших dwarves, продолжил: – Но вот в остальном вы несколько ошиблись. Я преследую только свои цели, и никакие дранные во все дыры боги... или демоны... мне не указ! – отчеканил я. – А ублюдка, что оставил мне эти шрамы, уже нет!

– Что ты хочешь этим сказать? – напряженно поинтересовался князь.

– Я его убил! Зарезал!

Несколько секунд длилась потрясенная тишина, а потом Виндалвь и Альбрих одновременно выдохнули:

– Этого не может быть! – рявкнул князь.

– Как?! – буквально прошипел колдун.

Как ни странно, но поверили мне сразу. Может, у них такими вещами не шутят? После надо бы разобраться, но сейчас спрашивать об этом было как-то не с руки.

После моего заявления беседа продолжалась уже в более теплой обстановке. Мы наконец перестали стоять друг напротив друга, готовясь в случае чего вцепиться оппоненту в глотку, а расселись у камина. Князь приказал подать выпивку и закуски – хоть и с утра пораньше, но после такого напряжения всяко не повредит. Пожалуй, только сигар не хватало. Тогда я и выложил свою историю почти полностью, оставив за кадром только ручного дракона и некоторые мелочи

– в заглавнике тоже надо что-то иметь. Стоит отметить, что внимали мне затаив дыхание! Интересно, что Земля интересовала двергов поскольку-постольку, а вот мельчайшие подробности общения с Валаром из меня просто тянули клещами.

О своей способности пожирать души я тоже умолчал. Однако чертов маг как-то прочухал это и сам, мимоходом упомянув, что в будущем это создаст мне нешуточные проблемы. И грозит утратой душевного здоровья. Проще говоря – сорвет башню!

– Я думал, что убить бога невозможно, – переварив мою историю, выдавил князь.

– Валары, – брезгливо протянул Виндальв, – они любят корчить из себя богов, а на деле являются даже не магами, а капризом природы, недалекими паразитами, как-то приспособившимися тянуть Силу из паствы и получившими за счет этого небывалое могущество... Но я тоже считал, что они бессмертны, по крайней мере пока доят безмозглое стадо верующих. Однако теперь есть надежда... – задумчиво закончил маг. По-видимому, базируясь на полученной информации, он уже выстраивал антибожественную военную доктрину.

Дверги интересовались моими ближайшими планами. А когда я объяснил, что собираюсь пробираться дальше к людям, горячо поддержали это начинание, пообещав любую возможную поддержку.

Дверги собирались покончить со своей изоляцией и прорвать блокаду, но для этого требовалась помощь извне. Стало быть, необходим был человек, способный пробраться через эльфийские кордоны, дабы наладить связь и скоординировать действия сторон. Я, с их точки зрения, как нельзя лучше подходил на эту почетную роль. Тем более что все равно по пути. Дверги же — лазутчики неважные, и все предыдущие попытки просочиться через заслоны окончились полным провалом. Одним словом, в главном наши устремления совпадали.

Когда консенсус был достигнут, меня тут же принялись вводить в курс дела, обрисовывая проблемы, с которыми придется столкнуться по дороге, и щедро снабжая информацией о внешнем мире. Я жадно впитывал! Попутно мы набрасывали черновой вариант генерального плана, а время детализировать его еще будет. Уже сейчас было видно, что одна только подготовка потребует значительных усилий, не говоря уж о воплощении задуманного в жизнь! И прежде всего придется навести шороху в змеином эльфийском гнезде.

Заседали мы до самого вечера, прерываясь только на то, чтобы оторвать зубами кусок поданного служанками мяса или отхлебнуть глоток-другой пива.

Неожиданно мне пришла в голову мысль: а чего же я хочу на самом деле? Вернуться домой? Да что я там забыл! Всю жизнь не мог найти себе место, страдая от невозможности

реализовать свой потенциал. А теперь вдруг, когда, можно сказать, сбылись мечты, рвануть обратно?

Задумавшись об этом, я вдруг отчетливо понял, что к родным осинам меня давно уже не тянет. Нет, конечно, если появится возможность уходить на Землю и снова возвращаться сюда – это прекрасно, открываются невиданные возможности. Ну а если я застрял здесь навсегда? Значит, так тому и быть! Тоже мне, катастрофа.

В общем, меняем приоритеты. Решения выбраться к цивилизации все это не отменяет, тем более уже есть договоренность с двергами, а вот в общении с магами упор теперь стоит делать на помощь в противостоянии с валарами.

Кроме того, возможно, маги помогут разобраться с грозящей мне одержимостью. Виндальв утверждает, что это им по силам. Да и с печатью надо что-то решать: если каждый встречный кудесник будет знать, чья это метка, рано или поздно информация просочится куда не надо, и я спалюсь!

Помнится, меня беспокоило, с чем идти к магам? Сейчас ситуация изменилась, вернее, изменился мой взгляд на нее. Можно даже попробовать повернуть дело так, что уже не я буду в роли просителя, а чародеи выступят заинтересованной стороной. В конце концов информация о том, как убить бога, дорого стоит, а доказательства... Они у меня на лице!

Глава 13

*Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное...*

Н. А. Некрасов

На следующий день я опять посетил князя, чтобы окончательно согласовать генеральную линию нашего сотрудничества и уточнить некоторые детали, а потом отправился в мастерские. В помощь мне был откомандирован Яри, долженствующий взять на себя организационные вопросы. Мне оставалось без помех воспарять духом. К тому же Яри прекрасно говорил на языке русов, которому его обучали с детства, натаскивая, кроме того, как бойца, лазутчика и следопыта. Именно на него возлагалась почти безнадежная задача: проникнуть сквозь эльфийские кордоны... пока у двергов не появилось лучшей кандидатуры.

Первым этапом грандиозного замысла было создание оружия массового поражения! С последующим испытанием его на тех, кому сильно не повезет. Судя по всему, не повезти должно было троллям. Это входило в многоходовую комбинацию, существенно увеличивая вероятность благополучного исхода для всего гениального замысла. Ушлые дверги таким образом убивали нескольких зайцев, дополнительно ре-

шая собственные проблемы, малость подчистив окрестности от неудобных соседей. Впрочем, по поводу уготованной реликтовым гоминидам участи никаких сожалений я не испытывал – приличней надо было себя вести и медведей не науськивать!

Для начала я собирался осчастливить этот мир и конкретно братский двергский народ боеприпасом объемного взрыва (БОВ, который иногда ошибочно именуют «вакуумной бомбой»). Кроме всех своих замечательных свойств термобарический заряд бесподобно работает в подземельях, проникая в любые негерметичные укрытия. Что бывает очень полезно при выкуривании противника из всевозможных щелей и нор.

Вообще-то я думал использовать для своей затеи природный газ, но потом от этой мысли пришлось отказаться. Метан, конечно, всем хорош, но с ним будет слишком много геморроя – сжимать там его, сжижать. Нам бы чего попроще... По уровню развития техники дверги находились где-то в начале (максимум – середине) XIX века, а внедрять здесь продвинутые технологии я не собирался – все приготовления следовало закончить до наступления зимы.

Военное дело и вовсе застряло на уровне позднего Средневековья, что, впрочем, неудивительно – по причине отсутствия огнестрельного оружия, когда роль артиллерии выполняют немногочисленные маги. Меня вообще удивляло, как они и до этого дотянули, с учетом того, что время здесь течет

в три раза медленней, чем на Земле. Видимо, благотворно сказался приток людей оттуда.

Как выяснилось, порох и некоторые горючие и взрывчатые вещества на Сиде были прекрасно известны, но... пользоваться ими избегали – виной тому клятая магия! Оказывается, из-за наличия в окружающей среде сильного магического фона большинство взрывчатых веществ вело себя крайне нестабильно, угрожая в любой момент сдетонировать и разнести все вокруг. Вдобавок большинство магов умело дистанционно инициировать возгорание, надежно обеспечивая большие проблемы всем тем, кто рискнет применить какой-либо заряд. Потому речи об использовании пороха, горючих смесей и взрывчатки в боевых действиях и быть не могло!

Ну, это мы еще посмотрим! У меня есть рецептики, о которых тут и слыхом не слыхивали. А для экспериментов по воздействию магии на взрывчатые вещества вполне подойдет Виндальв – маг как-никак... да и сам я, возможно, сгложусь. Но все это чуть позже...

Раз здесь все так запущено – пойдем другим путем. Решением проблемы будут двух- и более компонентные взрывчатые вещества, отдельные части которых до смешения абсолютно нейтральны и безопасны. Мой мрачный гений уже измыслил подходящие варианты... пока в сфере чистого разума, но будем пробовать!..

Осмотрев кузницы, литейные цеха и прочие мастерские

двергов, я искренне восхитился – есть с чем работать! Особых проблем возникнуть не должно.

– Яри, скажи, а негашеная известь у вас имеется?

– Что? – Похоже, у нас возникло некоторое непонимание. Я не учел, что некоторые термины моего времени двергам могут быть непонятны. Пришлось объяснять на пальцах.

– М-м-м... То, что получают, прокаливая известняк. – Для наглядности я ткнул в сложенную этим самым известняком стену.

– Кипелка? Есть, – кивнул дверг и отвел меня к печам, где известь получали.

В дальнейшем мы научились понимать друг друга лучше, тем более что ничего за пределами сложного мне не требовалось.

Под моим чутким руководством печь загрузили уже полученной известью, но на этот раз вперемешку с измельченным антрацитом²⁷ – посмотрев на качество угля, я решил, что кокс²⁸ не понадобится. Только попросил раскошегарить топку несколько сильнее, чем обычно. Как дверги добивались высокой температуры в своих не слишком совершенных печах, для меня осталось загадкой, но я не слишком вникал – выходит, и ладно. Оставалось немного подождать... На

²⁷ *Антрацит* – самый древний каменный уголь с содержанием углерода до 95 %.

²⁸ *Кокс* – продукт перегонки каменного угля, нефти или торфа с большим содержанием углерода.

выходе должен был получиться карбид кальция.

В общем, мои ожидания оправдались: полученный продукт вполне соответствовал предъявленным к нему требованиям. То есть при взаимодействии с водой исправно выделял ацетилен! Что я не преминул немедленно проверить, поджигая газ на глазах довольных, как дети, dwarves.

Дальше следовало заняться корпусом бомбы. Мне нужен был стальной, разделенный на секции баллон. При взрыве хотелось по возможности избежать распыления воды, и отделение, куда будет поступать газ, должно было быть несколько менее прочным, чем те, где будут помещаться вода и карбид.

Объяснив dwarves, чего хочу, и набросав чертеж, я занялся приблизительным расчетом нужного для хорошего взрыва количества воды и карбида. Хотя чего там рассчитывать – наливай... да прячься!

Насколько я помнил, с килограмма карбида получается примерно триста литров ацетилена, может, чуть меньше. А сам ацетилен взрывается уже при давлении в полторы-две атмосферы! Чего еще надо?... Но для гарантии думал прицепить к баллону тлеющие фитили или что-то в этом роде. Посмотрим...

Короче, испытания прошли успешно: еб... бабахнуло – мама не горюй! Естественно, не с первой попытки... Нет, сам баллон взрывался исправно, но, чтобы получить ожидаемый объемный взрыв, пришлось повозиться, хотя результат того стоил!

Путем проб и ошибок удалось добиться того, что боеприпас срабатывал в заданном интервале времени, плюс-минус лапоть, конечно, но все же...

Изначально для инициации заряда я думал использовать простейшее приспособление – винт, закручивая который, нужно было прокалывать в переборке между карбидом и водой отверстие необходимого диаметра – в зависимости от количества оборотов винта. Но Виндальв подсказал другой способ решения проблемы – магический! Заклятая должным образом переборка разрушится сама, когда это потребуется подрывнику. А для того чтобы активировать процесс, магом быть вовсе не обязательно, достаточно просто обвести пальцем одну из выдавленных на корпусе баллона рун – удобно, ничего не скажешь! Да здравствует единение магии и взрывного дела!

На радостях и в качестве бонуса я познакомил dwarves с ацетиленовой горелкой и карбидной лампой, учитывая, что и самому может пригодиться – особенно лампа. Там все предельно просто, нужны только сопла и регуляторы подачи в емкость воды и выхода газа, плюс зеркальный рефлектор для карбидки. Ими можно было заниматься без отрыва от основной задачи, а вот остальные взрывоопасные примочки пришлось отложить на потом – время дорого! И так несколько дней уже потеряно, а пробираться через вражеские территории зимой, когда отчетливо виден каждый след, – дохлый номер! Пока я только озадачил dwarves поисками по-

требных ингредиентов, подробно разжевав, что может понадобиться, да на пару с Виндальвом малость поэкспериментировал с простейшими взрывчатыми веществами.

Едва стало понятно, что бомба работает, заказал изготовить таких для начала десятков – запас карман не тянет. А потом немедленно переключился на подготовку к рейду, подгоняя снаряжение и востря клинки.

Меня по такому случаю приодели – без изысков, но добротно: штаны, рубаха и камзол из некрашеной кожи. Плюс шерстяное белье и крупной вязки свитер – под землей это необходимые элементы одежды. Моя одежда к этому моменту настолько провоняла дымом и химией, что для скрытных налетов категорически не подходила – учуют моментом. По исполнению обновки мало отличались от того, что я в свое время скроил сам, но качеством значительно превосходили. Особенно порадовали сапоги – псевдомокасины моего производства им и в подметки не годились, ну не сапожник я.

Затем, сопровождаемый Яри, я проследовал в арсенал, где мне очень понравилось – так бы жить и остался! Но вот кольчуги или приличного доспеха нужного размера там просто не нашлось. Стоило позаботиться об этом раньше, сейчас терять время на подгонку и переделку не хотелось, а пользоваться кое-как сидящей броней было еще хуже. Из предложенного многообразия я выбрал только что-то типа портупей (не знаю, как назывался подобный изыск), состоящей из усиленных металлическими бляшками и кольчужным полот-

ном широкого пояса и плечевых ремней. Вдобавок с закрепленными на ней наплечниками и нагрудными щитками. Мне до сих пор был памятен удар троллей дубины, а портупею возможно было подогнать по фигуре. На глазах удивленных двергов я тут же закоптил блестящие, полированные поверхности над факелом – скромнее надо быть, особенно когда готовишь диверсию. Потом буду чернить-воронить основательней.

Присмотрел похожий на немецкую каску шлем – в подземельях будет нелишним, – заказав закрепить на нем карбидку и присоветовав поступить так же остальным диверсантам: свободные руки – большое преимущество.

Вся операция была затеяна ради того, чтобы раздобыть живого тролля, а лучше двух или трех!.. Идея отлавливать троллей в их же угодьях отдавала идиотизмом. Поэтому мы пойдем другим путем – подземным. Вынырнув на поверхность там, где никто этого не ждет, обделаем делишки, напакостив и тут же скрывшись обратно. Соответственно, на эту задачу и был ориентирован выбор оружия.

Из оружия я выбрал два ножа, которые тут же пристроил за голенищами сапог, и кинжал, подвесив его на бедре, – взамен кремневого. Еще взял кистень как нелетальное оружие – то есть не всегда летальное, нам ведь нужны пленные, а оглушить кистенем можно и аккуратно.

Топор оставил свой. Единственное – усилил топорище металлическими кольцами. По поводу топора, кстати, кузнецы

восхищенно закатывали глаза. Необычная бронза, из которой он был сделан, называлась орихалком, секрет выплавки которого был утерян еще в незапамятные времена. А в наложенном на оружие заклятии не смог разобраться и Виндальв, хотя утверждал, что вреда от него однозначно не будет. Поверим.

Верный лук, естественно, тоже остался со мной, я только пополнил запас стрел: воспользовавшись заготовками двергов, выстругал себе пару десятков, на этот раз оснатив их стальными наконечниками.

Напоследок подобрал себе короткий, чуть изогнутый меч, которым смогу в случае чего грамотно пырнуть противника. Меч не слишком отличался от бебута (разве что формой рукояти и наличием перекрестья), каковым я владел неплохо. Я невеликий мастер меча, скорее наоборот... собственно, в наше время на Земле таких мастеров просто не существует, соответственно и учиться не у кого, но короткие клинки — это что-то вроде хобби.

В прошлой жизни, если можно так выразиться, я отдавал дань увлечению фехтованием, впрочем, как и другим способам умерщвления ближнего, как с помощью различного оружия, так и без оно, заодно штудирова сопутствующую литературу, в частности фехтовальные трактаты XIV–XIX веков. В процессе познания выяснилось, что ни спортивное, ни тем паче сценическое фехтование к подлинно боевому не имеют ни малейшего отношения. Ну совершенно!

Спортивное фехтование, хоть и позаимствовало у боевого (французского дуэльного) некоторые ухватки (речь о фехтовании на шпагах, рапира и сабля никакого отношения к действительно боевому искусству вообще не имеют), все же выродилось, превратившись просто в один из видов спорта. Даже стойка, вернее, постановка ног современного фехтовальщика крайне затрудняет перемещение в какую-либо сторону, кроме как по прямой. Что неприемлемо даже для дуэли, не говоря уж о настоящей схватке, где противников может быть больше одного.

С историческим «типа фехтованием», усиленно пропагандируемым реконструкторами, дело обстоит не лучше. Скорее, много хуже! Поскольку не осталось не только людей, реально владеющих приемами боя на мечах, но и достоверной информации о предмете. Кое-что до нас дошло только из эпохи позднего Средневековья. Изображения на гравюрах, миниатюры, те же трактаты, да и шпага – по сути ведь тот же меч. Что сказать? Даже пользуясь современными самоучителями по боевым искусствам, где все предельно разжевано, мастером или даже сносным бойцом никогда не станешь, что уж говорить о средневековых методичках. А еще дальше в прошлое – вообще темный лес!

Можно привести один конкретный пример, наверняка не известный широким массам, да и нешироким, пожалуй, тоже, который, однако, напрочь перечеркивает все современные представления о фехтовании мечом. Рукоять меча в ла-

дони удерживалась: большим пальцем с одной стороны и тремя пальцами с другой, а вот указательный палец ложился сверху на перекрестье, упираясь в уплощенную часть клинка (иногда утверждают, что мизинец ложился на навершие, но это весьма сомнительно).

За доказательствами далеко ходить не надо. Не вдаваясь в подробности вроде колец или выемок под этот самый палец, достаточно взять в руку что-то вроде любимого всеми «каролинга» или просто посмотреть на его рукоять – четыре пальца там элементарно не укладываются! И не надо пороть чушь о subtilis сложении предков! Представьте себе нагруженную о весло лапу варяга: неужели она будет меньше вашей?! Хотя как раз их мечи наиболее ярко иллюстрируют приведенное выше утверждение. Позже появились кольчужные перчатки и латные рукавицы, так что рукоять меча несколько удлинилась. Справедливости ради надо отметить, что не все средневековые мечи допускали подобный хват, но как все это выглядело на практике, нам доподлинно не известно. Что уж тут говорить о фехтовании. Споры идут даже о том, как парировать удар: плоскостью или лезвием? А в общем-то, реконструировать то, что не имеешь возможности проверить в реальном бою, с моей точки зрения, попросту бессмысленно! Получается просто еще один вид спорта, почему-то претендующий на историческую достоверность.

Ну и еще пара моментов: в ряде случаев меч использовали как копье, зажав под мышкой или держа обратным хва-

том над плечом. Не слишком похоже на то, что показывают в кино, неправда ли?!

О приемах владения двуручником разговор особый. Здесь достаточно сказать, что у него существует так называемое рикасо – незаточенная часть клинка возле перекрестья, за которую можно перехватить меч, например в ближнем бою. Ну и, конечно, техника владения фламбергом или эспадоном не подразумевает таких элементов, как имитация взлета тяжелого вертолета.

Что касается японского искусства фехтования, то оно и заточено под японское оружие и мироощущение. Строго говоря, в европейском понимании оно и фехтованием-то не является. Ну, к примеру, как ножевой бой, который называть фехтованием тоже немного некорректно.

В Японии существует в основном две системы боя. Первая, собственно кен-до, заключается в выборе наиболее уязвимой зоны у противника и нанесении туда одного или серии ударов при использовании минимума фехтовальных элементов. Вторая техника и вовсе ограничивается одним, правда, очень быстрым ударом. Тут главное рубануть первым, а там хоть трава не расти. И этим все сказано! Что касается «бить первым», я, безусловно, согласен – дело хорошее, но вот что делать, если удар один, а врагов несколько? Проблемка, однако! А видели вы, как они бегают – на полусогнутых? Нормальный человек так передвигается, только если опаздывает в сортир... ну или уже безнадежно опоздал! А они так вою-

ют! Хотя, может, в этом и таится разгадка? Страшно ведь... Короче, мне не понять – самобытная культура.

Остальные азиатские стили единоборств и владения холодным оружием тоже достаточно экзотичны. Выработанные в определенных, весьма отличных от Европы условиях, с фехтованием европейским они имеют только очень отдаленное родство. И для европейца, обладающего другими менталитетом, пластикой, биомеханикой и сложением, совершенно не годятся. Недаром некоторые исследователи имеют наглость предполагать, хотя это чудовищно неpolitкорректно (о ужас), что европеоиды, монголоиды и негроиды произошли от разных обезьян – по-моему, не исключено...

В общем, если брать чисто членовредительские и смертоубийственные техники, то мне больше всего импонируют казачий спас, сават и, конечно, боевое самбо (которое раньше именовали рукопашным боем) – родное и надежное, как автомат Калашникова! А никак не гимнастика и балет...

Ну представьте здорового русского мужика, играющего главную роль в каком-нибудь китайском боевике... с «кия!», стилем пьяной обезьяны, прыжками и ужимками (про стиль пьяного тракториста, рессору и х...як – отдельный разговор). Забавно? А в исполнении азиатов смотрится органично.

Я склоняюсь к мысли, что большинство приемов и лишних телодвижений, например в кунг-фу, позаимствовано из богатейшего арсенала кошачьей разборки и подобных брач-

ных игрищ – когда прежде всего надо испугать противника угрожающей позой и истошным воплем или устыдить роскошным хвостом. Слабый духом отступит! Собственно, это и не скрывается, просто стоит взглянуть чуть глубже. Известно, что звериные стили скопированы с поведения животных. А когда происходят поединки у животных? Правильно, во время брачного сезона, и смертельные исходы там не правило, а исключение! Недаром утверждается, что настоящему мастеру даже не обязательно вступать в бой, достаточно принять позу... допустим... задумчивого орла – все сразу и поймут, что связываться не стоит. Разводка высочайшего класса! По-моему, для побоища не на жизнь, а на смерть все это не слишком подходит.

Большинство популярных сейчас восточных единоборств – распиаренные СМИ новоделы и просто гимнастика. Кроме того, что в реальном бою бесполезны, так еще и адаптированы под белого человека, как бывает адаптирована под европейцев китайская кухня – иначе жрать ее не станешь! Естественно, и так-то не слишком доступное европейцу качество страдает! Хотя с качеством большой вопрос... Например, великих китайских воинов не бил только ленивый. Они берут другим – количеством, плодовитостью и приспособленчеством – просто ассимилируя завоевателей.

Ну а если лезть к самым истокам... то восточные единоборства и вовсе пришли в Китай из Индии вместе с буддизмом. Бодхидхарма обучил шаолиньских монахов некоторым

воинским ухваткам – из жалости! Уж больно быстро откидывали копыта проводящие время в постах и молитвах монахи. Потом учение творчески перерабатывалось под себя, добавлялся «зверский» национальный колорит. А затем все это расплодилось дальше по Азии.

Из европейской школы фехтования до нашего времени со скрипом дотянули только приемы владения шашкой, ножом, штыком и кинжалом. Ну, с некоторым натягом, шпагой – в смысле боевой шпагой – умельцы кое-какие остались. Навыками обращения с этим оружием я ни в коем случае не пренебрегал, скорее напротив. А вот с людьми, действительно умеющими рубиться на саблях (не говоря уж о мече), если таковые остались, мне, к сожалению, пересечься не довелось... Хотя почему не довелось? Кое-где в исламском мире до сих пор помнят, с какой стороны браться за саблю, но с носителями традиций я находился по разные стороны от мушки, поэтому было как-то не до обмена опытом. Отсюда пробел в образовании. Но, чувствую, здесь, на Сиде, у меня еще будет возможность восполнить недостаток знаний – если раньше не прикончат...

Однако я отвлекся.

Наше альпинистское снаряжение особой изощренностью не отличалось: веревки, кошки, стальные костыли. Кроме того, я показал двергам способ спуска дюльфером и несколько хитрых узлов. И заказал изготовить простейшие карабины.

Мы выступили под покровом тьмы... хотя в подземельях

это совершенно без разницы. Собирались пощупать троллей за вымя на рассвете – как и положено в подобных случаях. Дверги споро размуrowали ведущий в нужном направлении проход, и мы углубились в лабиринт пещер.

Вместе со мной в набег отправилось двадцать dwarгов под командованием Анара и Яри. В роли колдуна выступал Сви-ор, как выяснилось, кое-что понимавший в магии и в отрядной табели о рангах занимавший место сразу за командиром. Итого, ровно две дюжины.

Правда, чисто dwarгами были далеко не все. Десяток Яри состоял из полукровок и орков, плененных в детстве и воспитанных надлежащим образом – янычарами! Пожалуй, это будет самым верным определением. Младшая дружина тащила на себе боеприпасы.

Я не собираюсь описывать красоты подземелий: сталактиты, сталагмиты, кораллиты и прочие прелести. Также не буду заострять внимание на трудностях, подстерегающих исследователя пещер. Тем, кто бывал в пещерах, это и так известно, а тем, кто не был, объяснять бесполезно – это другой мир! Надо почувствовать и ощутить на себе для начала хотя бы вечный мрак и давящий груз тверди над головой. Человек не создан для полета, но ползание под землей по большому счету тоже не его!

Метров через триста извилистый ход оборвался, превратившись в почти отвесный колодец. Скинув вниз веревки, мы приступили к спуску...

В авангарде отряда двигалась парочка матерых dwarves, участвовавших в исследовании подземелий еще до того, как те были замурованы, и ориентировавшихся в пещерах по каким-то только им понятным приметам. Одним из которых оказался уже знакомый мне Вейг.

Двигаясь по карстовым полостям, мы должны были пройти горный хребет насквозь и появиться в самом сердце территории троллей. Однако была одна сложность – в некоторых залах обосновались колонии летучих мышей... К сожалению, это были не обычные насекомоядные мышки, устрашающие только своим видом и опасные лишь тем, что могут быть переносчиками заразы, и даже не кровососущие нетопыри. Обжившиеся в подземельях твари мутировали в настоящих плотоядных чудовищ, став одной из причин, по которой dwarfам пришлось замуровать ходы. Ночами мышки выбирались на поверхность, охотясь за мелким зверьем, и поодиночке были не слишком опасны, но вот потревоженные в подземельях всем скопом способны были порвать на куски кого угодно...

Dwarves рассказывали, что на нижних уровнях подземелий завелись и вовсе невообразимые существа, но, к счастью, туда мы лезть не собирались.

Продвинувшись километра на два, мы в первый раз наткнулись на мышиную колонию. Сунувшись в очередной зал, разведчики мигом вернулись обратно и доложили, что тот облюбован нетопырями, гроздьями свисающими с по-

толка пещеры. Собственно, изготовленный мною боеприпас был предназначен, кроме всего прочего, решить и эту проблему.

Активировав заклинание, мы закатали баллон ацетиленовой бомбы в пещеру и поспешили убраться подальше. Но даже на приличном расстоянии ударивший по ушам грохот и толчок взрывной волны оказались весьма чувствительны.

Объемный взрыв в замкнутом пространстве – страшная штука! Когда мы вступили в зал, его пол сплошным ковром покрывали тысячи изодранных, обгорелых тушек. Я остался доволен, а вот хоть уже и знакомые с действием боеприпаса дверги пребывали в некотором обалдении.

Пройдя в буквальном смысле по трупам, отряд пересек ставший кладбищем зал и втянулся в уводивший дальше проход.

Этот день стал для мышей воистину черным: нам еще пару раз пришлось зачищать от них подземелья с тем же успехом – уцелевших не было.

Сложнее оказалось расправиться с нетопырями, небольшими сообществами гнездящимися в коридорах и проходах, где подорвать заряд и уцелеть при этом самим было весьма проблематично. К тому же запас бомб был не бесконечен, и расточать его по мелочам совершенно не хотелось. Однако даже относительно небольшие колонии летучих мышей способны были доставить массу неприятностей.

Заранее предупрежденный двергами, я знал, с чем при-

дется столкнуться. И на такой случай у меня имелась еще парочка приспособ, по сути элементарных, но от того не менее действенных. Сами дверги в подобных случаях пользовались сетями, в которых запутывались ориентирующиеся с помощью ультразвука мышки, а потом их забивали дубинками. Но подобный метод работал не всегда, требовал много времени и сильно тормозил движение. Все же перед нами стояла задача провести диверсионный рейд, а не полностью очистить от тварей подземелья. И целью были вовсе не эти летающие портянки – ими дверги смогут заняться позднее.

В общем, я пошел несколько дальше, добавив к способам двергов свои девайсы. Изделие номер один было предназначено сделать из нас нечто среднее между Соловьем-Разбойником и гамильтонским Крысоловом: свисток, выпускающий неповторимый, душераздирающий визг во всех диапазонах вплоть до ультразвукового и напрочь дезориентирующий нетопырей. От такого звука сводило зубы и у меня, что уж тут говорить о чувствительных эхолокаторах летучих мышей.

Второе изобретение дополняло первое: нечто вроде теннисной ракетки с расположенными вертикально тонкими лезвиями – вместо мяча предполагалась дезориентированная свистом мышь. Кто знает, может, потом это станет спортом?..

Обе конструкции проявили себя великолепно. Правда, вторая работала излишне кроваво и негигиенично, превра-

щая мышей в фарш.

Если не помогало и это или мышей было слишком много, то на сладкое оставались светозвуковые гранаты нашей с Виндальвом конструкции – моя идея, его исполнение. Яркую вспышку и грохот, оказалось, несложно получить с помощью одной магии без всякой взрывчатки. Просто раньше это было никому не нужно, а применять магию только для дезориентации противника пока никто не догадался, предпочитая использовать в бою заклинания помощнее. После применения этих хлопущек нетопыри листопадом осыпались на землю и могли только слабо шевелиться. Настоящие гранаты делать я пока не рискнул, уж больно непредсказуемо вели себя взрывчатые вещества.

Надо сказать, что проводники справились отлично: мы не только вышли там, где надо, но и избежали многих сложностей по дороге. Шкурники пришлось проходить только три раза, а сифонов мы и вовсе не встретили. Собственно, я с трудом представлял, как их преодолевать без водолазного снаряжения. Что касается колодцев, то, если нужные нам вели вверх, вперед выступал я, проवेशивая остальным страховку, что сильно экономило время.

Пять часов спустя через узкий лаз мы наконец выбрались на поверхность с другой стороны горного отрога. Была еще глубокая ночь. Как я успел убедиться, дверги видели в темноте лучше людей, но все же хуже меня, да и как лазутчики значительно мне уступали. К тому же точное местообита-

ние троллей двергам было неизвестно. «По ту сторону хребта» – не самый надежный ориентир. Как проводники здесь они оказались бесполезны. Поэтому на разведку я отправился один, осторожно двигаясь по лесу вдоль хребта и до предела напрягая все органы чувств. Троллей надо было обнаружить до рассвета, иначе весь день придется где-то отлеживаться, а разведку продолжать следующей ночью.

Поселение троллей я обнаружил только часа через полтора довольно просто – вляпавшись в троллье дерьмо! Неудивительно – ближайшие подступы к берлогам оказались невероятно загажены нечистоплотными гоминидами... С другой стороны, не ждать же от них теплого сортира. По дороге я разорил муравейник, тщательно извалявшись в нем, и пах, наверное, как один громадный муравей. Теперь к этому добавил еще один характерный запахок... Но нет худа без добра: будем надеяться, такой букет, если что, забьет мой собственный дух и собьет с толку засранцев.

Скальный массив дырявили три хода: два вниз и один повыше, по-видимому, сообщающихся где-то внутри и служивших троллям жилищем. Лежа метрах в двухстах от облюбованных троллями пещер, я, затаившись, следил за жизнью высших приматов. Собственно, никакого шевеления пока не наблюдалось, тролли вели дневной образ жизни и сейчас преспокойно дрыхли в своих норах. На виду оставались только четверо дозорных, подремывающих около входов в подземелья. Интересно, что мимирию они сейчас не вклю-

чали. Тихо снять часовых я бы, пожалуй, смог, но существовала одна серьезная загвоздка – обладающие некоторыми зачатками эмпатии-телепатии (хрен разберешь) тролли тут же почувствуют неладное. С такими задачами мне сталкиваться еще не доводилось – это хуже, чем радиосвязь. Надо было искать решение.

Провалившись в засаде еще около часа, я тщательно изучил окрест все, что можно было изучить, а потом потихоньку отполз еще метров на сто назад в лес и, уже безбоязненно встав на ноги, рысью отправился обратно – обсудить с соратниками диспозицию.

Что-то предпринимать этой ночью было уже поздно, и весь следующий день мы провели, схоронясь в каменной щели, из которой до того и выбрались, пытаясь выработать оптимальный план действий и уничтожая сухой паек: сыр, лепешки и вяленое мясо.

Ничего экстравагантного так и не выдумали: как ни крути, акция получалась простой, как мычание, и ничего поделаться с этим было нельзя. Стоит нам убить первого тролля, как об этом автоматически станет известно и остальным. Будь моя воля, я попытался бы просто выкрасть парочку троглодитов среди бела дня, предварительно их придушив или оглушив, но дверги настаивали на крупномасштабной диверсии. И возможно, были правы... Погоня на хвосте нам совершенно не нужна! Тягаться с троллями в скорости отряду не под силу. А так, может, и гнаться будет некому...

В общем, нам могла помочь только высокая слаженность действий, когда каждый из бойцов досконально знает свой маневр. Потренироваться или провести боевое слаживание мы не могли, но очередность и порядок шагов (кто с кем, куда, когда, как и по какому сигналу) дверги усвоили намертво, чему изрядно посодействовали набросанные мной схемы.

К тролльным пещерам мы подобралась в середине ночи и залегли рядом, дожидаясь первых признаков рассвета. Воины поудобнее устраивали оружие. Я обматывал полосками кожи гирьку кистеня. Через какое-то время ко мне подполз Анар и зашептал на ухо:

– Тут только самцы, это воинский лагерь.

Как ни странно, меня это порадовало. Во-первых, не придется резать самок и детенышей, а во-вторых, что гораздо существеннее, не надо будет ожидать мести взбешенных самцов – все здесь и полягут. Будем надеяться...

– Почему ты так думаешь? – тоже прошептал я.

– Караульные слишком молодые, в женских поселках таких не бывает.

Честно говоря, лично я отличить молодых троллей от пожилых не мог при всем желании, да и про то, что у троллей бывают отдельные поселения, слышал впервые, но Анару стоило верить.

– Как считаешь, сколько их может быть?

– Двадцать-тридцать, вряд ли больше. Тролли не живут большими группами – не прокормиться.

– Хорошо. Все остается без изменений. Ждем.

Когда небо на востоке посветлело, я жестом подал команду «Начали!» и пополз к пещерам. Сзади группами выдвинулись дверги, поочередно держа под прицелом четверку караульных, охраняющих две нижние пещеры.

Когда до первого часового оставалось несколько шагов, он подозрительно зашевелил носом – видимо, что-то почувствовав. Медлить было нельзя: я бросил в сторону камешек, на мгновение отвлекая его внимание – трюк старый, но от того не менее действенный, а затем взметнулся в прыжке, занося кистень. Среагировать он не успел и, схлопотав гирькой в лоб, завалился набок. Черепа у троллей, конечно, крепкие, но не настолько, чтобы без потерь перенести удар кистенем. Надеюсь, хоть жив остался – не зря же я гуманно усовершенствовал кистень, обернув гирьку кожей.

Одновременно с этим щелкнули арбалеты dwarves, и, получив по несколько болтов каждый, умерли двое караульных у другого входа в подземелье. Все! О скрытности можно забыть! Теперь вся надежда на скорость и слаженность действий.

Прикрывающие меня двое dwarves сноровисто пеленали оглушенного тролля. Не теряя ни секунды, я ринулся к последнему оставшемуся дозорному. Успев понять, что происходит что-то не то, тот поднимал дубину и возмущенно ревел. Я оказался быстрее. Взмахнув кистенем, обрушил его на тролля, и тот предсказуемо подставил под удар дубину.

Гирька просвистела возле удивленной морды незнакомого с таким оружием гоминида, а затем цепь обмоталась вокруг палицы, и я, продолжая движение, рванул оружие вправо и вниз. Отпустить дубину тролль не захотел, и его развернуло боком. Ну да это еще и лучше. Сильно ранить или калечить тролля не хотелось, поэтому, выпустив кистень из рук, я, заходя с открывшегося бока, резко сократил дистанцию и ребром ладони нанес удар ему по горлу. Тролль захрипел. Однако обольщаться не стоило: вряд ли такую махину можно вывести из строя одним, пусть даже могучим ударом. Даже изрядно ошарашенный бибизян был еще вполне способен наделать делов. Так что, не останавливаясь на достигнутом, я переместился ему за спину и капитально приложил кулаком в основание черепа. А потом, обхватив сгибом руки за шею, что из-за разницы в росте оказалось довольно сложно, подбил под колено, заваливая противника на землю. Вражина и не думал сдаваться: сначала он пытался избавиться от захвата, а когда это не удалось, попросту попробовал оторвать мне голову. К счастью, тоже безрезультатно. Руки короткие!

Еще с минуту я, вцепившись клещом, удерживал пытающегося сбросить меня тролля в партере. Мощные мышцы шеи не давали пережать артерии. Вот же живучая скотина! Человеку хватило бы любого из ударов, а этот еще барахтался. Я уже подумывал плюнуть на все и всадить ему в почку кинжал, но обошлось – тролль, наконец потеряв сознание, затих. В следующий раз нужно будет десять раз подумать,

прежде чем пытаться взять тролля живьем, голыми руками. Или хоть удавкой воспользоваться. Взвалив на себя обмякшую тушу, я потащил ее прочь от пещер.

Пока я возился, беря в плен охрану, дверги зря времени не теряли. Первых выскочивших из пещер троллей встретил арбалетный залп, оставивший перед входом парочку трупов, заставив остальных откатиться обратно. Перезаряжающих самострелы dwarves подстраховывали умеющие грамотно обращаться с луком Яри и еще двое янычар.

Под прикрытием стрелков к пещерам метнулись четверо молодых бойцов, таща с собой две оставшиеся бомбы. Магически выставленные на самый короткий запал снаряды благополучно улетели внутрь, а саперы проворно брызнули прочь.

Самым паршивым в боеприпасах была невозможность точно рассчитать время их срабатывания – баллон разрывает далеко не сразу после разрушения перегородки между водой и карбидом, должно создаться нужное давление газа. Максимум, чего удалось достичь, – это срабатывание боеприпаса через пару минут с люфтом приблизительно в полминуты – это был предел! Догадайся питекантропы вышвырнуть заряды обратно – вся затея пошла бы прахом, да и нам мало бы не показалось. Поэтому реакцию мы запустили заранее, при этом сильно рискуя.

До сих пор все шло как по нотам, но любая боевая операция, насколько бы хорошо продумана и подготовлена ни

была, не застрахована от случайностей. Можно только постараться свести их к минимуму. В общем, у нас появились потери. Возникший в проеме верхней пещеры тролль, уже истыканный болтами и стрелами, все же успел уронить вниз огромный булыжник, умудрившись при этом попасть прямо в одного из подрывников. Не спас того и шлем. К счастью, если можно так выразиться, это произошло уже после минирования пещеры, иначе последствия могли быть непредсказуемыми. Подхватив тело, оставшаяся троица саперов что было сил рванула к лесу. О случившемся я узнал позже, а в это время был занят, оттаскивая пленного на безопасное расстояние. Стрелки тоже организованно отступили подальше, под прикрытия деревьев.

Первый взрыв раздался, когда почти весь отряд уже успел укрыться. Только саперов уронило на землю взрывной волной, но серьезно никто не пострадал, их лишь слегка оглушило. Из левой пещеры вырвался здоровенный сноп огня, а окрестности осыпало разлетающимся щебнем. Хорошо, что у БОВ небольшая брызганность, не то каменной шрапнелью могло достаться и нам. Да и пещеры могло завалить. Хотя завалило бы – и черт с ним, меньше возни.

Через несколько секунд жахнуло во второй раз. Что творилось в самих подземельях, мне было страшно и представить. Достаточно сказать, что, подтверждая догадку о соединяющихся ходах, из верхней пещеры взрывом выбросило затаившегося там тролля, по которому сразу отработали арба-

летчики, нашпиговав болтами, как подушечку для булавок.

Зачищать подземелья пошли дверги... Вернее, младшая дружина.

– Яри, бери своих и посмотри там... – скомандовал Анар, без колебаний свалив грязную работу на молодежь.

Взяв свой десяток, исключая минеров, Яри отправился инспектировать подземные ходы. Остальные дверги оставались на поверхности – беречь тылы. А вот я не удержался и тоже полез за разведчиками. Но вперед не рвался – свое дело сделал: «языков» взял (хороши «языки» – одно название), а сражаться под землей двергам привычнее. Да и сложностей особых не ожидалось. Так и вышло: там, куда не достал огонь, поработала ударная волна. Пока соратники дорезали слабо шевелившихся уцелевших, которых, собственно, почти и не было, я, двигаясь следом, просто прикрывал группу штурмовиков, попутно осматривая пещеру, которая оказалась не такой уж и большой, разве что имела три входа.

Мы осматривали последние уголки, когда идиллию нарушил догнавший нас Свиор. Причем его левая рука кровила из-за содранной от плеча до локтя кожи.

– Заканчивайте здесь, – с ходу рыкнул колдун и только потом отрывисто пояснил: – Снаружи появились тролли. У нас потери. Анар приказал занять оборону у входа в пещеры....

– Их много... Очень много! – помолчав, добавил он.

Этого еще не хватало, такого сюрприза не ожидал никто!

– Оставь мне двоих и живо наверх, – скомандовал Яри

Свиор, а потом обратился ко мне: – Волх, тебе тоже надо к командиру.

Вот черт! Отметим наши успехи минутой молчания...

Глава 14

Чаще всего выход там, где был вход.
С. Е. Лец

Дойдя до места, где подземный ход разветвлялся, проинструментированный колдуном Яри свернул налево, уводя за собой четверых бойцов, а мне нужен был правый коридор. Тогда я и направился.

Метрах в пятидесяти от входа в пещеру я заметил два неподвижных тела на полу. Рядом, привалившись к стене, сидел дверг с окровавленной ногой и серым от боли лицом. Еще один раненный в руку воин стерег связанных троллей. Анар и еще трое двергов находились у самого входа, выставив наружу взведенные арбалеты.

– Ну, что там? – спросил я предводителя.

– Сам посмотри. Только аккуратнее, твари еще и где-то наверху засели. Может камнем прилететь, – предупредил дверг.

Следуя совету, я осторожно выглянул из пещеры.

– Ядрена кочерыжка! Откуда их столько?

Анар только пожал плечами.

В лесу около пещеры, там, где недавно прятались мы, теперь толпились тролли – голов этак сто! На уцелевшие остатки уничтоженного нами сообщества такое сборище гоминид

походило мало, да и на другое племя тоже. Скорее уж союз племен. Со всех окрестностей, видать, сбежались – и быстро-то как, часу не прошло! Вконец оборзевшие обезьяны даже не утруждали себя маскировкой, просто держались вне досягаемости выстрела. Хотя... я мог бы снять парочку из лука, но смысла в этом не видел – только разозлишь, а штурм нам сейчас ни к чему.

Ситуация выглядела паршиво. Прорваться нам явно не удастся, а если и случится такое чудо, то оторваться и уйти все равно не получится. Других выходов из подземелья тоже нет. Если тролли пойдут на приступ, то, скорее всего, мы отобьемся, если, конечно, они не решат положить тут почти всех, задавив нас массой. А вот обычную осаду нам долго не выдержать – здесь даже воды нет. Короче, полная жопа! Вариантов нет. Остается только красиво умереть, подороже продав свою жизнь. Но такой исход меня почему-то не устраивал.

– Что делать будем? – повернулся я к дворгам.

Анар, видимо, уже прикинул возможные варианты, поэтому ответил сразу:

– Если Свиор ничего не придумает, мы отвлечем внимание, ударив по троллям, а ты попытаешься проскользнуть. Шанс у тебя будет.

Я кивнул.

Готовность дворгов пожертвовать собой, позволяя мне уйти, не удивляла, но уважение вызывала. На мне был завя-

зан весь план кампании, а сейчас мы реализовывали только ее первую часть. Что до dwarves, то, как я успел убедиться, ценность отдельной личности у них стояла гораздо ниже интересов всего клана. Впрочем, такой подход раньше был не чужд и людям. Положить живот за други своя считалось нормой. Но это в прошлом. В последнее время на первый план вылезло беспокойство о собственном сытом брюхе и ни о чем другом. Можно сколько угодно хаять аристократию, которая, возможно, этого и заслуживает, но она никогда не позволяла себе превратиться в воющее от ужаса стадо... на терпящем кораблекрушение судне, допустим... Бывали примеры. Но это ни в коем разе не касается современной так называемой аристократии: эти ублюдки озабочены только собственным благополучием. Может, именно поэтому я и не чувствую ностальгии по превратившейся в помойку Земле.

Но что-то не вовремя меня пробило на отвлеченные темы, остались ведь незаконченные дела...

Что может сделать для нашего спасения Свиор, я уточнять не стал – колдун он и есть колдун. Авось чего измыслит. У меня другие задачи. Я молча повернулся и пошел в глубь пещеры к надежно упакованным пленным троллям.

В принципе вся дальнейшая процедура была продумана и отработана раньше еще Виндальвом, мне оставалось только четко следовать его указаниям. А идея дотащить троллей до самого дома и там плотно ими заняться хоть и была заманчи-

ва, но с самого начала представлялась откровенно неосуществимой. Ну как их будешь, например, по шкурникам протаскивать? И даже если это не брать в расчет, в такой ситуации пытаться тащить с собой пленных было, мягко говоря, неразумно.

Свиор и пара оставшихся с ним янычар из молодежи были уже на месте. Что надумал колдун по поводу нашего гипотетического спасения, я спрашивать не стал – все потом, сейчас главное – дело. Значит, мой выход!

Подойдя к пленникам, я отрастил на руках когти и несколькими отрепетированными движениями поочередно прочертил на лбу и груди у троллей некий символ, более всего напоминавший угловатую незаконченную восьмерку или знак Зорро... в корявом исполнении. Затем, скинув доспех, камзол и рубаху, окровавленными когтями процарапал то же самое схематическое изображение песочных часов у себя на предплечьях. Смысл подобных манипуляций от меня ускользал, но раз сказано, надо сделать. Попутно я бормотал тщательно заученное заклинание, сильно подозревая, что это просто мантра, предназначенная настроить сознание на нужный лад, хотя... кто его знает? Здесь вам не там! За спиной не в так подвывал Свиор.

Краем глаза я заметил, что колдун камлает над раненым в ногу бойцом. Это в планы не входило, но удивляться было уже некогда. Я тонул в ритме ритуала.

Перевернув троллей на живот, я когтями рассек ремни,

стягивающие им запястья и щиколотки, и отскочил в сторону. Почувствовав свободу, тролли проворно взметнулись на ноги (ну правильно: времени прошло немного, конечности еще не затекли) и тут же разошлись в стороны, обходя меня с боков. Чует кошка, чье мясо съела! И что сейчас произойдет. Ну так на то они и эмпаты, да и так несложно догадаться было... даже их куцыми мозгами. Но надо отдать врагам должное – сбежать и не попытались. Да и куда им бежать, если разобраться: из пещеры деваться некуда, а дверги мигом болтами наспигуют. Исчезать же прямо на глазах они, к сожалению, не умеют.

Один из троллей подхватил с полу увесистый обломок скалы, и его примеру тут же последовал другой. Пусть себе... Я, напротив, за оружие хвататься не стал. Что толку от того, что нашинкую их в капусту? С оружием это проблемы не составит – сейчас я в себе уверен, а возможности троллей мне известны. Тут нужно другое... И дело не в том, что мне претило кромсать безоружных, тем более сейчас уже и не совсем противников – было б надо, без проблем зарезал и связанных, они того заслуживали. А если и нет... то у меня на этот счет вполне определенные взгляды – на войне как на войне! А под любые конвенции, которыми, кстати, здесь отродясь и не пахло, я по роду своей деятельности не попадал и дома, как, впрочем, и мои там противники. Сейчас мне нужны души троллей! И я собираюсь их взять! Риск, конечно, есть, изрядный риск, но что делать? Как утверждал

Виндальв: получить душу жертвы я мог только после определенного ритуала. Кроме того, проблема состояла в том, что толком хлебнуть кровушки я мог, только достигнув изрядно взвинченного состояния. Иначе бессмысленно – просто попьешь гемоглобина. Это, безусловно, полезно, но не более того. А что лучше всего способствует подобному состоянию с выбросом нужной порции адреналина, как не хорошая драка?! Колдуны – это отдельный разговор, тут на душегубство меня и без церемоний провоцирует одно только их присутствие поблизости. Тролли же магами и волшебниками не являлись, просто имели кой-какие гипертрофированные способности к мимикрии, в меньшей степени присущие и некоторым животным... вроде тех же хамелеонов, головоногих моллюсков, камбал и т. д. К тому же, как мне теперь казалось, сообщество троллей было самоорганизовано наподобие рыбьего косяка или пчелиного роя, обладая чем-то вроде коллективного сознания и временами действуя как единый организм.

Подтверждая мою мысль, атаковали враги на редкость слаженно. Как будто до этого долго оттачивали умение действовать в паре. Один метнул камень, а другой в тот же момент рванулся ко мне, занося для удара руку с зажатым в ней острым осколком. Уйдя в сторону и чуть присев, я увернулся от метательного снаряда, перехватил атакующего тролля на замахе и, выламывая руку в суставе, перебросил его через себя, аккуратно в сторону кинувшегося на меня второго тро-

глодита. В спортивных единоборствах таких приемов просто нет, а всего-то и надо во время броска чуть довернуть захваченную руку, остальное сделает инерция. Обладающий завидной реакцией тролль сумел перепрыгнуть брошенное ему под ноги тело собрата, но все же замешкался, потеряв темп. Чем я тут же и воспользовался. Уклонившись от тянущихся ко мне лап и памятуя о невероятной живучести троллей, со всей дури влепил ему «тигриной лапой» в область сердца. Увенчанные когтями пальцы почти полностью погрузились в грудную клетку недруга, хрустнули ребра. У человека такой удар вызвал бы моментальную остановку сердца. Да что там остановку, я бы его просто вырвал! Но тролль сложением, комплекцией и крепостью скелета не уступал хороших размеров медведю. А медведь, как известно, даже с простреленным сердцем иногда может пробежать еще значительное расстояние. Поэтому я предпочел перестраховаться и ударом другой руки вырвал троллю гортань. Этого в любом случае должно было хватить! Меня окатило кровью, а тролль, зажимая разорванное горло, стал заваливаться назад. Готов! Он уже фактически труп.

В этот момент зашевелился качественно припечатанный о пол пещеры второй супротивник. Давать троллю время очухаться не стоило. Подпрыгнув, я с маху рухнул коленями ему на грудь, выбивая дух. А когда его согнуло, залепил основанием ладони в переносицу, ломая ее и смачно прикладывая тролля головой о каменный пол.

Оставалось довершить дело, ради которого и затевался рейд по душе гоминидов. Правая рука оглушенного тролля, выломанная в локтевом суставе, опасности не представляла, а левую я на всякий случай заблокировал, взяв за пальцы на болевой – теперь не рыпнется. Клыки отросли сами собой, и, наклонившись, я рванул ими горло врага. Рот наполнился соленой влагой. Тело пронизало вспышкой наслаждения и наполнилось силой, а бьющийся тролль неожиданно затих – мертв!

Легко отшвырнув не менее чем трехсоткилограммовый труп, я поднялся на ноги, переполненный бурлящей энергией, прислушался к себе и миру вокруг. Что-то явно изменилось. Затрудняюсь сказать что, но теперь я ощущал себя и окружающую действительность несколько по-другому, чем до схватки. Похоже, сработало! Но необходимо проверить. Ударом ноги в висок добив все еще бьющегося в агонии и никак не желающего помирать тролля с вырванной гортанью, я скользнул за выступ скалы, ненадолго скрывшись от глаз стоящих в некотором отдалении dwarves. Как включается маскировка троллей, я и понятия не имел, поэтому, оказавшись за выступом, не мудрствуя лукаво, просто сильно пожелал стать как можно более незаметным. А потом осторожно выступил из-за прикрытия, наблюдая за реакцией dwarves. Судя по тому, что они продолжали пялиться на скалу, за которой я прятался до этого, меня не видели. Все удалось, как надо!

Меня вдруг захлестнул волна эйфории. Появилось шальное желание немедленно отчебучить что-то эдакое! Мелькнула даже идиотская мысль, пользуясь невидимостью, малость подшутить над соратниками. Но тут события завертелись со страшной силой, проветривая мозги и напрочь отменяя любые поползновения помаяться дурью.

От входа в пещеру раздался крик дозорного, оповещающего, что тролли двинулись на приступ. Сразу после этого Свиор проорал команду об отступлении. И немедленно из проходов начали появляться оставленные охранять входы в пещеру бойцы. Как будто они только этого и дожидались! Это что – у нас теперь колдун за главного и мы позиции сдаем?! Не успел я как следует удивиться таким пертурбациям, как стало еще интереснее... Повернувшись к раненому двергу, над которым колдовал до этого, Свиор что-то ему сказал, и тот, кивнув, не мешкая и без колебаний вонзил себе в грудь кинжал. Ну ни хрена себе! Что здесь у нас вообще творится?! Я-то думал, что Свиор пытается подлечить бойца, а тут такое... Подлечил, называется!

Я почувствовал, как на плече обеспокоенно завожился Мэд. Последнее время дракончик ничем о себе не напоминал, довольствуясь ролью картинки. Являясь личностью в высшей степени самодостаточной, он самоуглубленно разбирался с доставшимся от предыдущих поколений обширным багажом знаний или размышлял о высоком – точно не знаю... А тут вдруг очнулся.

– Большое колдовство, командир! Очень опасное! – проинформировал подрабатывающий магическим детектором ящер.

Каким-то образом отреагировать на предупреждение я не успел. Свиор завыл что-то вовсе нечленораздельное, и словно в ответ на этот зов стены пещеры содрогнулись, а с потолка посыпались камни. А затем раздался оглушительный грохот обвала.

«Ну все, трындец! Щас завалит на хрен!» – пронеслось в голове.

На мгновение почудилось, что на меня оценивающе смотрит кто-то огромный и не слишком добрый, а потом это ощущение пропало... Одновременно закончился и камнепад. И вопреки моему пессимистичному прогнозу, мы оставались целы: обрушились только выходы на поверхность, удачно отрезав нас от троллей и, видимо, похоронив рвавшихся в первых рядах. Наши уцелели все, успев вовремя отступить, и теперь толкались вокруг. Неслабо Свиор колданул!

Это все, конечно, хорошо, но как теперь выбираться? Пещера-то других выходов не имеет, сам видел. Даже если нам удастся разгрести завалы, в чем я лично глубоко сомневаюсь – конкретно все обвалилось, – за ними будут подстерегать враги. Получается, что пнем по сове, что сову об пень – все одно помирать. Только теперь гораздо дольше и паскуднее: от голода и жажды. Если только у Свиора в запасе не осталось других полезных фокусов? Да и вообще стран-

но... обычный колдун, каковым, собственно, Свиор и являлся, выдать заклятие такой силы был просто физически не способен. А тут на тебе! Надо прояснить ситуацию. Потом...

Как выяснилось, Свиор знал, что делает. Следуя за ним, наш уменьшившийся до двадцати бойцов отряд углубился в подземелье и, пройдя пещеру до конца, оказался перед рассекающей пол трещиной. Раньше ее здесь не было. То есть изначально проход, естественно, существовал, должна же была куда-то уходить промывшая пещеру вода. Но потом, видимо, осыпался, а тролли довершили дело, похоронив его под вековыми отложениями «культурного слоя»²⁹. Теперь проход открылся опять! Не теряя времени, один за другим мы спустились в уводящую в неизвестность узкую трещину.

Метров триста, сосредоточенно пытаясь, мы двигались в глубь земли почти ползком по тесному лазу, а потом ход вывел в обширный зал. Анар объявил привал – всем требовалось немного прийти в себя. Последние несколько часов оказались очень напряженными. И только тут я наконец собрался задать Свиору поднакопившиеся за последнее время вопросы. Но колдун опередил, обратившись ко мне сам:

– Ты хочешь знать, что произошло наверху?

Я молча кивнул.

– Я воззвал к Рюбецалю – только он мог открыть нам про-

²⁹ *Культурный слой* – отложения, связанные с жизнедеятельностью (любой) человека (или почти человека).

ход. Это делают очень редко – слишком велика бывает плата, да и помогает он не всегда. – Про плату это он верно подметил, должно быть, закалывающий себя кинжалом дверг – хорошая цена! – Когда я увидел, что у тебя все получилось, – продолжал колдун, – я посвятил Рюбецалю жизнь второго тролля, а затем принес себя в жертву Текк! Сложись иначе, нам пришлось бы кидать жребий. И неизвестно, сколько раз!... – многозначительно добавил Свиор.

Значит, пожертвовавшего жизнью дверга звали Текк. Я и не знал...

– Рюбецаль – кто это? – без особого интереса спросил я. – Очередной местный божок?

– Не совсем... – замялся Свиор. – Горный дух. Душа гор, можно сказать. Мне трудно объяснить... Дух – это одушевленная стихия. А бог...

– Понятно, проехали, – оборвал колдуна я.

Все, что надо, выяснил, а тонкости классификации сверхъестественных существ меня сейчас волновали несильно. Испытанные недавно эмоциональный подъем и сильное нервное напряжение уступили место апатии. Да и смерть Текка оставила неприятный осадок – все, что связано с жертвоприношениями, с некоторых пор сильно меня нервировало. Отойдя от колдуна, я развалился на полу и попытался расслабиться. Дверги тоже отдыхали. Кто-то, как и я, разлегся на камнях, кто-то перекусывал, некоторые бинтовали раны, а уж совсем неугомонные подгоняли снаряжение.

Где-то через час мы двинулись дальше. Часть карбидных ламп оказались утрачены, поэтому некоторые воины извлекли из мешков тусклые магические светильники, а другие спешно готовили факелы.

Не знаю, стоит ли сказать спасибо горному духу, но дорога через подземелья оказалась относительно несложной – по крайней мере без шкурников и сифонов. Даже когда выбрались к подземной реке, вдоль русла оставалось место для прохода, так что сплавом или скалолазанием заниматься не пришлось.

С берега в воду проворно порскнуло несколько непонятных зверюг, обеспокоенных нашим неожиданным появлением

– Что это было? – поинтересовался я у Свиора.

– Скр-рхи, – доходчиво объяснил колдун.

Синхронный переводчик в голове буксовал, но для себя я тут же обозвал редкостную живность сикарахами, попутно подивившись созвучности непонятно откуда всплывшего в голове слова с внешним видом тварюг. Они выглядели как обыкновенные полутораметровые ракоскорпионы, вымершие на Земле дватцать миллионов лет назад. Не буду я в этой речке купаться... На хрен надо!

А потом мы нырнули в очередной проход, уводящий в нужную сторону. Вел нас теперь Свиор, ориентируясь в пещерах то ли внутренним чутьем, то ли получив необходимые рекомендации от Рюбецаля. Об этом колдун не распростра-

нялся.

Летучих тварей нам тоже почти не встретилось – несколько гнезд летучих мышей не в счет, они даже не пытались напасть. Ну и мы оставили их в покое.

Кроме этого, заслуживающее упоминания событие случилось только одно: виляющий подземный ход вывел нас в гигантский зал, где когда-то случилась битва! Свет от факелов, светильников и карбидок растворялся во мраке, не достигая противоположных стен и потолка пещеры. Зато там, куда доставали лучи, плотно устилая пол, виднелись сотни полуистлевших костяков, облаченных в траченные временем доспехи. От останков веяло невообразимой древностью. Тут не веками – тысячелетиями пахнет! Думаю, только редкостно благоприятный микроклимат пещеры обеспечил костям и оружию такую замечательную сохранность. Ну, может, и без магии не обошлось... об этом мне судить сложно.

Славно парни повоевали! Не знаю, остались ли после этой битвы уцелевшие, но мне почему-то казалось, что нет.

Давя сапогами рассыпающиеся в прах кости, мы вошли в зал. Это не от неуважения к павшим воинам – просто ступить было почти некуда. Скелеты лежали сплошняком, а иногда и вовсе образовывали небольшие курганы, скорее всего, на месте наиболее жарких схваток.

Когда-то здесь сошлись в бою три расы существ, три непримиримых врага – судя по положению костей, можно было предположить, что каждый бился сам за себя.

Большинство скелетов, безусловно, принадлежало оркам – уж очень характерно скалили клыки некоторые черепа. Другая часть, по-видимому, являлась останками dwarves... или кого-то очень на них похожих – те же пропорции тел. Но больше всего меня заинтересовали скелеты последней расы. Эти были в меньшинстве и находились как раз в тех местах, где огромные груды костей неопровержимо свидетельствовали о наиболее жестоких побоищах.

Стараясь не слишком тревожить мощи, мы разбрелись по залу, осматривая место давней битвы. Я заметил, что dwarves потихоньку мародерствуют, перебирая валяющееся на полу оружие и части доспехов, но без особого энтузиазма. Оно и понятно, с орков брать было и вовсе нечего: распolzшиеся от времени кожаные панцири с костяными накладками, каменное и медное оружие никому не интересны. Разве что археологам... Но таковых среди нас не случилось.

Древние dwarves... или кто они там, были экипированы лучше: большинство в бронзовые доспехи, сейчас окислившиеся и позеленевшие, но от этого пострадавшие не слишком сильно. Чем-то они мне древнегреческие напомнили, хотя сходство было весьма отдаленным. Может, просто первая ассоциация с бронзовым доспехом? Некоторые шлемы, кирасы, наплечники, поножи или наручи оказались богато украшены – золотом-серебром и даже самоцветами... которые теперь увлеченно выковыривали их потомки! Оружие предков, именно как оружие, dwarves почти не заинтересо-

ло – неудивительно, бронзовые мечи, топоры и копья на фоне стальных выглядят довольно убого. Мои соратники брали только те, которые выделялись богатой отделкой или драгоценностями, да и то как бы неохотно. Позже я выяснил причину такого пренебрежительного отношения к ценностям – сказалась длительная изоляция, торговать стало не с кем, кичиться богатством тоже не перед кем. Если бы не врожденная тяга dwarves к блестящим предметам, не взяли бы вообще ничего!

Оживление наблюдалось только тогда, когда кто-то находил клинок или изделие из черной бронзы. Такая вещь бережно укладывалась на самое дно заплечной торбы, а нашедший ее счастливчик всем своим видом излучал полное довольство. Но таких находок было мало...

Как мне показалось, костей, оружия и доспехов третьей участвующей в битве расы dwarves вообще не касались, чуть ли не обходя стороной. Такая избирательность заслуживала особого внимания. Антропология – не мой конек, но тут и не надо быть крутым специалистом, и так понятно – эти скелеты принадлежали людям! В смысле именно *homo sapiens*. Хотя... мало кто из современных людей мог бы похвастаться подобными ростом и комплекцией – при жизни любой из павших воинов был гигантом могучего сложения, не менее чем двухметрового роста... Мне под стать! Я живо представил себе этих людей и вдруг мучительно захотел оказаться среди них, пусть даже готовящихся принять последний

бой. Усилием воли выкинув из головы непрощенные мысли, я тяжело вздохнул и, вытащив кинжал, принялся выковыривать грубо отшлифованные рубины из валявшегося рядом бронзового наруча — пригодятся.

Постепенно золотая лихорадка поглотила меня с головой, я перемещался от одной груды костей к другой, выискивая наиболее ценные доспехи, а потом варварски кромсал и курочил их, выламывая золотые пластины и драгоценные камни.

Стальные латы и оружие людей были гораздо лучше остальных, намного лучше! Но именно что были... их съела ржа! Сталь, если она не легированная, отвратительно переносит время. Но, к сожалению, нержавеющей тут и не пахло. Проржавевшие насквозь панцири, клинки, кольчуги и секиры разваливались от первого прикосновения. Кроме того, в отличие от своих противников, пустым украшательством древние воины явно пренебрегали, судя по всему, их девизом была голая функциональность. В итоге полный облом для мародера. Оставалось довольствоваться тем, что было на скелетах dwarves. Зато на них побрякушек было в достатке! Иные доспехи оказывались украшены не хуже новогодней елки. А некоторый «золотой запас» мне точно не повредит. Мало ли как жизнь повернется?!

Добравшись до одной особенно выдающейся груды скелетов, я уже привычно начал разгребать завалы перемешанных с металлом костей, откладывая в сторону особо пригля-

нувшиеся находки, чтобы потом заняться ими плотнее. Внезапно моя рука наткнулась и извлекла на свет неожиданный предмет: разомкнутый шипастый обруч из тяжелого металла, цвета черненого серебра, ни капельки не пострадавший от времени. Шлем не шлем, корона не корона, но что-то вроде. В передней части изделия красовались три острых, слегка изогнутых шипа или рога, если такими кого боднуть, мало не покажется! Примеренный на голову обруч оказался впроу. Полезная вроде вещица, да и цены, похоже, немалой!

Заинтригованный, я продолжил раскопки и вскоре откопал владельца короны. То, что это был именно он, сомнений не вызывало – остальная амуниция воина была под стать короне. Скорее всего, мне повезло наткнуться на предводителя людей. Его оружие, а пуще того габариты и, главное, гора вражеских скелетов, под которой он оказался погребен, вызывали нешуточное уважение. Дал он им тут прикурить! К сожалению, большая часть оружия и доспехов вождя не избежала участи остальных, превратившись в труху, но кое-что уцелело.

Копаясь в останках, никаких моральных терзаний я не испытывал: моя прежняя специальность приучила к подобным вещам. А что касается мародерства... в данном случае это как наследство получить – ему оружие уж точно не пригодится, а вот мне еще хорошо послужит. Я бы лично не возражал, попади мои вещи, естественно, после смерти, в хорошие руки. А свои руки я считал вполне достойными.

Как уже говорилось, кольчуга, панцирь и остальное железо на войне сгнили, но вот наручи оказались целы. Изготовленные из того же непонятого сплава, что и корона, и так же ошетилившиеся шипами, они остались абсолютно не тронуты коррозией. Их я тут же защелкнул на предплечьях, предварительно избавившись от самодельной клыкастой краги. По моему разумению, подобная защита должна преспокойно выдерживать удар меча или сабли.

Следующим приятным сюрпризом стала обнаруженная на покойнике сложная двойная перевязь, позволяющая крепить оружие как на боку, так и за спиной, с прицепленными к ней мечами. Перевязь, как и ножны мечей, изготовленные из черной чешуйчатой кожи неизвестного зверя, оказались неподвластны времени. То же касалось и самого оружия. Потянув за рукояти, я обнажил клинки и, крутанув мечи в ладонях, нанес несколько ударов воображаемому противнику. Рассекаемый воздух отозвался недовольным шипением. Когда гипотетический враг оказался повержен, я перекинул левый меч в обратный хват и добил мерзавца!

Баланс у оружия оказался отменным. Но подобных клинков мне доселе не встречалось. Короткий прямой меч под левую руку хоть и являлся вспомогательным оружием, был одинаково пригоден и для резни в сутолоке, и для парирования ударов, представляя собой некую помесь из даги и кацбальгера³⁰. Буду звать кошкодером. Второй меч был несколь-

³⁰ *Кацбальгер, кошкодер (нем.)* – короткий меч, вспомогательное оружие ландс-

ко длиннее, к тому же слегка изогнут, он будет хорош и для фехтования, и для рубки. А его как окрестить – живопыром, что ли?!

Продолжая вертеть драгоценные находки в руках, я в задумчивости звякнул одним клинком по другому, и они вдру отозвались необычайно чистым, высоким звоном. Заинтересовавшись, я теперь уже придирчиво осмотрел оружие. По черному с красным отливом металлу клинков змеился прихотливый, коленчатый с поперечными прядями узор. Так и есть – это настоящий булат!

Булат часто путают с дамаском, но делать этого не стоит – разница очень велика. Обе стали узорчатые, но дамасская хоть и хороша, уступает булатной по всем статьям. Булат или вутц³¹ – литая сталь, секрет изготовления которой в наше время безвозвратно утерян, и ни один другой металл не обладает таким удивительным сочетанием твердости, вязкости и упругости! Дамаск же, иногда называемый сварным булатом, получают, многократно перековывая стальные полосы разной твердости и состава.

Хороший булатный клинок можно согнуть в кольцо, рассечь им подброшенный в воздух волос или рубить гвозди без ущерба для тончайшей заточки лезвия.

Точно определить, какой булат пошел на этот клинок, мне так и не удалось: среди известных разновидностей похожих

КНЕХТОВ.

³¹ *Вутц* – слиток булата индийской выплавки.

не встречалось. Безусловно, один из лучших сортов, вроде хорсана или кара-тобана³². Но оттенок металла другой, да и узор необычный.

Незаметно подошедший Свиор мельком взглянул на клинки в моих руках и скупно прокомментировал:

– Харалуг. Лучше оставь здесь.

– С чего бы это вдруг? – удивился я.

– Ничего хорошего от него не будет. Это оружие наших врагов.

– Ну так не моих же, – уперся я, совершенно не собираюсь бросать отличное оружие, притом из легендарного харалуга, которого на Земле с седой древности никто и в глаза не видел. К тому же у меня было четкое ощущение, что оно досталось мне не просто так и я все делаю правильно. Интуиции надо доверять!

Убедившись, что я не намерен следовать его рекомендациям, хмурый Свиор ушел, а я продолжил свои археологические изыскания.

Следующим найденным артефактом³³ стал кривой харалужный кинжал, вышедший, без сомнения, из-под того же молота, что и оба меча. Ломать голову над тем, почему уцелело именно это оружие, я не стал: хрен его знает, что они в этот харалуг добавляли и каким колдовством при этом пользовались – уцелело, и отлично!

³² Лучшие сорта персидского и индийского булата.

³³ *Артефакт* – любой предмет со следами деятельности человека.

Последним был найден массивный, прикрывающий фаланги сразу трех пальцев перстень-кастет, который тут же занял свое место на среднем пальце моей левой руки – самое то, будет челюсти крошить.

Была еще здоровенная двухлезвийная секира, скорее всего из орихалка, которой воин и накрошил этакую тучу врагов, но ее я брать не стал – топор у меня имеется, и не хуже, а жадность до добра не доведет. Учитывая вооружение, которое было у меня до этого, я и так теперь напоминал передвижную оружейную лавку. Дверги кидали на секиру возделенные взгляды, но никто не позарился.

На этом добыча закончилась. Вообще-то для князя или вождя негусто, хотя... это как посмотреть, может, так и надо. Святослав, вон, из всех княжеских регалий довольствовался одной золотой серьгой, а князем и воином был не из последних.

Под осуждающими взглядами dwarves я довольно бесцеремонно разбросал остатки костей, скрывающих скелет вождя, а потом завалил его найденными поблизости камнями. Напоследок водрузил на могилу героический топор и, отдавая дань уважения павшему воину, отсалютовал мечом.

Моя «золотая лихорадка» как-то сразу закончилась. Дверги тоже постепенно уgomонились, под завязку набив защечно-заплечные мешки. Минут через пятнадцать мы покинули ставшую полем битвы пещеру. А еще через пару часов наконец увидели свет в конце туннеля.

От выхода из подземелья открывался прекрасный вид на... раскинувшееся внизу стойбище орков! Мне слышался рокочущий хохоток. Надо полагать, это последняя шутка Рюбецаля? Вот ведь падла!

Глава 15

*Гарантия мира: закопать топор войны вместе
с врагом.
С. Е. Лец*

Схоронившись за обломками скал у выхода из пещеры, Анар, Яри, Свиор и я наблюдали за стоянкой орков, дожидаясь ночи и обсуждая, что будем предпринимать. Остальных dwarves мы пока загнали обратно в подземелье – такое скопление народа неподалеку от стойбища орки могли и примечать.

По моим впечатлениям, одобренным комментариями dwarves, жизнь орки вели простую и безгрешную, изрядно смахивающую на быт североамериканских индейцев. Разве что лошадей не имели. Но те тоже до появления европейцев с лошадьми были незнакомы. Здесь с лошадьми все было в порядке, но, похоже, орки просто не знали, что с ними делать, разве что сожрать.

Одежда из сыромятной кожи, прямые черные волосы и размалеванные то ли боевой, то ли ритуальной раскраской рожи дополняли сходство. А то, что эти рожи клыкастые, издавна было не особенно и заметно. В довершение картины некоторые носили в волосах перья. Пожалуй, единственным существенным различием были только сами фигуры орков, малость отличные от человеческих.

Оружие оказалось тоже вполне индейское: копья, простые луки, боевые дубинки... ну и ножи, естественно. Большинство орков имели томагавки – куда ж без них?! Хотя томагавки это или боевые топоры, с нашего места было не распознать, да и отличие в принципе невелико. Щиты тоже попадались. Доспехов воины не носили, хотя дверги утверждали, что хоть кожаные, но они обязательно должны быть, скорее всего, орки просто не надевали их в лагере, что понятно – кто же будет таскать броню дома. А мечей я заметил только пару штук, да и те наверняка были трофейные, как, собственно, и большинство из имеющегося у них металлического оружия. Сами по себе орки с грехом пополам умели плавить только медь и бронзу.

Даже жилища клыкастых, наблюдаемые мной сверху, сильно напоминали классические типы... Ну или чумы с ярангами, кому как больше нравится. Разница невелика: и одно, и другое, и третье – конической формы жилища на каркасе из деревянных шестов, крытые шкурами или другим подходящим материалом – шатер, одним словом. И не путать с вигвамом – ошибался Шарик.

Со слов моих спутников, нравы в среде орков тоже царили самые что ни на есть дикарски-бесхитростные. В двух словах: если просто набег, то чисто с целью воспитания молодого поколения и поддержания имиджа бывалых вояк. Не упуская, естественно, материальной выгоды, как-то: покражи имущества и женщин. Если межплеменная резня, то

обычно без фанатизма, ну а если рейд на чужаков, то тут уж как получится. Единственное, что неприятно, – парни не брезговали человечинкой... или двергятинкой... или даже эльфятинкой, не говоря уж о троллятинке. Что у соседствующих с ними народов симпатии, разумеется, не вызывало, провоцируя естественную ответную реакцию – вырезать сразу под корень, от мала до велика. Что и понятно – поглотить берцовые кости пленных врагов, предварительно их как следует помучив, орки обожали всем кагалом, включая старых, малых и слабый пол. Хотя самые вкусные части доставались, разумеется, вожакам или же особо отличившимся в бою экземплярам.

Так что меня не особенно поразил вкопанный посреди лагеря столб с привязанным к нему пленником, как это было принято у «настоящих индейцев». Я даже умилился такой картине, отчетливо отдающей романтикой Дикого Запада. Судя по антуражу и следуя законам жанра, скоро должны были налететь отважные ковбои, пострелять дикарей и освободить заложников... тьфу, то есть пленников. Но brave парни не налетят – приползем мы. И не сейчас, а ночью. Только вот пленнику жить осталось недолго, уж больно рьяно взялись за него орки, тыкая в тело жертвы различными острыми предметами. Жаль его, конечно, но ничего не поделаешь, мы не в Голливуде. А вдвойне жалко было потому, что, похоже, это был человек! Точно сказать было нельзя, отсюда хрен разглядишь, но общие пропорции тела пленни-

ка наводили именно на такую мысль. Как его сюда занесло? Поспросить бы!

По моим прикидкам, взрослых орков, а значит воинов, в лагере было около полусотни, может, чуть больше. Это не считая стариков, женщин и детей. Многовато, конечно, нас всего двадцать, но на нашей стороне будут превосходное оружие dwarves, их выучка и, главное, внезапность. Попробуем. Деваться нам некуда, обойти клыкастых индеев не выйдет никак – заметят и обязательно нападут. Вот прорваться напрямик у нас бы получилось. Но это означает отдать инициативу врагу и потом иметь за спиной обозленного противника и, соответственно, большой геморрой – нет уж, спасибо! Будем резать!

Наблюдая за лагерем, я поймал себя на том, что тихонько напеваю: «А чукча в чуме ждет рассвета». Пожалуй, не дождется! Нападать решили не на рассвете, как это обычно делается, а сразу после полуночи. Тому были свои причины – они тут тоже не дураки и в «собачью вахту» заступают только самые опытные воины, которых сложно застать врасплох. Уж о повадках своих извечных врагов dwarves осведомлены были прекрасно, да и сами зачастую действовали схожим образом.

Диспозиция была предельно проста. Дозорных мы насчитали семерых, разместившихся попарно с трех сторон от стойбища, плюс еще один в центре лагеря у костра. Хотя последний был, скорее, не дозорным, а так... дежурным –

много ли увидишь в темноте, учуешь или услышишь, сидя у огня. Опасность со стороны гор орки проигнорировали. Караулы сменяются примерно каждые два часа. Одной парой часовых мне и предстояло заняться в первую очередь. После наступит черед шамана, жилище которого располагалось несколько на отшибе. Шамана даже издали безошибочно опознал Свиор, тут же расставив приоритеты. Потом по обстановке... Главное, пользуясь троллей маскировкой, потихому взять в ножи как можно больше врагов, а дальше в дело вступят дворги! Четверо из «янычар», лучше всех обращающихся с луком, снимут стрелами оставшихся караульных, а после будут прикрывать ударный отряд, заодно занимаясь отстрелом разбегающихся орков. Оставшиеся бойцы, разбившись на тройки, пройдут по стойбищу стальной метлой, уничтожая все живое на своем пути. А там как карта ляжет... Вот, собственно, и весь план. Не шедевр, конечно, но лучшего у нас не было – слишком мало нас для подобной операции.

Дождавшись нужного часа, я жестом подал сигнал дворгам и размытой тенью скользнул в сторону орочьего дозора, со стороны, должно быть, напоминая пресловутого Хищника из одноименного фильма. Не повторить бы его судьбу: заметить меня было сложно, но вот слуха и обоняния орков никто не лишал. Хотя, может, «отвод глаз» действует и на другие органы чувств? Возможности проверить у меня пока не было, так что на это полагаться не стоит. Надо быть по-

аккуратнее!

Чтобы не заснуть, караульные неторопливо прохаживались вдоль периметра стоянки, то сходясь вместе, то расходясь в стороны. Дождавшись, когда они повернутся друг к другу спиной и разойдутся шагов на двадцать, я начал действовать.

Подобравшись к первому орку, я вырос у него за спиной и встречным движением рук резко скрутил ему голову, левой рукой толкая в затылок, а правой рванув за подбородок, на себя и вверх. Хрупнув шейными позвонками, он умер, так и не успев ничего понять. Осторожно опустив обмякшее тело на землю, я выхватил кинжал и метнулся к следующему часовому. Тот, видать, что-то почувствовал, уже начал оборачиваться, распахивая для крика рот... в него-то и угодил выданный из-за пояса и брошенный орку в лицо кистень. Гирька влетела прямо в открытую пасть, кроша зубы и заставляя врага подавиться криком. Сделать что-либо еще занятый своими проблемами орк не успел – я был уже близко. Вогнав кинжал часовому в левую почку, я провернул клинок в ране, надежно отправляя врага в Края Счастливой Охоты. Или куда там положено отправляться оркам после кончины? Такие ранения гарантированно вызывают мгновенную потерю сознания с последующим летальным исходом. Так что о нем можно было больше не беспокоиться.

«Черт! Чуть было не погорел! Просто удача, что орк не успел заорать – весь план насмарку бы полетел».

Переведя дух, я осмотрелся. Вроде все тихо. Поддерживающий огонь орк беспокойства пока не проявлял. Ну и отлично! С другой стороны стойбища оставалось еще четверо дозорных, но это уже не моя забота, ими займутся остальные несколько позже, когда я наведу шороху... во всех смыслах. Как бы ни хотелось, но провернуть подобное мероприятие без шума невозможно. Рано или поздно, но кипеж обязательно поднимется.

По плану моей следующей целью был шаман, который мог доставить нам массу проблем в случае драки. Свиор утверждал, что местный колдун из прирожденных магов – то есть опасен вдвойне. По его душу я и отправился, дежурного оставив на сладкое.

Подкрадываясь к жилищу шамана, я уже издали ощутил запах его крови, вернее, магии в ней. Каждая новая встреча с магами обостряла мою чувствительность к колдовству. Экий я теперь чувствительный! Похоже, скоро научусь чують магов за километр даже без помощи Мэда.

Оказавшись у примеченного засветло шатра, я разрезал завязки входа у самой земли и, готовый к любым неожиданностям, ужом скользнул внутрь. Неожиданностей, к счастью, не случилось – там все спали. Ну пусть и продолжают почитать – скоро уже вечным сном! Кроме колдуна в чуме оказалась еще парочка орков, от которых тоже отчетливо пованивало колдовством: неопределенного возраста орка (видимо, жена или подручная) и молодой мужчина (наверное, сын или

ученик)... Но в любом случае не жалец. Орке я без сожаления приложил кулаком в висок: выживет — значит повезло, а нет — да и хрен с ним, не очень-то и хотелось, небось, немало человеческих косточек перемолола на своем веку зубками, теперь уже частью выпавшими, частью гнилыми. А молодого орка, предварительно зажав ему ладонью рот и придавив ноги, чтоб не взбрыкнули в агонии, я аккуратно пригвоздил кинжалом к земле... пару раз, для гарантии. Все это не заняло и пары секунд. Настала очередь шамана. Разорвать ему глотку хотелось до скрежета зубов, но гигантским усилием воли я сдержался. Разрабатывая диспозицию, решение, как поступить с колдуном, оставили на мое усмотрение — по обстановке. С одной стороны, вывести его из строя было необходимо в любом случае. Иначе наш налет мог закончиться с непредсказуемым результатом. С другой, живым он нам тоже нужен — были на него некоторые виды в свете грядущего прорыва блокады. Не придется еще раз ходить в рейд на орков за другим шаманом. Конечно, лучше бы подошел обыкновенный шаман, не прирожденный, его Свиор смог бы контролировать, а от этого не знаешь, каких сюрпризов и ожидать. К тому же, если что-то пойдет не так и наша авантюра потерпит фиаско, шаман может уцелеть, а это грозит нам большими неприятностями. Но волков бояться... я решил рискнуть, правда, основательно подстраховавшись.

Тюкнув рукояткой кинжала по темечку, я погрузил сладко спящего колдуна уже в полную отключку, а затем начал вя-

зять запасливо прихваченными как раз на подобный случай ремнями. Надежно спеленав шамана, дополнительно растянул его между поддерживающими шатер шестью так, чтоб не мог и шевельнуться. Затем, разжав кинжалом челюсти, вставил в рот обрезок подобранной тут же палки и зафиксировал ее ремнем, крепко стянув узел на затылке. Теперь не вякнет! Потом и глаза завязал – от греха... вдруг он каким телекинезом владеет, нехорошо может выйти. Оставался последний штрих. В который раз остро пожалев об отсутствии гранат – растяжку бы поставить, – я принялся изобретать некую конструкцию, призванную обезопасить нас от мести шамана в случае провала операции. Над распятым колдуном я на ремне подвесил найденное в чуме копьё. Наконечник копья, чтоб не болтался, ременной петлей зафиксировал на направляющих, не пожалев на это дело парочки стрел, воткнув их в землю по обе стороны от шеи шамана. Другой конец привязанного к копыю ремня закрепил на входе таким образом, чтобы при откидывании заменяющей дверь шкуры он неминуемо соскочил. Вроде нормально получилось. Теперь, попытайся кто войти в жилище, сорвавшееся копьё, пробив горло, пришьилит шамана к земле. Ну, своих-то я предупрежу, да и не полезет никто – это оркам в случае чего сюрприз будет.

Уходя, я на всякий пожарный решил связать и орку: мало ли очухается. Но этого не понадобилось – она уже окочилась. Что ж, значит, не повезло!

Выйти через дверь я не рискнул, опасаясь потревожить настороженное устройство, а покинул шатер через стену, прорезав почти незаметную щель у самой земли. Собой я был зело доволен. Главное сделано! Особо меня радовало, что сумел сдержаться и не выпил мага, даже несмотря на недовольное ворчание Мэда.

Самолюбование до добра не доводит! Пробираясь между шатрами к центру стойбища, я нос к носу столкнулся с выбравшимся «до ветру» или подышать свежим воздухом орком. Треск сучьев в близком уже костре помешал мне вовремя расслышать его шаги, а стелющийся в мою сторону дым – учуять. Не знаю, что подумал орк, неожиданно узрев перед собой крадущуюся размытую фигуру, но издать удивленный возглас успел. Правда, негромко. Больше в этой жизни он не успел ничего, я среагировал быстрее. Выбросив вперед левую руку, схватил его за шею, перекрывая кислород и сминая в ладони горло. А сжимающей кинжал правой снизу вверх один за другим быстро нанес три удара в левое подреберье.

Отбросив мертвое тело, я замер, сканируя обстановку. Все было тихо, только сидящий у костра орк завертел головой, видимо, что-то почувствовав. Освещенный костром, он представлял собой отличную мишень, и я, особо не раздумывая, метнул ему в спину кинжал. Клинок вошел под левую лопатку, и орк, хрипя, завалился лицом в костер. Зашкворчали сгорающие волосы, в воздухе отчетливо потянуло палеными шерстью и мясом.

Можно считать свою миссию выполненной, а заползать в каждый шатер и резать там всех подряд – занятие неблагодарное. Сон дикаря чуток, в конце концов обязательно нарвешься и либо получишь нож в брюхо, либо окажешься в западне! К тому же теперь счет пошел на минуты – любой вылезший проветриться орк сразу заметит непорядок. Надо подавать сигнал своим.

Кричать диким зверем или лесной птицей да еще посреди лагеря я не собирался, не надеясь обмануть слух прирожденных охотников своими потугами. Они почувствуют диссонанс даже во сне, и это сработает лучше любой побудки. На этот счет у нас с предводителями отряда существовала отдельная договоренность. Дверги должны были ударить, ориентируясь на панику в лагере, а если ее не будет, то по моему знаку. Достав из кармашка на поясе небольшую изрезанную рунами палочку, я переломил ее в ладони. Вторая такая же сейчас должна была сломаться в кулаке у Свиора, который все это время не выпускал ее из рук. Он сообщит об этом Анару, тот подаст команду, и тут же, пронзенные стрелами, умрут оставшиеся часовые. Наверное, уже умирают. А вслед за этим дверги войдут в стойбище. Скоро здесь станет очень жарко! Надо бы и мне подбросить дровишек.

Неожиданно мой взгляд зацепил привязанного к столбу пленника, которого я в глубине души давно уже похоронил. Тот смотрел на меня ясным пристальным взором, явно отчетливо различая даже сквозь отводящие взгляд установки.

Тоже колдун? Хотя нет... магией от него и не пахло. Тело пленника с ног до головы покрывала кровавая короста, но серьезных ран я не заметил. Странно... Насколько можно было разглядеть издали, орки с ним не миндальничали. Но этот вопрос можно будет прояснить и позже. Подумав, я направился к столбу, собираясь перерезать удерживающие человека ремни. Обидно будет, если в последний момент его угробит случайной стрелой или еще чем. Пускай лучше в сторонке полежит. А если у нас что-то пойдет наперекосяк, пусть у парня будет хотя бы шанс.

Подойдя ближе, я смог точнее оценить внешность и габариты пленника. Мужик оказался здоровенный. Ростом под два метра, чрезвычайно широкоплечий и ширококостный. Но не мясистый, перегруженный горой дурных мышц, а поджарый и невероятно жилистый. На вид лет тридцати, русоволосый и кареглазый. От всего его облика как будто веяло хищным зверем. Волчара!

– Ну, гуляй теперь, узник совести. Если сможешь, – пробормотал я себе под нос, перерезая притягивающие человека к столбу ремни. При этом прекрасно понимая, что гулять ему еще долго не светит. Хорошо, если ползать – слишком долго он простоял связанным. Пленник, казалось, понял мои слова и, насмешливо хмыкнув, твердо встал на ноги, как бы опровергая мои инсинуации. А затем, кивнув в сторону подгорающего в костре орка, спросил:

– Можно?

– Да, пожалуйста, – обалдело ответил я, не сразу поняв, что вопрос задан по-русски. Хотя и сообразив, что он имел в виду – оружие, естественно!

Двигаясь так легко, как будто никогда и не стоял у столба связанный и израненный, бывший невольник ловко освободил мертвеца от излишков оружия, вытянув у того томагавк из-за пояса... и мой кинжал из спины. Это правильно – мой ножик всяко получше будет, чем болтающееся на поясе у орка недоразумение. Сразу видно понимающего человека!

Продолжая меня удивлять, освобожденный воин резво рванул к ближайшему шатру, самому большому из виденных мной в стойбище, – должно быть, палатке вождя и иже с ним. Препятствовать я и не пытался – пусть себе развлекается. Наверное, ему есть за что посчитаться! А даже если нашумит, значения не имеет – дверги уже должны входить в лагерь. Я только переместился поближе к входу в жилище, рассчитывая в случае чего прийти на помощь.

Помощь не потребовалась. Напрягая слух, я так и не смог уловить в шатре никакого подозрительного оживления – грамотно мужик сработал! А через минуту мой новый знакомец вынырнул из шатра, на ходу застегивая на себе широкий боевой пояс с двумя закрепленными на нем странного вида кривыми кинжалами. Мой окровавленный кинжал он небрежно держал в зубах, а томагавк сунул под мышку. Надо думать, живых в чуме не осталось!

Обтерев кинжал о стенку шатра, воин рукояткой вперед

протянул его мне и произнес:

– Меня называют Хорт.

– Волх, – в ответ представился я, в очередной раз заработав удивленный взгляд. И почему все о мое имя спотыкаются?

На этом наш разговор и завял, разводить политесы не было времени. С окраины стойбища уже доносились крики. Сейчас и здесь зашевелиятся.

Пожалуй, пора внести свою лепту. Сосредоточившись и поднапрягшись, я метнул в ближайший шатер шаровую молнию. Пирокинетик я теперь или где?! Прожигая стенку жилища, огненный шар влетел внутрь и там взорвался – шатер аж вспух изнутри! Во как! Знай наших! Воодушевленный таким могучим заделом, я перенес внимание на следующее жилище...

Моих способностей поджигателя хватило ровно на... два чума! Потом я иссяк. В запале принялся было расшвыривать головни, выхватывая их из костра, но быстро остановился, не достигнув вожаденного эффекта. Загораться от обычного огня жилища категорически не желали. Да и черт с ними! Баловаться с огнем было уже некогда. В воздухе стоял непрекращающийся ор. Вокруг в панике метались полуодетые орки, а от края поселения прямо на нас дверги гнали целую толпу дикарей.

Выватив из ножен на спине мечи, я взглянул на Хорта и обомлел – он менялся! Тело стремительно покрывалось шер-

стью. Руки удлинились, а на пальцах отросли здоровенные когти. Грудная клетка раздалась, клином выдвинувшись вперед. Набухли мышцы, заострились уши. Но самое странное происходило с его, как бы это сказать, лицом – оно вытянулось вперед, превращаясь в клыкастую звериную морду! Охренеть! На этом метаморфозы вроде бы закончились, и я наконец вышел из ступора. В целом Хорт оставался вполне антропоморфным – таким Анубисом. Почему, интересно, превращение дальше не зашло? Зато теперь хоть стало понятно, чего он такой живучий.оборотень – одно слово! Интересно, что будет дальше, чего от него теперь ожидать? На всякий случай я напрягся, приготовившись к любым неожиданностям.

Дальше все было просто... Наверняка догадавшийся о моих сомнениях, Хорт подобрал валявшееся рядом с костром копьё и, заткнув томагавк сзади за пояс, молча встал рядом со мной, плечом к плечу. Мозги, значит, на месте остались. Это несказанно радует!

– Ну что, повоюем?! – обратился я к зубастому соратнику. В ответ мне одобрительно оскалилась волчья морда.

Орки накатывались волной. Причем впереди бежали отнюдь не охваченные паникой дикари, а целеустремленные воины. И удирать они вовсе не собирались. Их цель была понятна – сначала оторваться от противника, а потом, сплотившись, дать ему отпор. А прямо у них на дороге стояли мы!

Другая часть орков, то ли оставшаяся для прикрытия, то

ли просто не догадавшаяся отступить, погибала сейчас под мечами и топорами dwarves.

С окраин стойбища к его центру тоже стекались клыкастые воители. Сейчас как навалятся со всех сторон, и нам станет кисло. Надо прорываться к своим!

Я много чего видел в жизни, но, честно признаться, до сих пор мне не приходилось участвовать в подобных баталиях, даже в штыковую не хаживал. На Земле это теперь как-то не принято. Так что мои боевые навыки лежали в несколько иной плоскости. Но все когда-то происходит впервые. Сознание окатило злым весельем. Проорав неизвестно откуда всплывшее в голове: «Сарынь на кичку!» – я ринулся в бой!

Первый из набегающих врагов попытался достать меня копьем. Отклонив наконечник наручем, я наискось рубанул орка по плечу. Клинок оправдал ожидания – казалось бы не слишком сильный удар развалил противника до середины груди! Замахнувшийся топором второй животом напоролся на кошкодер в моей левой руке. Третий воин оказался вооружен мечом и щитом. Не мудрствуя, я саданул ногой в нижний край щита, так что окованный медью верхний разможил ему челюсть. А затем добил, полоснув мечом по шее.

А потом орки пошли валом! Время для меня замедлилось, движения врагов стали плавными и предсказуемыми. Я колол, рубил и кромсал всех вокруг, целиком отдавшись битве, с лихвой восполняя недостаток умения мечника скоростью, силой и яростью.

Оставив меня на острие атаки, немного недоделанный вервольф держался рядом, левее и чуть позади. Двигаясь невероятно проворно, он орудовал копьем скорее как шестом, используя все части оружия. Вертясь юлой, оборотень успевал везде, надежно прикрывая меня с тыла и левого фланга. Вот, выдернув прямо из воздуха летящий томагавк, он отправил его обратно, раскраивая череп неудачливому метателю. Вот, резанув широким наконечником, выпустил кишки очередному противнику, сразу за этим ударив подтоком копья в промежность другому. И моментально дорезав согнувшегося врага неведомо как очутившимся в руке кривым кинжалом. Знатный мне достался напарник!

Враги закончились неожиданно быстро, да, наверное, и было их не слишком много, хотя мне они помстились целой толпой. Прорезав вал отступающих орков, мы с Хортом очутились перед строем dwarves, вернее жидкой цепочкой из пятнадцати бойцов, разбитых на тройки: один чуть впереди, двое прикрывают по бокам. И, развернувшись на сто восемьдесят, тут же влились в отряд, встав в центре. Недоверчиво косясь на оборотня, dwarves все же раздались в стороны, пустив нас в шеренгу.

Dwarves двигались не торопясь. Насколько я понял, мы собирались покончить с врагом одним ударом, чтобы потом не гоняться за одиночными орками по всему стойбищу. Поэтому и давали врагам время собраться вместе. Им бы, наоборот, рассыпаться, а потом наносить нам булавочные уко-

лы, заставляя терять бойцов и не вступая в ближний бой. И ничего бы мы с этим поделаться не смогли – дверги сильны в строю, а не в игре в прятки между шатров. Но ничего подобного орки предпринять не пытались. Видимо, тут сказались отсутствие грамотного руководства – шамана обезвредил я, а вождя зарезал в чуме Хорт. А с другой стороны, откуда им знать, сколько нас и не берут ли сейчас стойбище в клещи другие отряды супостатов. Уж больно нахально и неправдоподобно выглядела атака на целое поселение небольшой горстки ратников. Одним словом, уцелевшие орки сейчас сбивались в подобие строя, собираясь дать нам достойный отпор. Ну, поглядим...

Драться в строю я был не обучен, и Хорт, видимо, тоже. Не сговариваясь, мы выдвинулись вперед, чтобы не мешать остальным, а себе оставить пространство для маневра. Мне вспомнилась тактика средневековых ландскнехтов, выпускающих вперед лучших бойцов, вооруженных двуручными мечами, которыми воины проделывали бреши в строю противника, круша щиты и копья. У нас двуручников не имелось, но внести сумятицу и разлад в ряды неприятеля мы с волколаком, думаю, сумеем. Готовясь к сече, я заметил, что Хорт проделывает некие странные манипуляции со своими кинжалами. Размотав с боевого пояса обвивающую его цепь, он за кольца на рукоятях цеплял к ней свои кривые клинки. Это что еще за оружие такое? Ничего, сейчас узнаем!

Завывая на разные голоса, толпа орков ринулась нам на-

встречу. Хотя какая там толпа – бойцов тридцать от силы, но все же вдвое больше, чем нас. Если они прорвут строй и битва разобьется на индивидуальные схватки, где каждый сам за себя, их будет двое на одного. И нам хана! Сомкнув ряды и не сбиваясь с шага, дверги ответили слитным ревом.

Мы столкнулись... Мне в грудь оказались нацелены сразу два копья. Одному я взмахом правого клинка срубил накопечник, другое, пригнувшись, пропустил над собой, а сжимающего его двумя руками орка, продолжая движение, резанул мечом по бедру. Одновременно дотягиваясь лезвием кошкодера до руки лишившегося копья и теперь замахающего томагавком воина. Вцепившаяся в топорик кисть, срубленная у запястья, полетела на землю.

Мимоходом я отслеживал действия оборотня, а вот за двергов почти не переживал. Там не просто строй – монолит! Если не случится ничего неожиданного, оркам их не взять.

Использовать свое трофейное копьё в ближнем бою Хорт не намеревался. И правильно, в общем. В суетолоке с ним не развернешься. Перехватив копьё за середину, он в упор метнул его в толпу врагов, прошивая одного из противников вместе с щитом. А затем взмахнул над головой цепью с кинжалами. С невероятной скоростью рассекающее воздух диковинное оружие выхлестнуло глаза одному из врагов, а потом кровавой бороздой прошло по груди другого... А дальше я смотреть не стал, занятый навалившимися делами. И так видно, что напарник справляется.

Трудно описать рукопашную свалку, сознание выхватывает только отдельные моменты. Какое там, к чертям поросячьим, фехтование?! Сплошное месиво! Я даже оружие ни разу с противником не скрестил! Оружие, перекошенные морды врагов, внезапно возникающие перед тобой, а потом пропадающие за спиной. Успеть бы удар нанести да самому увернуться от ответного.

Краем глаза заметив, как на оборотня насели сразу двое противников, я, проносясь мимо, перехватил кошкодер обратным хватом и вонзил его в спину ближайшему орку, аж почувствовав, как перерубается хребет. С оставшимся волк, думаю, разберется сам.

Пройдя сквозь орков насквозь, мы с оборотнем развернулись и ударили тем в спину. А пока наша пара свирепствовала в тылу врага, дворги методично перемалывали остальных... До последнего!

Победа была полной. Кто-то наверняка ушел, но нас это не тревожило. Особых проблем выжившие доставить не должны, в худшем случае пустят одинокую стрелу из засады, да и то вряд ли: они сейчас, скорее всего, пытаются унести ноги подальше отсюда и о мести пока не помышляют. А мы будем грабить становище!

Глава 16

Некролог был бы лучшей визитной карточкой.
С. Е. Лец

Дверги разбрелись по лагерю, высматривая уцелевших и добывая раненых. Детей и женщин особо не трогали, если, конечно, те не пытались размахивать оружием; кого-то брали в полон. А вот стариков мужеского полу резали безжалостно – видать, в свое время попортили они двергам кровушки, такое не забывается.

Со сбором трофеев дверги особо не усердствовали. Оно и понятно – что здесь брать-то? У нас своего да взятого в пещере барахла набиралось – не утащить! Конечно, некоторую часть имущества можно взвалить на полон, но не слишком много, если мы не хотим тащиться, как беременная черепаха. А есть еще раненые, которых надо нести...

Как выяснилось, потерь у нас, считай, не было. Погиб только один из оставленных для прикрытия янычар. Для подобной авантюры результат, надо признать, поразительный! А молодому двергу просто не повезло: на него выскочило сразу трое спасающихся от побоища орков. Двоих дверг положить успел, а вот третий заколол копьем его. Но и сам не ушел от расплаты: орка нашла стрела другого янычара.

С ранеными дело обстояло хуже: пострадал каждый вто-

рой, но тяжелых было только двое. Остальные смогут идти сами.

Я отделался несколькими синяками и царапинами, даже не замеченными в пылу сражения, а уже вернувший себе человеческий облик волколак на раны вообще не жаловался. Может, уже заросло? Тут и не разглядишь – крови на нем...

Хорт мародерствовал на полную катушку, ну да ему прощительно – у него кроме пояса с кинжалами и нет ничего. Забравшись в шатер, где он отметил сразу после нашего знакомства, оборотень несколько минут шуровал там, а потом выбрался наружу, обремененный целой охапкой оружия и еще какого-то барахла. Затем, разложив оружие на земле, принялся придирчиво перебирать его, примериваясь к каждому экземпляру. Первым делом Хорт нацепил себе на руки боевые браслеты, кольчужные со стальными вставками, подозреваю, что, как и пояс, они ему и принадлежали – уж больно привычно устроились на предплечьях. Затем выбрал понравившееся копьё взамен своего и томагавк в пару к уже имеющемуся. Подумав, отложил штуки четыре ножа. И куда ему столько? После чего занялся одеждой... Дальше я смотреть не стал, а отправился вызволять шамана. Никому другому-то не поручишь – еще угробят по неосторожности.

Где-то через час все дела были закончены. Перевязав раненых и смастерив для них носилки из фигвамных шестов и шкур, мы наконец выдвинулись в дорогу. Анар возглавил колонну. Полон – пятерых молодых женщин и с десятков де-

тей не старше десяти лет – поставили в середину. Я так подзреваю, это будущие жены и янычары – рабов дверги не держали. Пленного шамана конвоировал лично Свиор. А мы с Хортом замыкали процессию. Волчара успел где-то отмыться и приодеться. Теперь он щеголял в мокасинах, кожаных штанах и длинной рубаше, перехваченной в талии поясом. С боевыми браслетами на руках. И имел вид весьма воинственный – во все стороны топорщились рукояти ножей, кинжалов и топоров. Томагавки были засунуты сзади за пояс, на нем же висели кинжалы, а вот ножи располагались в самых разных местах: на бедре, на голени, на предплечье и даже на груди. Копье он нес в руке.

В горах прямых дорог нет, так что до твердыни dwarves чапать нам пару дней – Анар так сказал. Ну, ему виднее, он тутошний. Видать, подземные тропы завели нас чёрти куда.

Мы шли уже несколько часов. Меня постепенно стала напрягать атмосфера в отряде. Нехорошая она была. Оборотень с dwarves держался ровно, а вот те от него чуть ли не шарахались. Надо разруливать ситуацию. Собираясь этим заняться, я прибавил шаг и направился к неформальному лидеру отряда – Свиору. Поравнявшись с ним, я какое-то время молча шел рядом, думая, как завести разговор – ну не с погоды же начинать. Так ничего и не придумав, рубанул напрямик:

– Послушай, Свиор, скажи честно: чем вам Хорт насолил? Я же вижу, как вы его сторонитесь. Оборотней, что ли, не

видели? – сразу наехал я, делая вид, что с вервольфами общаюсь каждый божий день.

– Таких – не видели! – отрезал колдун и замолчал, явно не склонный продолжать беседу.

Нет, дверги, конечно, ребята неплохие, но вот менталитет у нас разный, и порой мне совершенно непонятно, что за тараканы у них в бестолковке шуршат. Почему по-человечески не объяснить-то?

– И что с ним не так? – терпеливо продолжал я гнуть свою линию.

– Да все не так! Это не оборотень – это Ругару! – рывкнул дверг.

«Я не Негоро – я Себастьян Перейра!» – отчего-то сразу вспомнилась мне фраза Плохиша из «Пятнадцатилетнего капитана», ну того, который с компасом мудрил.

– Ну! И? Что?! – продолжал давить я. Что за народ такой! Каждое слово приходится клещами тянуть.

Видимо, поняв, что так просто от меня не отделаешься, Свиор наконец выдал некоторую информацию:

– Демон это. Душу человеческую сожравший и в тело вселившийся. Куснет – таким же станешь. Его и убить-то нельзя – удачи лишишься... а то и помрешь! Посмертное проклятье всем нам будет, – с тоской в голосе протянул он. – В бою-то еще ничего, может и обойтись. А с этим... Он же вместе с нами бился, кровь проливал. – Колдун безнадежно махнул рукой. – Даже прогнать нельзя – осерчает, да и законы наши

не велят. – От расстройства Свиор начал сбиваться на высокий стиль.

Вот только суеверий с проклятиями мне и не хватало. В демоническую сущность Хорта я не верил ни на грош, благо уже успел пообщаться и посмотреть на него в деле – нормальный мужик. Конкретный и обстоятельный. На поле брани в амок³⁴ впасть не стремится, пену изо рта не пускает и берсерком совершенно не выглядит, а действует продуманно, четко и результативно. Короче, нет в нем ничего демонического, как я это самое демоническое себе представляю, – голову на отрез! К сожалению, я уже знал, что если дверг вбил себе чего-то в башку, то никакими силами его не переупрямишь – хоть кол на голове теши.

– И как вы определили, что он этот самый Ругару?

Колдун посмотрел на меня как бы даже с жалостью, как на слабоумного.

– Оборотень, всем известно, полностью перекидывается, посередине застрять он не может. А Ругару, наоборот, звериный лик до конца накинуть не способен – плоть человеческая не позволяет. Вот полузверем и остается, так и отличаются. Неужто тебе это неведомо?!

– Ведомо – неведомо... Мне такое ведомо, что вам и не снилось, – буркнул я себе под нос, озадаченный открывшимися обстоятельствами.

– Слушай, твое колдунство, а почему ты магией по оркам

³⁴ Амок – слепая ярость.

не долбанул? Вон, даже я отметил, — сползая со скользкой темы, поинтересовался я. По поводу ликантропии и демонологии я пообщаюсь лучше непосредственно с неправильным оборотнем.

Колдун усмехнулся:

— Так без толку, потому что ничего серьезного я сделать не мог, я ведь не природный, как вот он. — Свиор кивнул на пленного шамана. — Молниями швыряться не умею, а на орках амулеты — от моего колдовства защита достаточная. С оружием от меня больше проку было.

Немного поболтав с колдуном на отвлеченные темы, я узнал еще кое-что о магии. Выходило, что от обычного колдуна в битве пользы немного. А если он и способен что учинить, то только после серьезной подготовки (своей-то силы у него нема), на что в бою обычно нет ни времени, ни возможности. Еще колдун может заговорить оружие или зачаровать что-то еще — те же амулеты, к слову, но ничего сверхубойного ожидать от таких заколдованных артефактов не стоит. И чары на них обычно накладывают пассивные — оберегающие. Такой амулет, кстати, у каждого дверга имеется, а у многих и по несколько.

Потом я малость приотстал и опять пошел рядом с Хортом. Нам надо было серьезно поговорить, и я подыскивал нужные слова. Не заявишь же прямо в лоб — ты, мол, демон... такой-то и такой-то, давай колись! Разные могут случиться неожиданности... Особенно если это окажется прав-

дой. Но даже начать разговор я не успел – оборотень, видимо, почуял, о чем пойдет речь, и заговорил первым, сразу взяв быка за рога:

– Я знаю, что обо мне думают твои друзья, – невесело усмехнулся он. – Должно быть, они считают меня нечистой. Я прав? Ты об этом хотел спросить?

– Ну... что-то в этом роде... – ошеломленный таким напором, промямлил я. Но быстро собрался и, тоже решив не юлить, прямо добавил: – Демоном тебя считают.

Вот в лоб и получилось!

– Каким, если не секрет? – заинтересовался полуволк.

– Ругару.

Я замолчал, ожидая продолжения.

– Что ж... Логично, этого следовало ожидать, – задумчиво протянул Хорт. – Все признаки налицо. Но думаю, я смогу рассеять ваши подозрения. Только давай подождем до вечера, в дороге как-то не с руки.

Мне оставалось только согласно кивнуть. Действительно, пока вроде не горит, а вечером все разрешится... тем или иным образом.

Анар гнал отряд скорым маршем, насколько это было возможно. Мы шли целый день почти без отдыха. Дверги, несущие носилки с тяжелоранеными, менялись каждый час. На привал останавливались только один раз – слегка перекусить. Думаю, если бы не полон и раненые, которым требовалась хоть небольшая передышка, жевали бы вообще на ходу.

Лагерь разбивали уже в сумерках. Хотя «разбивали» – звучит слишком громко. Просто выбрали подходящее место в заросшей лощине между скал, нарубили лапника для лежанок да выставили караулы. Даже костров разводить не стали – ни к чему лишнее внимание привлекать, а перекусить можно и сухим пайком. Вражеского шамана надежно принайтовили к ближайшему дереву, а полон просто согнали в центр стоянки. Даже вязать не стали – никуда они не денутся... с подводной лодки.

Недружелюбные взгляды dwarves то и дело цеплялись за расположившегося несколько в стороне Хорта. Атмосфера ощутимо накалилась. После боя и на марше было не до того, да и шли мы позади других. А теперь претендующий на звание демона волколак оказался на виду. Поесть ему тоже никто не предложил, а это для dwarves ну о-очень показательно. Своих же припасов у него, естественно, не было, а на привале с ним делился я.

Понимающе хмыкнув, Хорт встал и принялся раздеваться, предварительно избавившись от целой груды оружия – свалив его рядом на землю. Dwarves хмуро и настороженно наблюдали за стриптизом. Под конец на оборотне остались только боевые браслеты, которые он снимать почему-то не стал. А пояс с кинжалами, сняв с талии, застегнул на шее. К чему бы это? Наконец, завершив свои не слишком понятные манипуляции, оборотень стал меняться! На этот раз я наблюдал превращение с самого начала и не в горячке боя, а

в спокойной (почти) обстановке. Потрясающее зрелище! По телу Хорта пробежала дрожь, и плоть как будто потекла. Менялись мускулы, кости, пропорции – все! Ощерившись клыками, вытянулись челюсти, конечности превратились в лапы, тело покрылось шерстью, и оборотень упал на четвереньки... На этот раз Хорт обернулся полностью. Меньше чем через минуту после начала представления, довольно скалясь и помахивая хвостом, перед нами стоял громадный серый волчище! Ну да, закон сохранения массы³⁵ здесь никто не отменял, а у Хорта вес прилично за сотню будет – вот и имеем волка-переростка. На передних лапах зверя, охватывая их пружинящим кольчужным плетением, плотно сидели стальные браслеты. Горло же на манер шипастого ошейника надежно защищал боевой пояс.

Немного насладившись нашим замешательством, оборотень перекинулся обратно, вернув себе человеческий облик, а потом неторопливо оделся. Защитный ошейник опять превратился в боевой пояс, заняв свое место на талии. Дверги оживленно загомонили.

Пожалуй, о волчьем поясе стоит сказать несколько слов. Благо он того заслуживает, и доселе я подобного не видел. Как выяснилось позже, боевой пояс волколака представляет собой до предела продуманную конструкцию – снаряжение и многофункциональное оружие сразу. Забегая вперед, скажу – каждый раз, когда вскрывалась его очередная функция,

³⁵ С учетом радиоактивного распада закон сохранения массы уже отменили.

мне оставалось только поражаться.

Поверху пояс охватывала, извиваясь между стальными шипами, сложенная в два раза цепь, наискось по бокам крепились два кривых кинжала с кольцами в навершии рукояти. Цепь и сама по себе грозное оружие в умелых руках, а вкупе с прицепленными за кольца на рукоятях кинжалами становилась и вовсе убийственна.

Пряжка пояса на поверку служила ножнами для еще двух небольших тычковых³⁶ ножей, а за подкладкой помещалась плетеная волосяная праща, из которой оборотень разил без промаха. К слову, кривые кинжалы волколаки величали «клыками», а ножи, как можно догадаться, носили гордое прозвание «когти».

В поясных кармашках хранились деньги и ценности – если таковые имелись... Или что другое. Сзади, в небольшом подсумке, обретались разнообразные полезные мелочи: огниво и трут, соль, мешочек с лекарственным зельем, толстая кривая игла – одинаково пригодная и заштопать рану, и починить одежду. Еще моток тонкой и прочной бечевки, рыболовные крючки и кусок медной проволоки, который можно было пустить, допустим, на силки, а можно использовать для расправы с врагом – как гарроту³⁷. И это еще не полный набор... Там разве только складной наковальни не было! В общем, «малый комплект для выживания», как сказали бы

³⁶ Тычковый нож – нож с рукояткой, расположенной перпендикулярно лезвию.

³⁷ Гаррота (исп.) – удавка.

на Земле.

Если оборотень собирался перекинуться в волка, он передевал пояс на шею и спокойно оборачивался, не боясь расстаться с имуществом. Пояс превращался в шипованный ошейник, отлично защищающий самую уязвимую часть – горло, а минимум снаряжения и удобно размещенное оружие не мешали вервольфу в его волчьей ипостаси.

Браслеты на волколаке тоже были непростые – их стальные вставки скрывали под собой метательные ножи.

Уже много позже, плотно пообщавшись с Хортом и узнав больше о волколачьем племени, я сделал для себя соответствующие выводы: весьма специфический ассортимент оружия, может, малость и ограничивал возможности вервольфов в бою, но с тем, что имелось, оборотни обращались мастерски. В этом я уже успел убедиться. К тому же кроме кинжалов, цепи и метательного оружия волки бесподобно владели посохом. Вырубить в лесу шест не проблема, и, естественно, волколаки не пренебрегали таким орудием, освоив его в совершенстве.

Одним словом, снаряга у перевертышей была на диво толковая – ни отнять, ни прибавить. Для лесной войны в обеих ипостасях самое то. Особенно учитывая некоторые связанные с оборотничеством неудобства: доспехи с мечами и прочим на волка не навесишь.

После устроенного обратном представлении отношение к нему двергов мгновенно и кардинальным образом переме-

нилось. Казалось, они стыдились своего недавнего пренебрежения и всеми способами пытались загладить вину, наперебой предлагая несостоявшемуся демону местечко получше и кусок побольше. Как дети, право! Только Свиор смотрел по-прежнему недоверчиво, хотя и ощутимо расслабился – действительно, умение Хорта перекидываться не полностью противоречило представлениям колдуна об оборотнях и пока еще не получило должного объяснения.

Но оказалось, что сольное выступление волколака еще не закончено. Дождавшись, когда гомон несколько утихнет, волк жестом попросил внимания и добил всех окончательно:

– Разрешите представиться, – бросив подбородок к груди и прищелкнув несуществующими каблуками мокасин, отпартовал оборотень, – поручик Хорт Леший. Первый Туземный полк пограничной стражи Великого княжества Русь, волк-оборотень, с вашего позволения, – шутливо отрекомендовался Хорт. – Был в плену у эльфов. Бежал. Пробираюсь к своим.

Занавес!

Окруженный материнской заботой dwarves, Хорт жрал в три горла. Но это не в упрек: регенерация регенерацией, но кровопотеря у него была солидная – орки постарались на славу, да и ускоренное заживление ран требует изрядной подпитки калориями, по себе знаю. Попутно оборотень излагал почтительно внимавшей публике историю своих злоключений. Надо заметить, что, несмотря на внешнюю суро-

вость, он оказался отличным рассказчиком, к тому же не обделенным чувством юмора. В изложении оборотня выпавшие на его долю тяжелейшие испытания иногда выглядели просто забавным приключением, но как только речь заходила об эльфах, глаза вервольфа вспыхивали мрачным огнем. Видать, от ушастых он натерпелся по полной.

Вкратце его эпопея выглядела следующим образом.

Командуя разведвзводом пограничной стражи, поручик Леший преследовал вырезавший приграничный поселок отряд эльфов и напоролся на грамотно устроенную засаду. Завязался бой. К несчастью, среди устроивших западню длинноухих оказался сильный колдун – в результате сражение было проиграно. Сам Хорт попал под заклинание и очнулся уже в плену. О судьбе остальных бойцов своего отряда Хорт ничего не знал – скорее всего, погибли.

– Надеюсь, это случилось в бою, – мрачно промолвил оборотень. – Тем, кто живым попал в лапы к длинноухой сволочи, не позавидуешь.

Дверги согласно закивали.

– В плену нас оказалось трое, и все трое оборотни, как позже выяснилось, не случайно, – продолжил рассказ поручик. – Ты хотел знать, почему я могу остановить обращение на середине? – неожиданно повернувшись к колдуну, спросил Хорт. – Так это эльфы постарались! Естествоиспытатели в душу мать!..

– Что над нами колдуны вытворяли, рассказывать не буду

– вспомнить тошно, но мои товарищи этих опытов не перенесли... а я вот выжил! – скрежетнул зубами волколак. – Зачем это длинноухим понадобилось, не спрашивай – не знаю. Они передо мной не отчитывались.

Выжившего после экспериментов оборотня в покое не оставили и даже не убили. Продолжая тешить научное или не совсем любопытство, волколака стравливали с различным зверьем и нечистью, заставляя оборачиваться то целиком, то наполовину, а то и вовсе изменяя только отдельные части тела. В доказательство Хорт как бы между делом продемонстрировал нам метаморфозу левой руки в когтистую лапу и обратно. Свиор был поражен, он о таком и не слыхивал.

Оборотня перегоняли с места на место, устраивая целые представления из его схваток. А потом он бежал, воспользовавшись моментом, когда на конвой случайно налетела банда отправившихся в очередной рейд орков. На счастье, это произошло недалеко от края эльфийских владений.

– Иначе не ушел бы! – признался Хорт.

От орков эльфы с трудом, но отбились, хотя это их не спасло:

– Ох уж я и повеселился! – кровожадно прорычал волколак, рассказывая, как, воспользовавшись кинжалом убитого в свалке эльфа, освободился от пут, а потом рвал на куски сплеховавшую охрану. Затем, обыскав трупы, ему даже удалось вернуть отнятые ранее браслеты и пояс – обязательные принадлежности любого уважающего себя волка-оборотня.

Пробиваться к своим через Эльфийскую Пущу Хорт не рискнул.

– Без шансов это... даже волком не проскользнуть. Там эльфы хозяева – изловят обязательно, – посетовал волколак.

Хорт двинулся к горам, надеясь найти обходной маршрут, но вскоре наткнулся на орков и... снова угодил в плен, где его опять пытали и, видимо, собирались сожрать! Ну а потом появились мы... В общем, приключения оборотня заслуживали отдельного романа!

Утром мы тронулись дальше и без приключений шли часов восемь. Потом горное ущелье, где пролегал наш путь, вильнуло в последний раз и вынырнуло в долину, над которой господствовала вырубленная в скале твердыня dwarves.

– Ну вот, считай, дома! – облегченно выдохнул Анар, а вслед за ним и все остальные.

Со сторожевой вышки, где обосновался dwarvesкий дозор, нас уже заметили. В воздух взвились дымы сигнальных костров. Значит, в цитадели сейчас начнут готовиться к встрече героев. А чем мы не герои? Рейд прошел удачно, задание выполнили и перевыполнили, дел наворотили изрядно. То ли еще будет!..

Глава 17

*И взял он меч, и взял он щит, высоких полон дум.
В глушобу путь его лежит, под дерево Тум-Тум.*

Л. Кэрролл

Осень была в самом разгаре, сроки катастрофически поджимали. Хотя зима на этих широтах наступает поздно и особой суровостью не отличается (все же почти субтропики), надо было поторапливаться. А дел еще завались!

После устроенного в честь нашего возвращения грандиозного пира я уже неделю как проклятый вкалывал в подземных мастерских dwarves. Корпел над «оружием возмездия». У эльфов, под сенью лесов, колдунов немерено развелось. Совсем забурели и dwarves кислород перекрыли?! Ну так и получите несимметричный ответ!

У нас с колдунами напряженка – значит, пойдем другим путем... Это как в свое время в Союзе: в ответ на американскую программу СОИ³⁸ отечественные кулибины предложили не париться, а без затей выкинуть на орбиту побольше болтов и гаек – дешево и сердито! В рамках уже нашей оборонной инициативы, так сказать... Пускай себе вражьи спут-

³⁸ СОИ (Стратегическая оборонная инициатива) – американская программа «звездных войн».

ники среди металлолома летают. Недолго...

Ответ, прямо скажем, даже не асимметричный, а, скорее, неадекватный. Ну да так и надо! Я собирался поступать по такому же принципу. Вместо вражеских спутников у нас тут эльфийские маги будут, вот на них управу и найдем.

На фоне здешних магов каким-то запредельным «оружием завтрашнего дня» мои новшества не выглядели – иной маг может выступить и покруче. Другое дело, что у него быстро «сядут батарейки», как давеча у меня. К тому же для достаточно серьезного магического воздействия требуется непосредственное участие волшебника. А любая взрывчатка этих недостатков лишена.

На Земле, особенно в то время, когда был наемником, мне не раз приходилось изготавливать заряды из подручных средств, вот навыки и пригодились.

Селитра и соляровое масло – исходные компоненты для взрывчатки³⁹ – у dwarves имелись. Керосином они пользовались вовсю, а где керосин – там и солярка. Добывали и селитру – для изготовления черного пороха, запасы которого dwarves хранили в самых дальних пещерах и изредка использовали в горных работах.

С сахаром и углем тоже проблем не было. Сложнее было с алюминиевой пудрой для аммонала. По понятным причинам, электролизом dwarves воспользоваться не могли и по-

³⁹ Автор сознательно искажает или опускает рецепты горючих и взрывчатых веществ.

лучали алюминий химическим путем в ничтожных количествах. Соответственно, и ценился он на вес золота! Но ради прорыва блокады двери были готовы пойти на любые жертвы! Все запасы драгоценного металла были безропотно предоставлены в мое полное распоряжение. И я тут же начал переводить его на алюминиевую пудру, подписав на это дело несколько вооруженных напильниками двергов.

Как известно, смешав вышеперечисленные немудреные ингредиенты в нужной пропорции, мы получим боеприпас, по характеристикам ненамного уступающий тротилу. С аммоналом и соляро-селитровой смесью я и экспериментировал. Проблема была в другом – в этом мире взрывчатые вещества вели себя самым непредсказуемым образом, особенно бурно реагируя на присутствие любой активной магии!

Нужные пропорции для ингредиентов мне пришлось выявлять опытным путем. Занятие, как выяснилось, жутко неблагодарное, если не сказать смертельно опасное – в процессе меня основательно контузило и чуть не покалечило! Тому, что я уцелел, дверги радовались очень трогательно – еще бы, едва не похерили последнюю надежду! Зато я понял, почему на Сиде пренебрегали взрывчаткой: думаю, попавшие сюда с Земли новаторы не раз пытались воссоздать взрывчатые вещества по земным рецептам без учета магической среды... а потом их соскребали со стен. Естественно, что такие казусы отбивали всякую охоту заниматься подобными вещами у остальных. И на любые изыскания в области

подрывного дела поставили клеймо – лучше не связываться, магия надежней!

Существовала и другая проблема: легковоспламеняющиеся смеси – например, порох или греческий огонь – хороший маг мог поджечь с дальней дистанции, что сводило на нет их военное применение. Нет, поджечь маги могли практически что угодно, но для этого все-таки надо было подобраться поближе. А вот для таких вещей, как черный порох, исходя из сведений о его составе, давным-давно были разработаны специальные заклинания, способные воспламенить его за версту. С пироксилиновыми порохами, видимо, была та же петрушка, что и со взрывчаткой, – непроизвольная детонация! По крайней мере, так говорил Хорт, которому это дело в военном училище доходчиво объяснили. Был у них там такой предмет – «основы магического воздействия» назывался. В общем, магия мешала прогрессу. Надо было попытаться это дело как-то обойти.

Поселили оборотня рядом со мной – в соседней келье, а большую часть времени он проводил в мастерских, помогая мне в работе, и по большей части его советы оказывались весьма толковыми. Как-то само собой выходило, что идти через территории эльфов нам тоже вместе, и я нисколько не возражал против такого напарника – напротив, был этому рад. Собственно, то, что ему надо в ту же сторону, было понятно с самого начала. Вот вдвоем и будем прорываться! А то, что Хорт глаза отводить не может... зато видит сквозь мо-

рок и лес ему как дом родной, да и других достоинств масса! Я видел, как он упражнялся с оружием... и надо признать, мне до него далеко. С кинжалом он управлялся однозначно лучше меня, не говоря уж о посохе... Хотя и уступал в скорости. Конечно, надумай мы устроить спарринг на ножах, на моей стороне будет еще и владение приемами рукопашного боя. Так что результат схватки заранее предсказать нельзя, но мастерство оборотня вызывало уважение. Может, уроки у него брать?

Кроме всего прочего, Хорт оказался настоящим кладом информации об эльфах, что позволило существенно скорректировать наши планы. В общем, его компания солидно увеличивала шансы на успех. Я уж не говорю о том, что оборотень просто пришелся мне по душе.

Наконец взрывчатка была готова. Созданный мною боеприпас на Земле или вообще не взорвался бы, или сдетонировал не полностью. А здесь работал отлично! Но оставалась проблема запалов, которую я надеялся решить с помощью Виндальва: если всплеск магии инициирует подрыв заряда, так отчего же этим не воспользоваться?! С такой задачей я и отправился к магу.

Мое совещание с Виндальвом от вопросов инициации взрывчатки неожиданно ушло в сторону. Заметив у меня на руке найденный в подземельях перстень-кастет, маг сильно заинтересовался и попросил посмотреть его поближе. Я не возражал. Немного покрутив перстень в руках, Виндальв

вернул его мне, попросил надеть и стукнуть кулаком по стене. Пожелание я выполнил. Эффект был как от удара кувалдой! Не слишком сильный удар оставил в камне приличную выбоину!

– Непростое у тебя украшение, – прокомментировал результат маг. – Попробуй еще.

Войдя во вкус, несколькими ударами я окончательно изуродовал стену кабинета мага. А потом мы перешли к опытам над железом и деревом.

Стальная кираса, извлеченная откуда-то двергом, после того как я саданул в нее кастетом, основательно промялась. Такая же участь постигла сначала шлем, а потом и висящий на стене щит – удар в умбон расколол его в щепу!

После пробы на бронзовом зеркале на том остались явные отпечатки перстня, и использовать погнувшееся зеркало по прямому назначению больше не представлялось возможным.

С деревом эффект был меньше, но тоже присутствовал – во всяком случае, я с одного удара запросто разнес массивный дубовый стол, а вслед затем и лавку. Очень хотелось испытать вещь на живом объекте, но, к сожалению, никого подходящего под рукой не оказалось. Ладно, потом на домашней живности попробую.

Я подумывал показать Виндальву и другие найденные в подземелье вещи, но потом замотался и как-то забыл.

Посмотрев на руины кабинета, Виндальв сказал, что, по-

жалуй, опытов достаточно, и предложил заняться непосредственно тем делом, ради которого я к нему и пришел. Предварительно переместившись в другое помещение...

Вопрос с детонаторами мы благополучно решили, и я снова вернулся к своим изысканиям на ниве взрывотехники.

В какой-то момент я даже начал подумывать о чем-то вроде фаустпатрона, то бишь гранатомета. А что, конструкция несложная: труба с запальным механизмом да граната со снаряженной взрывчаткой боевой частью на реактивной пороховой тяге. Но потом от этой идеи отказался – нет достойных целей, да и не для лесной войны это. К тому же дистанция выстрела у такого оружия будет небольшая, и конкуренции магу оно составить не сможет, а вот непроизвольно сработать – запросто. Вернее, элементарно рвануть в руках. Плюс несовершенство конструкции: проще простого и самому пострадать, и своих угробить. Но на будущее надо запомнить, может пригодиться.

Следующим номером программы стало изготовление напалма и, соответственно, огнеметов, чтоб было из чего этим напалмом поливать. Но тут сложностей не предвиделось. Смешав керосин, солярку и гудрон, я получил напалм, а уже дверги разливали его по кувшинам, запечатывали их и вставляли запалы из силитрованного фитиля.

Часть напалма я несколько усовершенствовал, получив пирогель, добавил туда селитры и алюминиевого порошка – и весь бы таким сделал, да вот алюминий вышел. Темпера-

тура горения у этой смеси значительно выше, да и потушить ее практически невозможно.

Потом настала очередь огнеметов. Я остановил свой выбор на конструкции времен Второй мировой войны – фугасном огнемете. Для наших целей лучше не придумаешь, да и в изготовлении он до изумления прост. Металлический резервуар для горючей смеси с двумя отверстиями: одно – для емкости с вышибным пороховым зарядом, другое – для сифонной трубы с прикрытой мембраной соплом. Еще зажигательная шашка, воспламеняющая одновременно и пороховой заряд, и выбрасываемую под давлением пороховых газов огнесмесь. Вот и все устройство! Под моим руководством дверги быстро изваяли опытный экземпляр, и он успешно прошел испытания. Изготовление остальных огнеметов можно было смело поручать работавшим со мной умельцам – теперь и сами справятся.

Параллельно с работой над огнеметом я подготовил для эльфов еще пару приятных сюрпризов, не столь серьезных, как предыдущие, но и не безобидных. И вот наконец наступил день, когда я с удивлением понял, что все приготовления в основном закончены и откладывать выход больше не имеет смысла: «Когда ни умирать, а день терять». Возвращаясь после трудового дня к себе в келью, я окликнул уже открывающего дверь соседней комнаты оборотня:

- Хорт, постой, давай ко мне зайдем, поговорить надо.
- Чего ж не поговорить, – отозвался оборотень. – Толь-

ко погоди, не на сухую же ласы точить. Схожу, принесу чего-нибудь...

В отношении кормежки дворги исповедовали чуть ли не коммунизм и питались в основном централизованно, в общих трапезных. Не без исключений, безусловно... Руководящая верхушка столовалась отдельно и по другой разнарядке. Ну, это нам знакомо... Кроме того, для «партии и правительства», в ряды которого временно затесались и мы с волколаком, существовал «спецраспределитель», где в любое время дня и ночи можно было разжиться дефицитной снедью и алкоголем. Хотя, если честно, ничего особенного там не имелось – в пище дворги были непривередливы, всему другому предпочитая мясо. Деликатесами не злоупотребляли, и гурманами их было не назвать. Так что притащенный Хортом ассортимент продуктов особенными изысками не блистал: колечко копченой и пара колец сырой колбасы, хороший кусок буженины, сыр, лепешки и зелень. Ну и пиво, разумеется... Много! Можно было взять и сырого мяса, а потом приготовить его прямо в камине, но не хотелось возиться – обойдемся. А вот колбасу нужно обжарить...

Утолив первый голод, я перебрался в кресло, а Хорт вольготно развалился на лавке, опершись о стол. Обрывочная до того беседа потекла размеренно и плавно. Теперь мы больше налегали не на еду, а на пиво, прихлебывая его из глиняных кружек. Настало время для серьезного разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.